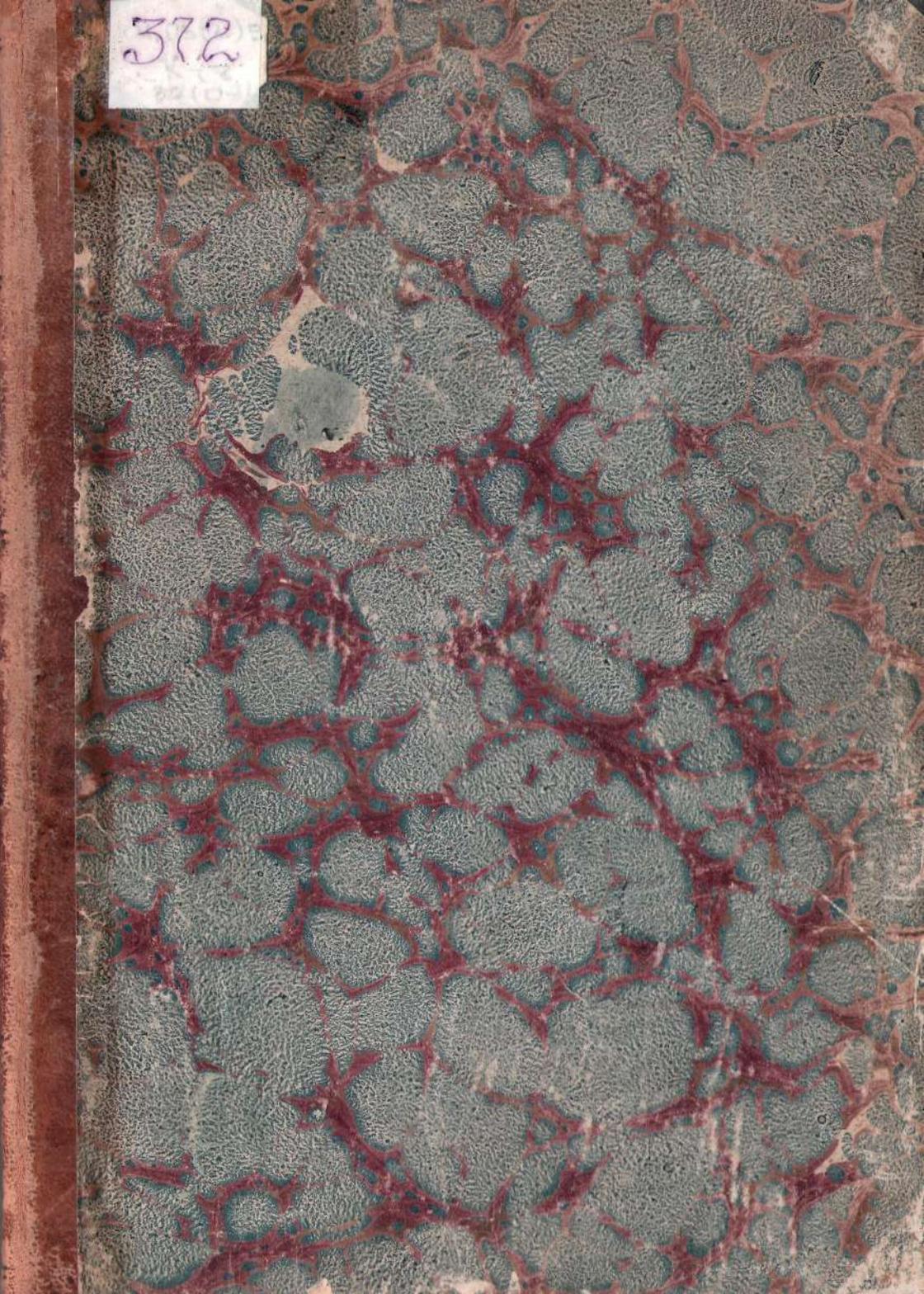

372

372

КРАТКОЕ ОБОЗРѢНІЕ
ПЕДАГОГИКИ.

(Изъ лекцій въ Университетъ Св. Владиміра и на высшихъ женскихъ курсахъ).

роф. С. ГОГОЦКАГО.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ

(Второе, исправленное изданіе).

Изданіе книгопродавца Е. Я. ФЕДОРОВА.

КИЕВЪ

Типографія Е. Я. Федорова, Крещ. площ., особ. домъ.
1882.

Дозволено цензурою, Київ, 7-го Декабря, 1881 года.

БРАТВОЕ ОБЗРѢНІЕ ПЕДАГОГИКИ *)

ИЛИ НАУКИ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНІЯ

(изъ лекцій читанныхъ на высшихъ женскихъ курсахъ).

Вступительныя понятія.

Въ составъ вступительныхъ понятій о наукѣ воспитательнаго образованія входятъ слѣдующіе вопросы: 1) Въ чемъ состоитъ наука воспитательнаго образованія или какова ея задача? 2) Съ какими науками она находится въ преимущественной связи и каково ея значеніе? Наконецъ, 3) каковъ ея составъ или изъ какихъ составныхъ сторонъ, требующихъ разсмотрѣнія, складывается процессъ воспитательнаго образованія, составляющій предметъ этой науки?

I.

Для опредѣленія задачи науки воспитательнаго образованія, необходимо прежде всего выдѣлить и опредѣлить понятіе воспитательнаго образованія.

*) Слово *педагогика* происходитъ отъ сочетанія двухъ греческихъ словъ: *пайс* (παις дитя) и *агоге* (αγωγή, веденіе, руководство) или какъ-бы *агогикосъ* (αγωγικός) *руководящій, руководительный*; *агогике* (αγωγή) *руководящая* т. е. наука, τέχνη, επιστήμη.

Воспитательное образованіе, какъ образованіе, сходно съ образованіемъ вообще; но какъ воспитательное, оно имѣеть черты, дающія ему отдѣльное положеніе въ общей системѣ или въ общей сферѣ образованія.

а) Сходство воспитательнаго образованія съ образованіемъ вообще состоитъ въ томъ, что и оно подобно образованію, содѣйствуетъ развитію психофизическихъ или вѣшнихъ и внутреннихъ силъ человѣка. Подобно образованію вообще, воспитательное образованіе имѣеть и *предметный* характеръ, обогащая человѣка существенно-необходимыми предметами знанія и самопознанія, и *формальный*, дѣйствуя, на самыя силы его. Обѣ эти стороны образовательнаго вліянія на человѣка уславливаются одна другою.

Общая же отличительная черта сродственнаго человѣку внутренняго развитія состоитъ въ томъ, что хотя оно, подобно всякому низшему развитію, напримѣръ растенія, также начинается съ неопредѣленнаго запаса силъ, потомъ проходитъ періоды самаго многообразнаго развѣтвленія; но въ этомъ развѣтвленіи не ограничивается однимъ пассивнымъ сохраненіемъ своего родоваго человѣчественнаго типа: человѣкъ сознаетъ еще этотъ человѣчскій типъ въ себѣ, какъ свой, и какъ общій всему человѣчеству, и сознательно можетъ дѣйствовать для возможно-лучшаго развитія его въ себѣ.

На сознаніи неразрывной съ нашимъ индивидуальнымъ развитіемъ общей, связующей насъ идею человѣка, отдаленно основывается возможность культуры вообще, и въ частности воспитательнаго образованія.

б) Но не смотря на неразрывную связь съ общимъ образованіемъ воспитательнаго образованія, оно существуетъ и рассматривается, какъ отдѣльное звѣно его. А потому оно имѣеть и свои вѣшніе предѣлы и внутреннія отличительныя черты.

а) вѣшніе предѣлы воспитательнаго образованія—начало его и конецъ.

Начало воспитательнаго вліянія на человѣка можно полагать съ первыхъ же дней его рожденія. Нѣкоторые педагоги полагали, что воспитательное вліяніе можетъ начаться только съ того времени, когда въ человѣкѣ начинаютъ появляться нѣкоторые признаки сознанія. Понятно, что они понимали подъ воспитательнымъ вліяніемъ только такое вліяніе, которое могло быть сознательно воспринято воспитываемыми.

Конецъ воспитательнаго образованія можно опредѣлить только приблизительно—временемъ совершеннолѣтія, хотя *de facto* оно можетъ оканчиваться или нѣсколько раньше, или нѣсколько позже.

Но необходимо присовокупить, что воспитательное образованіе не всѣми своими приемами одновременно начинается и оканчивается. Изъ трехъ составныхъ сторонъ воспитательнаго процесса—ухода, дисциплины ¹⁾ и обученія, наираньше оканчивается уходъ, за тѣмъ умалется или измѣняетъ свой характеръ дисциплина, а потомъ—обученіе. Начинаются эти приемы также неодновременно.

β) Выдѣляется воспитательное образованіе отъ образованія вообще самою формою, какъ оно совершается.

α) Оно происходитъ помощію систематическаго и отчетливаго вліянія (особенно въ обученіи) старшихъ и зрѣлѣхъ или руководителей на руководимыхъ или на младшихъ и незрѣлѣхъ.

β²⁾) Идетъ послѣдовательно отъ первыхъ элементарныхъ началъ до высшихъ степеней наставленія:

γ) Соединено съ требованіемъ и отчетомъ.

в) Что касается способа, какъ именно и почему воспитательное образованіе или вліяніе можетъ дѣйствовать на воспи-

¹⁾ *Disciplina* латинское слово, означаетъ науку, наученіе преимущественно практическое, ведущее къ правильному способу—дѣйствію

тываемый субъектъ, то онъ состоитъ въ свойственной намъ восприимчивости и въ навыкѣ, образуемомъ отъ частаго повторенія. Таковъ законъ нашей душевно-тѣлесной природы, что наблюдаемая нами выраженія и воплощенія внутренней жизни другихъ, вызываютъ и въ насъ аналогическую возбужденность, также переходящую въ соответственныя воплощенія и дѣйствія. Дитя, еще не умѣющее говорить, когда слышитъ и видитъ, какъ произносятся къ нему какія-нибудь слова, начинаетъ такъ-же складывать губы, и мало-по-малу навыкаетъ произносить слышимыя имъ слова.

Но навыки, приобретаемые человѣкомъ, отличаются отъ навыковъ, свойственныхъ животнымъ. Когда животное приучено къ какимъ-нибудь тѣлодвиженіямъ, то оно никогда не сознаетъ, что эти тѣлодвиженія могутъ служить орудіями евоже собственныхъ оцѣдываемыхъ цѣлей; тогда какъ у человѣка навыки, приобретаемые въ періодъ воспитательнаго образованія, должны быть и бываютъ въ послѣдствіи необходимыми орудіями его собственной, самосознательной и цѣлесообразной жизни, какъ разумнаго существа, какъ лица, по крайней мѣрѣ въ возможности

Отсюда происходитъ требованіе, чтобы навыки и дисциплина, въ періодъ воспитательнаго образованія, отличались разумнымъ характеромъ, какъ необходимое орудіе, безъ котораго невозможно было бы для человѣка и осуществленіе разумныхъ цѣлей жизни, съ наступленіемъ самодѣтельности и способности къ самообразованію.

г) Этотъ анализъ воспитательнаго образованія даетъ намъ достаточное понятіе о немъ, какъ предметѣ педагогической науки.

Педагогика или наука воспитательнаго образованія систематически рассматриваетъ средства и способъ, содѣйствующіе возможно-лучшему развитію всѣхъ силъ человѣка, на основаніи законовъ его развитія, и приготовляющіе его къ самодѣтельности и къ самообразованію.

II.

Связь науки воспитательнаго образованія съ другими науками и степень ея значенія.

а) Что касается перваго вопроса, то есть, связи педагогической науки съ другими науками, то отвѣтъ на него нетруденъ и содержится уже въ самомъ понятіи о человѣкѣ, какъ предметѣ воспитательнаго образованія.

Человѣкъ—нравственное существо, т. е. способенъ къ сознательной и сознательно-цѣлесообразной дѣятельности: но эта дѣятельность совершается не иначе, какъ при посредствѣ тѣлеснаго организма, который служить орудіемъ и символомъ ¹⁾ его душевной жизни. Итакъ, если наука воспитательнаго образованія рассматриваетъ средства развитія всѣхъ нашихъ силъ, на основаніи самыхъ законовъ ихъ развитія, то естественно, что она имѣетъ нужду въ наукахъ двойнаго рода.

α) Съ одной стороны, она имѣетъ нужду въ тѣхъ отрасляхъ естествознанія, которыя занимаются изслѣдованіемъ строенія и жизни нашего тѣлеснаго организма. Изъ нихъ для педагогики важна преимущественно гигиена.

β) Съ другой стороны, наука воспитательнаго образованія имѣетъ нужду въ пособіи нѣкоторыхъ нравственныхъ наукъ.

¹⁾ Символь, не то, что орудіе, напримѣръ, перо или ружье, употребляемая человѣкомъ. Орудіе не имѣетъ никакой внутренней связи съ тѣмъ, кто его употребляетъ, тогда какъ символъ служить выраженіемъ его внутренней жизни, и притомъ, выраженіемъ не какого-либо животнаго, непосредственнаго настроенія, но и выработаннаго высшимъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ, свойственнымъ человѣку и чуждымъ животному. См. Философ. Словарь, Кіевъ. 1876, *Символь*.

И во первыхъ, для науки воспитательнаго образованія необходимо пособіе психологій; потому что психологія разсматриваетъ законы послѣдовательнаго развитія и хода проявленій психической жизни, а наука воспитательнаго образованія, какъ выше сказано, не можетъ не сообразоваться съ этими законами.

Во вторыхъ, она имѣетъ нужду въ тѣхъ наукахъ и въ указаніяхъ со стороны тѣхъ отраслей культурной жизни, въ которыхъ разсматриваются самыя цѣли человѣческой жизни, т. е., тѣ цѣли, къ которымъ должна направлять свою систему средствъ и наука воспитательнаго образованія.

Такъ-какъ самыя цѣли человѣческой жизни выражаются въ двойной формѣ—общей или отвлеченной, идеальной и положительной, то и два рода наукъ нравственныхъ или знаній, касающихся нравственной жизни человѣка, необходимо имѣть въ виду въ наукѣ воспитательнаго образованія. Для правильнаго объясненія цѣлей перваго рода, необходима *Июика* 1) или вравоучительная философія; для примѣненія къ дѣлу цѣлей втораго рода очень важно пониманіе гражданскаго обществія и народной жизни.

Общимъ пособіемъ для педагогикѣ со стороны правильнаго пониманія цѣлей человѣческой жизни, служить религія.

Примѣч. Отъ преимущественнаго вниманія къ однимъ или другимъ сторонамъ человѣческой жизни, происходятъ въ-которыя несходства и въ направленіи педагогикѣ и педагогическихъ школь, обыкновенно разсматриваемыя въ исторіи педагогій.

б) Труднѣе отвѣтъ на другой вопросъ—о возможности педагогикѣ и о степени ея научнаго и практическаго значенія.

а) Возможность педагогикѣ или науки воспитательнаго образованія основывается на возможности развитія и совершен-

1) *Июика* или по другому чтенію, *Этика* происходятъ отъ греческаго слова *ἦθος* (нѣось или эгось) нравъ.

ствования человѣческой природы усиліями его разума и воли. Если естествознаніе признаетъ, что и геологическими процессами вырабатывались лучшіе типы животныхъ и растений и приготовились условія для существованія человѣка, то тѣмъ болѣе имѣемъ основаніе полагать, что подобное совершенствованіе должно продолжаться и въ жизни человѣчества; а наука воспитательнаго образованія представляетъ средства къ тому, какъ первое, приготовительное звѣно этого цѣлостнаго образованія и совершенствованія человѣка. Если съ одной стороны, и видно, что силы, данныя человѣку отъ природы, оказываютъ своеобразное вліяніе на сознательное и свободное употребленіе ихъ; то, съ другой стороны, нельзя сомнѣваться и въ томъ, что правильнымъ вліяніемъ сознанія и нравственной воли можно значительно вліять на улучшеніе самихъ этихъ силъ, не только въ каждомъ человѣкѣ порознь, но и въ цѣлой генерации народа.

β) Значеніе педагогики, и во первыхъ научное. Нельзя отрицать, что по матеріалу, заимствуемому изъ вѣкоторыхъ частей естествознанія, изъ психологіи, изъ нравоучительной философіи и изъ другихъ отраслей образованія, наука воспитательнаго образованія имѣетъ зависимый и собирательный характеръ. Въ этомъ отношеніи, она отчасти сходна съ географіею.

Тѣмъ не менѣе, эта наука не лишена научнаго и особенно образовательнаго значенія; потому что въ ней систематически сосредоточивается разсмотрѣніе всѣхъ средствъ того образованія, кѣторое служитъ исходнымъ началомъ для образованія и самообразованія каждаго человѣка въ жизни.

Кромѣ того, приспособляя всю систему образовательныхъ средствъ къ возможно-лучшему развитію всѣхъ силъ воспитываемыхъ субъектовъ, эта наука знакомитъ вмѣстѣ съ составомъ и развитіемъ этихъ силъ, свойственныхъ человѣку, т. е., именно ведетъ человѣка къ самопознанію и самообразованію.

γ) Могутъ быть и нѣкоторыя недоумѣвія касательно образовательнаго значенія педагогики. Но они собственно только ограничиваютъ, но нисколько не уничтожаютъ этого ея значенія.

α) Могутъ сказать, что педагогика ничего не приноситъ для образованія человѣка, такъ-какъ она только придерживается естественнаго развитія человѣческихъ силъ.—Но въ этомъ возраженіи забыто, что развитіе данныхъ намъ отъ природы силъ совершается не иначе, какъ подъ вліяніемъ внѣшней среды; воспитательная же наука можетъ придать несравненно болѣе обилія, приспособленности и порядка внѣшней средѣ, для образовательныхъ цѣлей, въ сравненіи съ тѣмъ ея состояніемъ, которое, въ всякихъ воспитательныхъ мѣрѣ, дано случайно и въ хаотическомъ безпорядкѣ, ни къ чему цѣлесообразно не ведетъ и ничего вреднаго не устраниваетъ.

β) Нѣсколько важнѣе то возраженіе, что наука воспитательнаго образованія не можетъ своими общими законами и общими средствами опредѣлить съ точностію, какъ именно должно дѣйствовать на воспитываемое существо въ каждомъ данномъ случаѣ; такъ-какъ внутреннее настроеніе образуемыхъ субъектовъ бываетъ не одинаково, судя по ихъ темпераменту, возрасту, предварительнымъ впечатлѣніямъ и т. д.

Это возраженіе имѣетъ много вѣрнаго;

Но, вопервыхъ, оно показываетъ только то что для воспитательно-образовательной дѣятельности нужно соединять съ наукою опытъ и наблюденіе;

Во вторыхъ, что и самому опыту педагогическая наука много пособляетъ изображеніемъ по крайней мѣрѣ главныхъ особенностей человѣческаго настроенія, зависящихъ отъ возраста, темперамента, и т. д. и указаніемъ на полезныя приспособленія къ нимъ.

Словомъ, наука воспитательнаго образованія всегда будетъ имѣть важное образовательное значеніе и будетъ служить необходимымъ пособіемъ не только для образованія другихъ,

но и для самообразованія; такъ-какъ она занимается не одними средствами воспитательнаго образованія, но, что очень важно, и изображеніемъ того метаморфоза и внутренняго роста, которыя совершаются въ человѣкѣ, по мѣрѣ вліянія на него науки и образованія

в) Но признавая значеніе науки воспитательнаго образованія, мы должны не забывать, что и теорія и практика педагогическая имѣютъ свои предѣлы. Эти предѣлы бываютъ:

а) со стороны окружающей насъ среды:

α) физическіе — со стороны физической природы, — климата, почвы, произведеній земли и т. д.

β) нравственные — со стороны окружающихъ насъ лицъ, со стороны общества, народныхъ правовъ, обычаевъ и такъ д

γ) культурные — со стороны большого или меньшаго недостатка въ произведеніяхъ искусства, науки, различныхъ видовъ техники и т. д. хотя и нельзя съ рѣшительностію утверждать, что только полное обиліе культурныхъ средствъ воспитательнаго образованія всегда ведетъ къ соответственнымъ успѣхамъ въ результатѣ.

δ) Со стороны внутренней, т. е., со стороны такъ называемыхъ способностей воспитываемыхъ субъектовъ, воспитательное образованіе также можетъ встрѣчать нѣкоторыя предѣлы. Нѣкогорые, весьма впрочемъ немногіе психологи-педагоги, полагали что первоначально у всѣхъ людей способности одинаковы ¹⁾; но руководствуясь научными изслѣдованіями

¹⁾ Наприм. Браубахъ; но его доводы не имѣютъ силы; потому что слишкомъ отвлечены и имѣютъ въ виду человека отвлеченнаго и какъ бы метафизическаго. Главный доводъ у Браубаха, въ пользу одинаковости способностей у всѣхъ людей, тотъ, что всѣ люди по идеѣ одинаковы. Главное сочиненіе Браубаха; *Fundamentallehre der Pädagogik*, 1841, см. *Allgem. Pädagogik*, Dr. Heinr. Gräfe, Lpz., 1845, II-ой т., стр. 412.

и особенно показаніями наблюденія и опыта, трудно не согласиться, что и въ этомъ отношеніи, т. е., со стороны способностей, воспитательное образованіе встрѣчаетъ неодинаковыя данныя въ воспитываемыхъ субъектахъ для достиженія цѣли²⁾.

Но всѣ эти предѣлы, ограничивающіе силу воспитательнаго образованія, — общи съ предѣлами всякаго образованія и всякой человѣческой дѣятельности; потому то и существуетъ культурная дѣятельность вообще, и въ частности дѣятельность воспитательнаго образованія, чтобы по мѣрѣ возможности одолевать препятствія усовершенствованію человечества вообще и каждаго человѣка порознь. Дѣло — не въ предѣлахъ а въ возможности постепеннаго совершенствованія каждаго человѣка и

²⁾ До XIX вѣка вопросъ о такъ-называемыхъ способностяхъ души, не смотря на различныя направленія философіи съ самыхъ древнихъ временъ, былъ можно сказать въ одномъ положеніи и вовсе не былъ выясненъ. Обыкновенно психологи, какъ идеалисты, такъ и реалисты, только перечисляли голосовито эти способности души, напримѣръ, способности представленія, памяти, воображенія, разсудка и т. д., какъ будто каждая изъ нихъ чароубе существуетъ въ душѣ, какъ книги въ шкафѣ, одна подѣй другой; по вовсе не обращали вниманія ни на внутреннюю связь способностей съ самою натурою души, какъ-бы ни чопимаа ее та, или другая психологическая школа (какъ простое ли и неразрушаемое существо или какъ отвлеченность [наприм. у Гельвеція], ни на внутреннюю связь и послѣдовательность ихъ, ни, наконецъ, на смыслъ какъ каждой способности, такъ и цѣлаго ряда, цѣлой ихъ системы.

Въ XIX вѣкѣ сразу поднять этотъ вопросъ и по крайней мѣрѣ значительно выясненъ. Но чтобы понятнo было различіе между прежними взглядами на способности души и новыми, и результатъ этихъ взглядовъ въ отношеніи одинаковости или неодинаковости ихъ у людей, нужно имѣть въ виду, что слово способности можетъ имѣть два значенія: *вопервыхъ*, значеніе различныхъ несходныхъ (при самомъ сходствѣ) отправленій души въ каждой

человѣчества. Если это совершенствованіе возможно, если исторія удостоверяетъ, что въ ней не подлежитъ сомнѣнію совершенствованіе челоуѣка не только внѣшнее,—въ обстановкѣ, но и внутреннее въ улучшеніи его хотѣній и дѣяній, то и наука воспитательнаго образованія, не смотря на свои границы, какъ одно изъ выраженій и средствъ челоуѣческаго образованія, волюнѣ удерживаетъ свое важное значеніе.

Но и помимо широкаго вопроса о прогрессивномъ движеніи челоуѣчества, наука воспитательнаго образованія очень важна, содѣйствуя приготовленію каждаго челоуѣка къ жизни и возможному развитію его способностей.

III.

Составъ науки воспитательнаго образованія.

Каждая наука, составляя отдѣльное звѣно въ системѣ наукъ, въ то же время есть систематическое цѣлое, также состоящее изъ звѣньевъ или частей и имѣющее свой составъ.

способности порознь—въ представленіи, воображеніи, разсудкѣ и т. д.; это—какъ-бы *качественная* сторона способностей; *во вторыхъ*, значеніе степени силы, какъ естественной, данной отъ природы, такъ и приобрѣтенной упражненіемъ. Это—какъ-бы *количественная* сторона тѣхъ же способностей души, или то, что мы называемъ даровитостію.

Въ XIX вѣкѣ, можно сказать, было два главныхъ направленія психологіи въ рѣшеніи перваго вопроса, т. е., вопроса о происхожденіи и значеніи различныхъ способностей души. По однимъ (германскіе идеалисты перваго тридцатилѣтія XIX вѣка), на способности души нужно смотрѣть, какъ на различные послѣдовательныя функціи, въ которыхъ послѣдовательно разбивается и выражается одна общая функція или одинъ общій процессъ созна-

Составъ главныхъ частей науки воспитательнаго образованія долженъ опредѣлиться самою задачею ея, точно также, какъ вѣтви дерева развиваются изъ зерна и опредѣляются свойствомъ зерна.

Задача науки воспитательнаго образованія, какъ мы уже знаемъ, состоитъ въ систематическомъ начертаніи средствъ развитія однихъ—недостигшихъ зрѣлости, помощію другихъ—зрѣлыхъ, или подъ влияніемъ приспособленной къ тому образовательной среды. Естественно, что для выполненія это задачи педагогики, необходимо раздѣлить ее на двѣ части: *въ первой*—рассматривается развитіе психофизическихъ силъ человѣка и приспособленіе къ этому развитію и содѣйствующее ему гмѣніе воспитательнаго образованія; *во второй*—самая среда и органы воспитательнаго образованія.

Къ этимъ двумъ частямъ общей науки воспитательнаго образованія можно присоединить: *во первыхъ*, краткое разсмотрѣніе нѣкоторыхъ главныхъ особенностей со стороны об-

тельной душевной жизни; такимъ образомъ, способности получили иной смыслъ: выяснилась и связь способностей съ общимъ процессомъ душевной жизни и взаимная связь между ними. По другимъ (Гербартъ, Велеке), эти способности вовсе не имѣютъ внутренней связи съ самою дѣятельною натурою души, какъ какія-нибудь ея оргиваженія, но происходятъ отъ-того, что, подъ влияніемъ внѣшнихъ впечатлѣній и упражненій, образуются, говоря какъ можно общѣе и проще, различныя восходныя сочетанія и соотношенія между представленіями сами собою, какъ-бы механически; а эти различныя сочетанія между представленіями мы и называемъ 'отдѣльными способностями'.

Какой-бы изъ этихъ двухъ взглядовъ на происхожденіе различныхъ способностей души мы ни приняли, всё онѣ, подъ влияніемъ внѣшнихъ впечатлѣній слабѣе или сильнѣе, мало-по-малу обозначаются въ каждомъ человѣкѣ.

разумеющъ, требующія нѣкоторыхъ видовзмѣненій и со стороны воспитательнаго образованія; во вторыхъ, краткую исторію педагогій 1). Исторія педагогій объяснитъ намъ постепенное совершенствованіе теоріи и практики педагогической и послѣдовательный рядъ перемѣнъ въ ея направленіяхъ, въ которомъ постоянно отражалось историческое движеніе и всей культуры.

Литература.

Педагогика, въ смыслѣ полнаго систематическаго ученія о воспитательномъ образованіи, произошла, подобно многимъ другимъ наукамъ, довольно поздно—во второй половинѣ прошлаго столѣтія; но воспитаніе человѣка и въ древности обращало на себя вниманіе людей мыслящихъ.

Между древними народами, преимущественно греки и отчасти римляне заслуживаютъ вниманіе своими понятіями о воспитаніи.

Изъ греческихъ писателей, обращающихъ вниманіе на воспитаніе, преимущественно извѣстны Платонъ и Аристотель²⁾, затѣмъ Ксенофонтъ и Плутархъ.

Но другой вопросъ: въ одинаковой ли количественной мѣрѣ или степени силы онѣ обозначаются? То есть, при одинаковыхъ вліяніяхъ, при одинаковой суммѣ упражненій, всѣ ли могли бы являться съ гениальнымъ производительнымъ воображеніемъ Пушкина, или только тѣ, у кого есть уже задатки высшей силы, высшихъ размѣровъ производительнаго воображенія? На этотъ-то вопросъ нельзя съ рѣшительностію отвѣчать положительно.

1) Слово *педагогія* можно отличать отъ слова *педагогика*. *Педагогія* означаетъ и теорію или науку, и практику педагогическую; тогда какъ педагогика можетъ означать только науку.

2) Примѣч. о педагогикѣ Аристотели писали: Гедике, Орелли и Шульце; о педагогикѣ Платона—Кауцъ; вообще о педагогикѣ грековъ и римлянъ—Гессъ. См. Allgem Pädagogik., Lpz. 1845, 2-ter B., стр. 386.

Между римлянами извѣстны мысли о воспитаніи Квинтилліанъ, Сенека в отчасти Цицеронъ. Мысли другихъ образованныхъ римлянъ или вовсе неизвѣстны, или существуютъ въ самыхъ незначительныхъ отрывкахъ.

Платонъ изложилъ свои понятія о воспитаніи преимущественно въ трактатахъ *о государствѣ и о законахъ*.

Аристотель—въ *Истикъ и Политикъ*.

Ксенофонтъ—въ *Киропедіи* (Κύρου παιδεία, libb. VIII).

Вообще эти древніе писатели классическаго періода рассматриваютъ воспитательное образованіе преимущественно съ государственной точки зрѣнія и ученіе о немъ приурочиваютъ къ ученію о государствѣ.

Плутархъ изложилъ свои мысли (слѣдуя больше Платону) о воспитаніи въ сочиненіи *о воспитаніи дѣтей* (περί παιδων αγωγής), которое впрочемъ считаютъ подложнымъ.

Цицеронъ излагалъ свои мысли о воспитаніи только случайно въ своихъ философскихъ и риторическихъ сочиненіяхъ, имѣя въ виду преимущественно приготовленіе оратора.

Квинтилліанъ говоритъ нѣсколько болѣе о воспитаніи въ римскомъ духѣ, но также имѣетъ въ виду преимущественно образованіе оратора.

Сенека, одинъ изъ римскихъ писателей, рассматриваетъ воспитаніе съ общей точки зрѣнія, но безъ всякаго систематическаго порядка ¹⁾.

Христіанская вѣра сообщила болѣе широкое значеніе воспитательному образованію высшимъ понятіемъ о назначеніи человѣка, не ограничивая его жизни однимъ гражданскимъ общежитіемъ, и тѣмъ самымъ способствовала болѣе широкимъ

¹⁾ О педагогикѣ Квинтилліана писали Андре, Гедике, Ридигеръ. Мысли Сенеки о воспитаніи собраны и изложены Шульце, въ его: *L. Annaei Senecae Paedagogica*, 1809. См. *Allgem. Pädagogik*.... стр. 386.

начадамъ и науки о воспитательномъ образованіи. Но довольно долго и въ новыя времена, именно до конца 16-го вѣка, воспитательное образованіе не было предметомъ основательнаго научнаго изслѣдованія. Всѣ сочиненія, которыя, въ этомъ періодѣ, относятся къ воспитательному образованію, состоятъ большею частию изъ школьных книгъ или учебниковъ и энциклопедій ¹⁾, крайне скудныхъ и по содержанію, и по методу. Сюда относятся—то сочиненія, то извлеченія изъ древнихъ писателей и сборники Маркіана Капеллы (г. 470), Боэція (504), Кассиодора (520), Исидора севильскаго (Hispalensis, 600) и Алкунна (800). Сочиненія Рабана Мавра (830) *de institutione clericali* (Colou., 1532) и Винченца Бове (1250) *de eruditione filiorum regalium* (Rostok, 1476) ²⁾ касаются преимущественно обученія, и притомъ—частнаго.

Въ 14, 15 и 16 столѣтіи, съ возникновеніемъ городовъ и сословія гражданъ, и особенно съ появленіемъ реформаци, стали обращать больше вниманія на воспитательное образова-

¹⁾ Энциклопедія сост. изъ греческихъ словъ: *en* въ, *khlos* кругъ *paideia* образованіе, *воспитательное образованіе*, и буквально означаетъ краткій курсъ наукъ (конечно извѣстныхъ въ тѣ времена), изложенныхъ въ одной книгѣ, или въ одномъ сборникѣ. Энциклопедіи стали входить въ употребленіе въ александрійскомъ періодѣ. По причинѣ крайняго упадка образованія, долгое время въ средніе вѣка вся ученая и образовательная литература состояла только изъ немногихъ подобнаго рода сборниковъ, заключавшихъ въ себѣ только извлеченія изъ древнихъ писателей. Эти сборники извѣстны также подъ именемъ *Septem artes* (семь наукъ или искусствъ) состоявшихъ изъ двухъ частей—*тривиума* (*tres* три и *via* путь дорога) и *квадривиума*. Къ тривиуму относили: грамматику, риторику и діалектику, а къ квадривиуму, какъ высшему курсу—музыку, арифметику, геометрію и астрономію. Подробнѣе объ этомъ говорится въ исторіи педагогіи.

²⁾ См. Allgem. Pädagogik, Dr. H. Grafe. 2-ter B стр 387—8.

ніе; начали заботиться объ улучшеніи школъ, объ изученіи классическихъ писателей и о примѣненіи обученія въ высшему классу народа. Последнее было предметомъ заботливости преимущественно у протестантовъ. Но полнымъ сочиненій въ воспитательномъ образованіи и въ продолженіе этого періода не встрѣчаемъ; есть только отрывочныя мысли о воспитаніи, да учебники, вѣскольکو лучше приспособленныя къ возрасту учениковъ, нежели учебныя руководства предыдущаго періода.

Въ числѣ замѣчательныхъ писателей по педагогическимъ вопросамъ и практическимъ педагогамъ отъ конца 14-го вѣка до конца 17 го вѣка, можно упомянуть Вергеріа, Маффеи Вегіа, Энея Сильвіа, Филельфа, Рудольфа Агриколу, Дезадеріа, Меланхтона, Комерарія, Садоleta, Рапиція, Гейдена, Козелія. Вивеса, Пеандра, Ратиха (* 1636) и Амоса Коменскаго (* 1671)*.

Восемнадцатый вѣкъ заслуживаетъ, по преимуществу, названіе педагогическаго не только въ Германіи, странѣ классической, но болѣе отличающейся обдуманностію воспитательнаго образованія, но отчасти и въ другихъ странахъ, особенно въ Англіи и Франціи. Въ Германіи, съ началомъ 18 вѣка господствовала такъ-называемая *пѣтствическая* ²⁾ школа воспитанія—Франке; а во второй половинѣ того же столѣтія *филантропическая* ³⁾, основанная Базедовиимъ, подъ вліяніемъ началъ Локка и Руссо. Въ то же время, независимо отъ упомянутыхъ школъ удачно продолжали дѣйствовать на педагогическомъ поприщѣ *гуманисты* ⁴⁾, сосредоточивавшіе все об-

1) См. перечисленіе педагогическихъ сочиненій этого періода въ вышеупомянутой Allg Pädagogik, Графе, стр. 391—392.

2) Латин. *pietas* благочестіе.

3) Греч. *φιλοσοφία* (φίλος) люблю и *ανθρωπία* (ανδρατικός) человекѣ, человеколюбивая школа.

4) Отъ слова латин. *humanitas* человекѣность. Словомъ *humaniora, humaniores, liberales artes* у римлянъ на-

разованіе на изученіи древней классической литературы и *электрики* ⁵⁾ съ своимъ правиломъ: „все испытывать и выбирать лучшее“. Независимо отъ всѣхъ этихъ школъ дѣйствовала Песталоцци, склоняясь впрочемъ отчасти къ понятіямъ Руссо. Песталоцци практическая педагогика во многомъ обязана новой жизни и большею основательностію.

Въ восемнадцатомъ столѣтіи было уже достаточное количество сочиненій по наукѣ воспитательнаго образованія. Упомянемъ только нѣкоторыя изъ нихъ, обращающія на себя вниманіе либо систематическимъ характеромъ, либо оригинальностію взгляда:

Локка, *Thoughts on education* (мысли о воспитаніи) появились еще въ 1693 году. Было переведено и на другіе европейскіе языки.

Руссо, *Emile ou de l'education*, 1 edit., Paris, 1762.

Бовка, *Lehrbuch d. Erziehungskunst*, 1780.

Миллера, *Grundsätze einer weisen und christlichen Erziehungskunst*, 2 ed., Gottingen, 1771; XX. Оба эти систематическіе курса педагогики составлены по началамъ пѣтистической школы Франке.

Траппа, *Versuch einer Pädagogik*, Berlin, 1780, составлено по началамъ Руссо и Базедова.

Канта, *Ueber Pädagogik* herausg. v. Rink, Königsb., 1803.

Въ 19-мъ вѣкѣ, и особенно въ Германіи, вышло такъ много систематическихъ курсовъ педагогики, что было бы

звалось почти тоже, что у насъ названіемъ *изящныхъ искусствъ*, и отдѣлялось отъ низшихъ *artes*, отъ ремеслъ. Словомъ *humanitas* также иногда обозначается совокупность произведеній древней классической литературы.

⁵⁾ Греческ. *εκλεγο*, *εκλεγο*, выбираю, съ выборомъ извлекаю.

крайне затруднительно всё перечислять здѣсь. Приведемъ только болѣе выдающіеся.

Гербарта, *Allgemeine Pädagogik, aus d. Zweck d. Erziehung abgeleitet*, Götting., 1806.

Стефани, *System d. öffentlich. Erziehung*, ed. 2-te, Erlangen, 1813.

Г-жа Неккеръ-де-Соссюръ, *L'education progressive...* Paris, 1828. *Etude de la vie des femmes*. Были и другія педагогическія сочиненія Н. д. Соссюръ.

Шварца, *Erziehungslehre in drei Bänden*, Lpz., 1829. Была и другія его педагогич. сочиненія.

Гразера, *Divinität od d. Princip, d. einzig wahren Menschenerziehung.. 2 vol.*, Bayreuth, 1830. Отличается религіознымъ направленіемъ въ духѣ шеллинговской философіи и строгою систематикою.

Нимейера, *Grundsätze d Erziehung. u. d Unterrichts...* 3 vol., 9-te Ed., Halle, 1834. Извѣстенъ и другими педагогич. сочиненіями

Бенке, *Erziehungs-u.-Unterrichtslehre*, 2 vol Berlin.

Фрицъ, *Esquisse d'un system complet d'instruction et d'education et de leur histoire*, Strasbourg, 1841

Денцель, В. G. *Einleitung in die Erziehungs-u Unterrichtslehre*, III Theil., Stuthgart, 1828.

Браунъ, О., *Cours theorique et pratique de Pedagogie et de Methodologie*, III tom., Bruxelle, 1854.

Бартель К., *Schulpädagogik*, Lissa, 1856.

Розенкранца, *Die Pädagogik, als System*, Königsb. 1840. Написано въ духѣ гегелевской философіи.

Вайца, *Allgemeine Pädagogik*, Braunschweig, 1852; въ духѣ философіи Гербарта.

Стоя (Stoy): *Encyclopaedie der Pädagogik*, Lpz., 1861.

Шмедта, Dr Carl, *Gymnasial—Pädagogik....*, Köthen, 1857.

Кромѣ систематическихъ сочиненій, есть много педагогическихъ словарей и періодическихъ изданій, особенно на нѣмецкомъ языкѣ. См. вышеупомянутое сочиненіе Фритца, т. 1, стр. 108—112.

Въ Россіи также не было недостатка въ педагогическихъ сочиненіяхъ, какъ переводныхъ, такъ и самостоятельныхъ, или по крайней мѣрѣ составленныхъ подъ вліяніемъ какой-нибудь педагогической школы. Приведемъ здѣсь только нѣкоторыя за послѣднія четыре десятилѣтія.

Нѣкоторыя замѣчанія о воспитаніи въ христіанскомъ государствѣ, М-ва, 1835.

О воспитаніи дѣтей въ духѣ благочестія, М-ва, 1841.

О системѣ наукъ, приличныхъ въ наше время дѣтямъ, назначаемымъ въ образованнѣйшему классу общества, сочин. доктора Ястребцова, М-ва, 1833. Это—второе изданіе; первое было подъ другимъ заглавіемъ.

Новая библіотека для воспитанія, П. Рѣдвина, М-ва, 1847.

Руководство къ педагогикѣ—по Нимейеру, А. Ободовскаго, Спб. 1835.

Руководство къ дидактикѣ—по Нимейеру, А. Ободовскаго, Спб. 1837.

Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія, К. Ушиискаго, 2 тома, Спб. 1869 года.

Чтенія о воспитаніи, П. Юргевича, М-ва, 1865. Его же, Курсъ общей Педагогикѣ, Москва, 1869.

Очеркъ практической педагогикѣ, Фр. Диттеса, Спб. 1869.

Руководство къ начальному обученію, изданіе 2-ое, Кіевъ, 1871.

Руководство къ воспитанію и ученію, Ф. Бенке, ч. I и II, издано подъ редакціею Весселя, Спб., 1871 и 1872.

Курсъ педагогикѣ, М. Чистякова, Спб., 1876.

Педагогическая психологія, П. Каптерева, Спб., 1877.

Начальныя Основанія Педагогикѣ, П. В. Евстафьева, II вып., С. П. Б., 1880.

По педагогической журналистикѣ на русскомъ языкѣ, можно упомянуть, кромѣ существовавшихъ—*Педагогическій Вѣстникъ* и *Журналъ для воспитанія: Народная школа*, изд. О. Н. Мѣдвикова, *Семья и школа*, Ю. И. Симашико, *Воспитаніе и обученіе*, Е. Бороздиной, *Женское образованіе*. См. обстоятельныя свѣдѣнія о педагогической литературѣ въ Россіи—Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы, Спб. 1878. См. еще *Журналъ М. Народ. Просв.*, 1855, кн. 4, апрѣль, стр. 64—78, и *Г. Н. Пескова*, Сборникъ переводовъ по педагогикѣ, дидактикѣ и методологіи, II тома, Спб., 1872.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ, РАССМАТРИВАЕМОЕ ОТДѢЛЬНО ОТЪ
СРЕДЫ ВОСПИТАНІЯ.

Для разсмотрѣнія воспитательнаго развитія психофизическихъ силъ человѣка и способовъ содѣйствія ему, нужно сперва выяснитъ самую общую черту развитія свойственныхъ ему нравственныхъ силъ. Тогда намъ понятно будетъ раздѣленіе этой первой части на два отдѣла и взаимное отношеніе между ними.

а) Нравственное или внутреннее развитіе человѣка есть развитіе свойственнаго ему сознанія и самосознанія; а съ развитіемъ правильнаго сознанія и самосознанія неразрывно сопряжено уже и правильное понятіе каждаго человѣка о нравственномъ значеніи его жизни, объ отношеніи его къ обществу, объ отношеніи его нравственныхъ силъ къ окружающимъ его и даннымъ ему физическимъ силамъ, словомъ, всѣ тѣ нравственныя черты, которыя сообщаютъ человѣку высшее значеніе въ сравненіи съ другими низшими произведеніями природы.

Но изъ чего слагается сознательная человѣческая дѣятельность и какъ она возможна? Съ отвѣтомъ на этотъ вопросъ будетъ понятно, на что воспитательному образованію

предстоитъ обратитьъ вниманіе для достиженія цѣли, для представленія воспитываемому правильнаго и возможно-лучшаго образованія, и за тѣмъ, способности къ самодѣтельности и къ самообразованію.

Сознаніе или сознательность, на какой бы степени она ни была, слагается изъ субъекта и свойственныхъ ему силъ и объекта или изъ представленій и понятій объ окружающихъ насъ вещахъ, объ окружающемъ насъ мірѣ.

б) Естественно, что, примѣняясь къ этому составу сознанія и сознательной дѣятельности, воспитательному образованію предстоитъ обратитьъ вниманіе, *во первыхъ*, на развитіе свойственныхъ человѣку силъ, *во вторыхъ*, на сообщеніе воспитываемому основныхъ систематическихъ свѣдѣній о чловѣкѣ и объ окружающемъ насъ мірѣ. Таково самое общее основаніе двухъ отдѣловъ первой части педагогики (т. е., науки воспитательнаго образованія, разсматриваемаго внѣ его среды), а именно, *ученія о воспитаніи*—въ тѣсномъ смыслѣ слова, и *дидактики* ¹⁾.

Раздѣленія первой части педагогики на эти два отдѣла требуетъ самое свойство и процессъ нашей сознательной дѣятельности. Существенная черта этой дѣятельности, а потому, и необходимое условіе ея процесса и развитія состоитъ въ томъ, что въ основаніи ея всегда лежитъ безотчетно совершающійся процессъ, будетъ ли онъ естественный, первоначальный и отъ природы данный (первичный автоматизмъ ²⁾), или прибрѣтенный и усовершенствованный намѣреннымъ и

¹⁾ *Дидактика* отъ греческаго *дидаско* (διδασκω) учу; *дидактикосъ* (διδακτικός) учительный, *дидактикѣ* (διδασκαλῆ) учительная, т. е., наука, τέχνη, ἐπιστήμη.

²⁾ Отъ греч. (αὐτός) *автосъ* самъ, и *манвамо* (μανθάνω) изучаю (disco), учусь; *автоматизмъ* самонаученіе, самодвижность; *автоматическій*—самонаученный, самъ собою безъ ученія движущійся.

сознательнымъ упражненіемъ (вторичный автоматизмъ). Оттого, какова бы ни была наша сознательная и отчетливая дѣятельность, всегда ее сопровождаетъ базисъ безъотчетно-совершающихся движеній, дѣйствій, представленій и т. д.; они идутъ въ связи съ сознаниемъ и параллельно сознанию. Въ тѣлѣ, это—всѣ отправления, совершающіяся безъ участія нашей воли, или только отчасти зависящія отъ нея. Въ душѣ, это—инстинкты, чувства, влеченія, безъотчетное, какъ-бы автоматическое теченіе представленій, и т. д. Если развитіе нашихъ психофизическихъ силъ неупрочено твердо долговременнымъ упражненіемъ, переходящимъ въ навыкъ, то и сознательное успѣшное употребленіе ихъ будетъ крайне ограничено. Примѣровъ этой истины такъ много, что и приводить ихъ было бы излишне. Здѣсь основаніе существеннаго значенія дисциплины и ритмическаго образа жизни, переходящаго въ навыкъ.

Это-то свойство нашей сознательной и отчетливой дѣятельности только подтверждаетъ необходимость раздѣленія первой части педагогики на вышеупомянутые два отдѣла—*ученіе о воспитаніи* и *дидактику* или *методологію*. Потому что далеко не всегда бываетъ гармоническое отношеніе между двумя сторонами нашей душевной жизни—сознательною и безъ участія сознания, безъотчетно-дѣйствующею. Наука воспитательнаго образованія къ тому и направляетъ свои мѣры, чтобы водворить между ними гармонію и взаимное соответствіе. Мѣры воспитанія направляются преимущественно къ тому, чтобы данныя намъ силы были въ возможно-лучшемъ состояніи, чтобы что-нибудь доброе и отвѣтъ воспринятое ими въ собственную, живую функцію, превратило ее въ навыкъ, въ процессъ автоматическій; а обученіе, дѣйствуя прямо на познавательныя способности, сообщая въ послѣдовательномъ порядкѣ и въ систематической формѣ запасъ необходимыхъ свѣдѣній, удобнѣе достигаетъ цѣли, когда находитъ приспособленныя къ тому д,шевно-тѣлесныя навыки.

в) Связь между воспитаніемъ и обученіемъ.

Не смотря на вышеупомянутое отдѣленіе воспитанія (въ тѣсномъ, смыслѣ слова) отъ обученія, внутренняя связь между ними постоянно существуетъ. Она основывается на внутренней связи между мыслию и сердцемъ, между направленіями жизни и знанія, между душевнымъ настроеніемъ и происходящею отсюда большею или меньшею успѣшностію обученія ¹⁾.

Забвеніе связи между воспитаніемъ и обученіемъ бываетъ причиною неблагопріятныхъ послѣдствій: или дурнымъ обученіемъ портятся самыя добрыя задатки воспитанія, или наоборотъ—отсутствіе хорошихъ навыковъ парализуетъ успѣшный ходъ обученія.

I.

Воспитаніе (въ тѣсномъ смыслѣ слова).

а) Понятіе о воспитаніи.

На основаніи предъидущаго, подъ воспитаніемъ разумѣется здѣсь преимущественно совокупность такихъ мѣръ, которыя употребляются воспитывающими для возможно лучшаго развитія въ воспитываемыхъ душевныхъ и тѣлесныхъ силъ и необходимыхъ навыковъ, съ тѣмъ, что бы потомъ можно было съ успѣхомъ ими пользоваться, для отчетливаго и сознательнаго ихъ употребленія, какъ въ періодъ воспитательнаго образованія, такъ и потомъ, въ дѣлѣ собственнаго самообразованія, въ жизни.

б) Раздѣленіе ученія о воспитаніи.

Главнымъ и, можно сказать, единственнымъ предметомъ воспитанія можетъ быть только существо, способное къ самосознанію, къ самодѣятельности и къ самообразованію; потому

¹⁾ Связь между воспитаніемъ и обученіемъ разсматривается и въ началѣ втораго отдѣла первой части—въ дидактикѣ.

что эти именно будущія совершенства и составляютъ цѣль воспитательнаго образованія. А потому, воспитаніе прямо можетъ относиться только къ душевной жизни. Но такъ-какъ душевный агентъ ¹⁾ входитъ въ міръ явленій и дѣйствуетъ въ немъ при помощи тѣлеснаго организма, какъ своего органа и символа, то естественно, что для возможно-лучшаго развитія душевныхъ силъ и способности ими пользоваться, необходимо обращать вниманіе и на правильное развитіе тѣлеснаго организма, какъ органа души. Если мы и говоримъ о необходимости воспитательныхъ мѣръ къ правильному развитію тѣлеснаго организма, то это нисколько не значитъ, что и въ самомъ дѣлѣ возможно физическое воспитаніе въ собственномъ смыслѣ. Смыслъ физическаго воспитанія только тотъ, что въ систему воспитательнаго образованія входитъ и заботливость о развитіи и сохраненіи физическихъ силъ въ человѣкѣ, какъ необходимаго и соответственнаго орудія душевнаго развитія.

А.

Физическое воспитаніе ²⁾.

а) На основаніи предъидущаго, *общая задача* воспитательнаго вниманія къ физическимъ силамъ воспитываемаго

¹⁾ Отъ латин, *ago* веду, *dēlo* дѣлаю, *agens*, дѣйствующій, дѣятель.

²⁾ Такъ-какъ слушателямъ достаточно извѣстны правила гигиены, то мы можемъ ограничиться самымъ краткимъ очеркомъ этого отдѣла воспитательнаго образованія, придерживаясь въ немъ общепринятыхъ рубрикъ. Впрочемъ, и безъ того, этотъ отдѣлъ пройдетъ въ наукѣ воспитательнаго образованія кратко, какъ относящійся къ другой отрасли наукъ. Физическое воспитаніе иногда называютъ *педагогическою ортоботикою* (*Orthos orthos*, правильный, *bios bios*, жизнь).

субъекта понятна. Эта задача состоитъ въ такомъ сохраненіи и развитіи его физическихъ силъ, которое приготовило бы его тѣлесный организмъ, какъ соответственный органъ его внутренней жизни и внутренняго развитія. Значить, заботливость о сохраненіи и развитіи физическихъ силъ въ человѣкѣ, въ періодъ его воспитательнаго образованія, далеко нетождественна съ уходомъ за низшими животными. Въ уходѣ за животнымъ имѣется въ виду только развитіе его физическихъ совершенствъ (тучности, ловкости, силы и т. д.); а потому, они и служатъ орудіемъ цѣлей, которыя ставятся не самимъ животнымъ, но самосознательнымъ, личнымъ существомъ человѣка; тогда какъ въ человѣкѣ развитіе его физическихъ силъ получаетъ смыслъ только по нравственному употребленію ихъ, т. е. по такому употребленію, которое сознаетъ человѣкъ, какъ принадлежащее ему, а не другому, какъ поставленное его собственнымъ человѣческимъ самосознаніемъ, какъ вызванное самостоятельно-сознанною имъ цѣлію жизни и своего призванія. А потому, и уходъ за правильнымъ развитіемъ физическихъ силъ человѣка долженъ быть такъ поставленъ, какъ того потребуетъ и будущая сознательная дѣятельность и самодѣятельность воспитываемаго.

Двѣ могутъ быть противоположныя крайности во взглядѣ на тѣлесный организмъ и отношеніе его къ душевной жизни въ человѣкѣ, и каждая изъ нихъ можетъ оказывать невыгодныя послѣдствія въ теоріи и практикѣ педагогической: одна крайность—это рѣшительный дуализмъ въ понятіи о душѣ и тѣлѣ, требующій совершеннаго невниманія къ тѣлесному организму (напримѣръ, у нѣкоторыхъ новоплатониковъ); другая крайность—это рѣшительный сенсуализмъ и матеріализмъ, который, при соблюденіи послѣдовательности, можетъ оставить безъ вниманія недостатки, противоположныя предъидущему крайнему дуализму и потворствовать чисто-животнымъ инстинктамъ въ человѣкѣ.

б) Главные пункты вниманія физическаго воспитанія и раздѣленіе его на части опредѣляются самымъ составомъ тѣлеснаго организма.

Въ тѣлесномъ организмѣ различаютъ три системы отправленій—воспроизводительную (*reproductivitas*), раздражительную (*irritabilitas*) и чувствительную или органъ чувствованія (*sensibilitas*). Отсюда происходятъ и три главные предмета вниманія въ дѣлѣ физическаго воспитанія: сохраненіе и питаніе тѣлеснаго организма, мѣры къ развитію и укрѣпленію мышечной системы и къ сохраненію въ здоровомъ состояніи нервной системы, какъ органа чувствъ. Первую называютъ педагогическою діететикою (*διαίτα*, *vitae ratio*, образъ жизни); вторую гимнастикою (*γυμναζω*, *exerceo* упражняю); третью не имѣть опредѣленнаго названія. Иногда ее называютъ севсуальною (*sexus*) педагогіею.

а) Педагогическая діететика.

Нашъ тѣлесный организмъ нуждается въ матеріалахъ питанія, для своего существованія и развитія, заимствуемыхъ отъ нѣ.

Средства, необходимыя для растительнаго организма: влага, воздухъ, температура, свѣтъ.

Средства, необходимыя кромѣ предъидущихъ, для животнаго организма: питанія, приготовляемая изъ другихъ организмовъ, т. е., пища растительная и животная.

Примѣч. Для свѣдѣнія объ этихъ педагогическихъ вопросахъ полезно прочесть трактаты въ фیزیологическихъ курсахъ: о пищевареніи, дыханіи и крови.

Говоря о питаніи, нужно имѣть въ виду, что правильное питаніе, и особенно если оно сопровождается нормально внутреннею жизнью, имѣетъ очень важное вліяніе на усовершенствованіе тѣлеснаго организма, не только единично разсматриваемаго, но и въ цѣлыхъ поколѣніяхъ.

Важное различіе между человѣкомъ и низшими животными въ отношеніи къ внѣшнимъ условіямъ жизни состоитъ въ томъ, что у человѣка есть относительное владычество надъ этими условіями. Оттого, человѣка называютъ иногда всеяднымъ (въ отлічіе отъ плотоядныхъ и травоядныхъ животныхъ), на томъ основаніи, что онъ не ограничивается какимъ-нибудь однимъ родомъ пищи.

На основаніи вышеупомянутыхъ условій сохраненія и питанія тѣлеснаго организма, педагогическая дѣятельность обыкновенно обращаетъ преимущественное вниманіе на пищу и питье, сонъ и бодрствованіе, воздухъ и помѣщеніе и на одежду.

а) Пища и питье.

Въ отношеніи къ пищѣ, въ періодъ воспитательнаго образованія, нужно имѣть въ виду: качество пищи, количество ея, приспособленіе къ возрасту и періодическую правильность въ употребленіи пищи. Последнее, какъ замѣтилъ Песталоцци, можетъ имѣть вліяніе не только на здоровье, но и на характеръ.

Питьемъ должна быть чистая, ключевая вода, какъ самое естественное питье. Питье и пища раздражающаго свойства неумѣстны.

б) Сонъ и бодрствованіе.

Для составленія общаго понятія о снѣ и бодрствованіи, какъ руководительнаго для педагогическихъ выводовъ, необходимы начала не только фізіологическія но и психологическія.

аа) Со стороны фізіологической, причины сна, повидному, не имѣютъ законченной опредѣленности. Вообще къ физическимъ причинамъ сна относятъ необходимость восполненія убыли въ тѣлесномъ организмѣ, истощаеомъ дѣятельностію и, кромѣ того, частнѣе, необходимость возобновленія тканей центральныхъ органовъ нервной системы, ослабляемыхъ и истощаемыхъ сознательною дѣятельностію во время бодрствованія. Значить, сонъ есть состояніе недѣятельности мозга, сопровождаемое питаніемъ его мозговой, нервной субстанции. Это

подтверждается не только многими явлениями, сопровождающими сонъ, но и слѣдствіями его. Къ такимъ явлениямъ нужно отнести: состояніе возвышеннаго дыханія, сердцебіеніе, кровообращеніе, оксидацію ¹⁾ крови, выдѣленія, отливъ крови отъ мозга и перемѣну его цвѣта изъ красноватаго въ бѣловатый и усиленіе питанія, которымъ завѣдываетъ симпатическій нервъ (*nervus sympathicus*).

ββ) Со стороны психической, причина сна должна заключаться въ необходимости двойственнаго движенія душевной жизни—между перевѣсомъ то сознательнаго, то безсознательнаго ея. состоянія, или иначе, между состояніемъ однимъ, когда ея силы направлены во внѣ, къ воспріятію впечатлѣній изъ внѣшняго міра и къ занятію ими, и состояніемъ другимъ, когда она отвлекаетъ свои силы отъ вниманія къ чему-то внѣшнему, разнообразному и сосредоточиваетъ ихъ въ себѣ, въ своемъ слитномъ внутреннемъ единствѣ, съ перерывомъ сообщенія съ внѣшнимъ міромъ.

Большая опредѣленность отчетливаго, сознательнаго-бодрственаго состоянія въ человѣкѣ, нежели у животныхъ, ведетъ и къ болѣе рѣзкому отдѣленію сна отъ бодрствованія и къ большому количеству сна у человѣка, нежели у низшихъ животныхъ.

Но было бы мало сказать, что сонъ важенъ въ психологическомъ отношеніи только по отдыху душевныхъ силъ во время сна. Важность сна въ психологическомъ отношеніи—морфологическая; потому что во время сна всѣ перцепціи, представленія и понятія, воспринятыя въ теченіи бодрственаго состоянія, крѣпче усваиваются, и каждое порознь, и въ своей органической связности.

На психологическомъ и фізіологическомъ значеніи сна основываются и нѣкоторые выводы науки воспитательнаго об-

¹⁾ Окисленіе (οξυς острый кислый).

разованія; такъ напримѣръ, что въ младенчествѣ, или вообще во время роста, нужно большее количество сна, нежели въ зрѣломъ возрастѣ, что въ дѣтскомъ возрастѣ неумѣстны не только занятія, но и забавы за полночь, наконецъ, что заучиваемое с вечера гораздо лучше усваивается, если повторено еще поутру.

Присовокупимъ еще, что возможенъ сонъ не только полный, но и какъ бы частичный, когда, напримѣръ, однимъ членамъ тѣла, утомленнымъ какою-нибудь работою, даютъ отдыхъ и употребляютъ для дѣла другіе члены.

Но если для успѣшной бодрственной дѣятельности нуженъ хорошій сонъ, то и наоборотъ, для хорошаго сна нужна хорошая жизнь и сознательная, трезвая дѣятельность.

γ) Воздухъ, свѣтъ и температура. Важность этихъ условій такъ извѣстна, что нѣтъ нужды и распространяться о необходимости ихъ въ періодъ воспитательнаго образованія, когда тѣлесный организмъ еще формируется и имѣетъ особенную въ нихъ нужду. По причинѣ этой важности воздуха, ему даютъ названіе—*primum vitae* ¹⁾. Причина этой важности его для жизни, и особенно въ періодъ роста, заключается въ томъ, что воздухъ вліяетъ на кровь и посредствомъ крови на питаніе тѣла и на возобновленіе всѣхъ тканей, изъ которыхъ оно состоитъ.

δ) Кромѣ предъидущихъ условій, необходимы еще удобство, чистота и порядокъ въ помѣщеніи, хотя бы оно было очень просто. Чистота и порядокъ имѣютъ и психическое значеніе; потому что ими незамѣтно вносится и во внутреннюю жизнь—въ составъ перцепцій, представленій, и понятій строй и порядокъ, и устраняется въ нихъ хаотическій беспорядокъ и смѣшенность.

¹⁾ Пастбище жизни.

а) Касательно одежды въ періодъ воспитательнаго образованія нужно имѣть въ виду:

Физическое назначеніе одежды, то есть, чтобы одежда предохраняла отъ вреднаго вліянія стихій; требованія эстетическія, чтобы одежда не была уродлива и безобразна;

Наконецъ, необходимо имѣть въ виду неумѣстность изысканной одежды, развивающей тщеславіе; это—нравственная сторона одежды.

б) гимнастика.

Второй предметъ вниманія со стороны воспитательнаго образованія составляетъ гимнастика, какъ средство укрѣпленія и развитія въ человѣкѣ мышечной системы, которая служитъ орудіемъ движенія и, вмѣстѣ съ чувствомъ, составляетъ отличительную принадлежность животнаго организма. Для составленія понятія о гимнастикѣ вообще, и въ частности о педагогической гимнастикѣ, достаточно будетъ обратить вниманіе на мышечную систему и на то вліяніе, которое она, по своему устройству и употребленію, можетъ оказывать на весь организмъ. Въ общему понятію о мышечной системѣ и ея значеніи, мы присоединимъ еще краткія свѣдѣнія о системѣ гимнастическихъ упражненій, о необходимости нѣкоторыхъ видоизмѣненій въ гимнастикѣ женской, объ историческихъ судьбахъ гимнастики и наконецъ о внутреннемъ значеніи гимнастики.

а) Устройство мышечной системы.

Въ человеческомъ организмѣ и у большей части животныхъ есть два рода движеній: *непроизвольныя* иногда называемыя органическими, и *произвольныя*. Орудіемъ первыхъ служатъ мышцы, называемыя гладкими или органическими; орудіемъ вторыхъ—мышцы *рубчатая*, называемыя иногда произвольными. Эти-то послѣднія и составляютъ орудіе гимнастическихъ упражненій.

Мышцы, составляющія орудіе произвольныхъ движеній, прикрѣплены въ костямъ, движущимся на подобіе рычаговъ. Онѣ состоятъ изъ мягкихъ, красныхъ и параллельныхъ нитей или свурковъ, тѣсно сплоченныхъ и одаренныхъ способностію сжиматься или сокращаться и удлинняться или расслабляться. Но при сокращеніи мускула, масса его не уменьшается, но только при уменьшеніи его длины, пропорціонально увеличивается его толщина, при чемъ замѣчается въ немъ, быстрое, подобно молніи, волнообразное движеніе. Это-тѣ красныя нити тѣла, которыя по преимуществу называютъ мясомъ.

Большая часть мышцъ расположена группами, и притомъ такъ, что одна группа служить для одного извѣстнаго движенія, а другая—для другаго. Отъ этой связи ихъ происходитъ, что въ произведеніи многихъ по видимому простыхъ движеній тѣла, или даже какого либо спокойнаго положенія его, одновременно принимаетъ участіе нѣсколько мышцъ и даже нѣсколько группъ ихъ. Такъ, напримѣръ, когда человекъ лежитъ на боку, то хотя это лежаніе происходитъ по видимому только по закону тяжести, безъ всякаго напряженія мышцъ, однако въ немъ всегда принимаетъ участіе значительное количество ихъ. Оттого-то происходитъ у насъ, даже въ покойномъ положеніи, во время сидѣнья или лежанья, потребность—перемѣнить одно положеніе тѣла на другое.

Усталость тѣла происходитъ при продолжительности движеній, или при продолжительномъ сохраненіи одного положенія, отъ двухъ причинъ: 1) отъ ослабленія энергіи нервовъ (нервы развѣтвляются въ мышцахъ и приводятъ ихъ въ движеніе) и 2) отъ матеріальнаго истощенія самихъ мышцъ. Поэтому, для укрѣпленія ихъ нуженъ не только отдыхъ (какъ полный, такъ и отдыхъ однихъ мускуловъ, при дѣятельности другихъ), но и вознагражденіе матеріальной утраты въ мышцахъ, чрезъ пищу или внесеніе въ организмъ питательныхъ веществъ. Это вознагражденіе происходитъ при посредствѣ

кровеносныхъ сосудовъ или зилокъ, развѣтвляющихся въ мышцахъ и доставляющихъ питаніе мышцамъ.

На основаніи вышесказаннаго, мышечное движеніе должно признать самымъ сложнымъ автомъ, въ которомъ принимаютъ участіе, кромѣ мышечной системы, еще нервная и кровеносная, и наконецъ, всѣ органы пластической, растительной или такъ называемой органической жизни тѣлеснаго организма. Это участіе въ особенности замѣтно, когда движеніе производится многими мышцами. Потому-то такимъ или другимъ движеніемъ мышцъ, можно по произволу вызывать различное участіе различныхъ органовъ тѣла и дѣйствовать на нихъ. Это послѣднее и составляетъ основаніе методическаго примѣненія мышечныхъ движеній, для достиженія разныхъ фізіологическихъ цѣлей или основаніе такъ называемой *искусственной, гигиенической гимнастики*.

3) Итакъ, подъ искусственною гимнастикою должно разумѣть совокупность разнообразныхъ мышечныхъ упражненій, методически повторяемыхъ и направленныхъ къ тому, чтобы установить и поддержать равновѣсіе между мышечною и другими системами организма.

Изъ вышесказаннаго само собою слѣдуетъ:

Что гимнастика (конечно рациональная) имѣетъ примѣненіе въ особенности тамъ, гдѣ есть нарушеніе равновѣсія между разными системами человѣческаго организма.

Что главнымъ, и даже иногда единственнымъ средствомъ, которымъ гимнастика достигаетъ своей цѣли, служить мышечная система. Причина такого многосложнаго дѣйствія упражненій мышечной системы, понятная изъ вышесказаннаго, заключается въ томъ, что эти упражненія дѣйствуютъ:

а) прямо на мышцы, укрѣпляя ихъ упражненіемъ:

1) См. Ушинскаго, *человѣкъ, какъ предметъ воспитанія*, Спб. 1869 г. т. 1-й, стр. 61—72.

β) на кровообращеніе, на ускореніе его и на всасываніе крови сосудами. Отъ быстрого всасыванія крови, приливающей въ сосудамъ, скорѣе является потребность въ пищѣ—аппетитъ.

γ) На нервную систему. Но для понятія о дѣйствии гимнастики на нервную систему, необходимо замѣтить, что въ нашемъ организмѣ различаютъ двѣ нервныя системы: одна служитъ органомъ чувствованій и произвольныхъ движеній или сознательныхъ отношеній къ вѣшнему міру; это—мозговая или головнospинная система; другая—управляетъ питаніемъ организма, дыханіемъ и кровообращеніемъ, т. е., безсознательною жизнью организма. Ее обыкновенно называютъ *сочувственною* или органическою нервною системою. Для здоровья, между ними долженъ быть антагонизмъ и возникающее отсюда равновѣсіе между ними; гимнастика именно и содѣйствуетъ этому равновѣсію, усиливая тѣлодвиженіями дѣятельность этой послѣдней; оттого усиливается и первая—отдыхомъ и питаніемъ.

Таково вліяніе искусственной или раціональной гимнастики на нашъ организмъ.

γ) Изъ предъидущаго само собою понятно значеніе и гимнастики педагогической, касающейся извѣстнаго возраста въ періодъ воспитательнаго образованія. Въ этотъ періодъ она, преимущественнѣе, нежели въ возрастѣ зрѣломъ, важна именно потому, что при неокрѣпшихъ силахъ дѣтей и молодыхъ людей, усиленная дѣятельность высшей нервной системы, въ ихъ возрастѣ, можетъ особенно ослаблять въ нихъ весь жизненный процессъ организма—плототвореніе, кровообращеніе и затѣмъ, весь механизмъ тѣлоустройства. Поэтому, педагогическая гимнастика необходима, какъ средство для поддержанія равновѣсія между всѣми органами тѣла. Она необходима 1) для тѣхъ, кто обреченъ на движеніе преимущественно однихъ какихъ-либо органовъ тѣла, напримѣръ, для писцовъ ткачей, сапожниковъ и т. д., 2) особенно же тѣмъ, кто по-

свящаетъ себя умственной дѣятельности. Не входя въ подробное описаніе полезнаго вліянія гимнастики, въ особенности же на неокрѣпшій еще организмъ, можно полагать благотворныя слѣдствія ея въ томъ, что 1) гимнастическими упражненіями развивается костяной составъ; кости становятся крѣпче и тверже; грудная и брюшная полость расширяется; позвоночный столбъ дѣлается правильнѣе и красивѣе; 2) Усиливается дѣятельность кровообращенія, пищеваренія, дыханія и т. д. 3) Возбуждается голодъ и жажда отъ усиленнаго потребленія мускульныхъ веществъ и отъ умноженія количества жидкихъ отдѣленій; 4) мускульная система выигрываетъ въ крѣпости, силѣ и ловкости отъ упражненія и усиленнаго питанія и всасыванія помощію кровеносныхъ сосудовъ. 5) Сонъ отъ гимнастическихъ упражненій бываетъ крѣпче, по причинѣ усиленнаго восполненія мозгового вещества во время сна; 6) Мозгъ освобождается отъ психическаго давленія въ слѣдствіе отводящаго дѣйствія тѣлодвиженій ¹⁾.

3) Но при этой общей характеристикѣ пользы гимнастическихъ упражненій, нужно имѣть въ виду необходимость нѣкоторыхъ видоизмѣненій въ гимнастикѣ въ примѣненіи въ *женскому полу*. Необходимость ихъ возникаетъ изъ самыхъ особенностей тѣлоустройства женщины, а именно отъ того, что грудь у женщины меньше, пищеварительный каналъ тѣснѣе, мускульная воловна слабѣе, легкія короче, и оттого, меньшая полнота и крѣпость дыханія. Принимая во вниманіе эти особенности тѣлоустройства женщины, знатоки анатоміи и гимнастики, не совѣтуютъ женщинѣ напряженныхъ прыж-

¹⁾ См. сочиненія: *Домашняя гимнастика и о женской гимнастикѣ*, переводъ съ французскаго. См. еще: сочиненіе Шмидта, *Руководство къ гимнастикѣ*, Петербургъ, 1874.

ковъ, излишней ходьбы, усиленнаго бѣганья и такихъ упражненій, съ которыми сопряжено усиленное дыханіе ¹⁾.

а) Всю систему гимнастическихъ упражненій иногда раздѣляютъ на три группы: на движенія верхнихъ оконечностей, нижнихъ оконечностей и цѣлаго туловища. Къ первымъ относятся движенія рукъ, ко вторымъ движеніе ногъ, къ третьимъ—движенія цѣлаго туловища. Къ этимъ послѣднимъ относятся плаваніе, верховую ѣзду, и единоборство въ разныхъ его видахъ

б) Не смотря на всю важность гимнастическихъ упражненій, только въ недавнее время выработалось полное и сознательное пониманіе ихъ значенія и примѣненіе къ дѣлу. Въ первый разъ являются гимнастическія упражненія въ древней Греціи съ довольно вѣрнымъ пониманіемъ ихъ значенія, но въ самомъ ограниченномъ количествѣ и, при крайнемъ недостаткѣ анатомическихъ свѣдѣній, безъ научныхъ приспособленій къ тѣлоустройству, требуемыхъ различными его недостатками ²⁾. Римляне хотя и заимствовали у грековъ нѣкоторые гимнастическія упражненія, но пользовались ими мало, и совсѣмъ цѣлѣе понимали ихъ значеніе. У грековъ идеалъ челоѣческаго совершенства слагался изъ гармоническаго сочетанія совершенствъ внутреннихъ или душевныхъ, достигаемыхъ внутреннимъ образованіемъ, и совершенствъ тѣлесныхъ; развитію же этихъ послѣднихъ должна содѣйствовать преимущественно гимнастика. Такимъ образомъ, у грековъ гимнастика органически выходила изъ самаго понятія о цѣль-

¹⁾ См. вышеуп. соч. о женской гимнастикѣ.

²⁾ Вся система гимнастическихъ упражненій у грековъ называлась—*пентаэлонъ*: (*пенте*) пенте, *пять* и (*αἰδλον*) *аэлонъ*, борьба, награда за борьбу; пентаэлонъ—какъ-бы пятиричная система гимнастическихъ упражненій.

вомъ существѣ человѣка. Не такъ римляне понимали гимнастику; у нихъ гимнастика просто была только спортомъ чѣ-
 которыхъ полезныхъ для здоровья тѣлесныхъ упражненій. Въ
 средніе вѣка гимнастика была совершенно забыта, такъ-какъ
 изсякли всякія средства образованія и произошла радикальная
 перемена въ самомъ понятіи объ идеалѣ образованія. Во
 второй половинѣ среднихъ вѣковъ появляются рыцарскія тѣ-
 лѣсныя упражненія; но это были упражненія одностороннія,
 обслѣдныя, и вовсе не имѣли значенія принадлежности общаго
 всѣмъ воспитательнаго образованія. Только въ новыя времена,
 подъ влияніемъ изученія древней греческой жизни и системы
 ихъ изящнаго и несложнаго образованія, мало-по-малу разви-
 лось понятіе о гимнастикѣ, какъ необходимой принадлежности
 воспитательнаго образованія. Въ настоящее время, гимна-
 стическія упражненія несравненно многосложнѣе нежели у
 древнихъ грековъ и необходимость гимнастики уже вполне
 признана; хотя смыслъ ея въ системѣ образованія далеко не
 сходенъ теперь съ тѣмъ значеніемъ, какое она имѣла въ
 древней Греціи.

Въ заключеніе должно присовокупить, что хотя въ ги-
 мнастическихъ упражненіяхъ какъ и вообще въ тѣлодвиженіяхъ,
 свойственныхъ человѣку, ничего нѣтъ указывающаго
 на душевную жизнь и достоинство ея въ человѣкѣ, однако же
 человѣческія тѣлодвиженія, какъ мы и выше сказали, суще-
 ственно различаются отъ тѣлодвиженій свойственныхъ низшимъ
 животнымъ; потому что ими править не законъ рефлексив-
 ныхъ движеній и не одно непосредственное самовозбужденіе
 животной жизни, но сознательное направленіе ихъ къ цѣли,
 т. е., и въ нихъ, какъ орудіи самообразованія, должны вы-
 разиться самообладаніе и свойственныя человѣку разумъ и воля.

в) **Нервная система, какъ предметъ физическаго воспитанія.**

Нервная система, какъ органъ нашихъ сознательныхъ
 отношеній къ внѣшнему міру, или какъ органъ нашей внут-

ренней, сознательной дѣятельности, также требуетъ вниманія въ періодъ воспитательнаго образованія. Мѣры къ сохраненію этой системы, называемой иногда организмомъ въ организмѣ, можно раздѣлять на два разряда—на предохранительныя и прямыя или положительныя.

а) Къ предохранительнымъ мѣрамъ можно отнести устраненіе всего, что можетъ раздражать нервную систему и частымъ повтореніемъ водворять въ ней вредныя привычки. Подобное вредное вліяніе могутъ имѣть фантастическіе рассказы, примѣры раздражительности со стороны нравственной среды воспитательнаго образованія, неумѣренное напряженіе нервной системы при умственныхъ занятіяхъ, преждевременное чтеніе эксцентрическихъ повѣстей, и т. д.

б) Къ прямымъ мѣрамъ можно отнести даже правильную дѣтскую гимнастику, о которыхъ была рѣчь выше, и вообще все, что укрѣпляетъ и весь тѣлесный организмъ.

Но такъ-какъ нервная система служитъ ближайшимъ органомъ душевной дѣятельности, то естественно, что для нормальнаго состоянія нервной системы, необходимо и правильное развитіе всѣхъ душевныхъ силъ умственныхъ и нравственныхъ. А это условіе нормальнаго состоянія нервной системы прямо препровождаетъ къ воспитанію духовному или нравственному ¹⁾.

II.

Воспитаніе духовное или нравственное.

Воспитательное образованіе свойственныхъ человѣку душевныхъ силъ составляетъ главный предметъ и центръ воспи-

¹⁾ Понимаемъ здѣсь слово *нравственный* въ обширномъ смыслѣ слова, какъ отличительную черту всей душевной жизни, обладающей способностію къ самодѣятельности въ отличіе отъ слѣпой необходимости, свойственной всему вещественному.

тательной заботливости; только при разумномъ ходѣ этого образованія получаетъ смыслъ и мѣру физическое воспитаніе человѣка. Безъ этого условія, физическое воспитаніе превратилось бы только въ развитіе животной силы въ немъ. Физическимъ воспитаніемъ приготавлилось только годное орудіе для дѣятеля; теперь дѣло касается самаго дѣятеля.

Въ чемъ же состоитъ воспитательное образованіе духовное, что составляетъ его задачу, и каковъ способъ для выполненія этой задачи?

а) Задача воспитательнаго образованія душевныхъ силъ человѣка понятна сама собою изъ общей идеи воспитанія. Оно должно сообразоваться съ самимъ существомъ человѣка и назначеніемъ его жизни, въ сравненіи съ другими, низшими существами и произведеніями природы. Но всѣ низшія существа подчиняются только закону слѣпой необходимости; одинъ только человѣкъ, какъ бы ни была ограничена степень его самодѣятельности, можетъ отчетливо сознавать причину почему и цѣль—для чего онъ дѣйствуетъ, не только въ частныхъ случаяхъ, но и въ цѣломъ направленіи своей жизни; одинъ только человѣкъ способенъ къ самодѣятельности, къ самообразованію и къ выполненію самостоятельно сознаваемого имъ долга. Естественно, что и воспитательное образованіе человѣка должно содѣйствовать возможно лучшему развитію всѣхъ его силъ и нужныхъ имъ навыковъ, для того, чтобы онъ могъ потомъ самостоятельно выполнить свое человѣческое призваніе, свое самообразованіе и самоусовершенствованіе.

б) Каковъ же способъ, которымъ пользуется и должно пользоваться воспитательное образованіе для достиженія цѣли?

Воспитательное образованіе не приносить къ человѣку ничего такого, что не было бы въ немъ въ возможности; иначе оно противорѣчило бы своей цѣли—развитію самодѣятельности, и дѣйствовало бы только механически. Ничего не можетъ оно и создать въ человѣкѣ. Если въ концѣ воспитательнаго обра-

зованія появляются въ чловѣкѣ ясныя проблески самодѣятельности и самообразованія, которыхъ въ самомъ началѣ его жизни вовсе не было замѣтно, то эти высшія черты его появляются въ немъ не потому, чтобы воспитаніе приносило ихъ къ нему отвнѣ: оно только содѣйствуетъ ихъ развитію; самое же развитіе совершается путемъ естественнымъ, по законамъ, свойственнымъ его душевнымъ силамъ: воспитательная среда только возбуждаетъ ихъ къ обнаруженію и развитію, какъ свѣтъ и влага вызываютъ изъ зерна, брошеннаго въ землю, свойственный ему растительный процессъ. Намъ неизвѣстно, какъ изъ безсознательнаго существа, какимъ бываетъ чловѣкъ на первыхъ порахъ, развиваются въ немъ потомъ разумное самосознаніе и самодѣятельность; тѣмъ не менѣе подъ вліяніемъ окружающей его среды, въ немъ постепенно, по опредѣленнымъ законамъ, развивается то и другое. Коль же скоро воспитательное образованіе ничего не творитъ въ развитіи душевной жизни, то естественно, что и въ содѣйствіи этому развитію нужно руководствоваться не однимъ анализомъ и наблюденіемъ каждаго ея отправления, но и присущею ей цѣлю, незамѣтно правящею ея развитіемъ. А эта внутренняя цѣль состоитъ въ возможно лучшей степени сознанія, самосознанія и самообладанія.

в) Способъ развитія свойственныхъ чловѣку душевныхъ силъ самъ собою уже указываетъ и на тотъ способъ или порядокъ, которому должна слѣдовать и наука воспитательнаго образованія для достиженія цѣли. Ей предстоитъ, прежде всего, обратить вниманіе на главныя отправления изъ которыхъ складывается наша душевная жизнь въ ея проявленіяхъ, и за тѣмъ, разсмотрѣть то послѣдовательное развитіе каждаго изъ нихъ, на которое указываетъ психологія. Послѣдовательное, естественно-совершающееся развитіе душевной жизни, само собою, укажетъ намъ и на тѣ практическіе выводы, которыми должна руководствоваться наука воспитательнаго образованія.

г) Каковы же главныя отправленія, изъ которыхъ слѣдуетъ наша душевная жизнь?

Въ душевной жизни всѣ силы и всѣ дѣятельности находятся во внутренней связи и проникаютъ другъ друга. Тѣмъ не менѣе психологическій анализъ различаетъ въ ней тройственный составъ—а именно, проявленія познавательной дѣятельности, желательныя и чувство. Тройственность этого состава душевной жизни имѣетъ свое основаніе въ томъ, что каждое живое существо должно, во первыхъ, воспринимать въ себя внѣшнія впечатлѣнія,—на высшей степени индивидуальной жизни, а именно въ человѣкѣ, эта дѣятельность является въ видѣ мышленія и познаванія. Во вторыхъ, живое существо должно воздѣйствовать на эти впечатлѣнія, отстаивая свою индивидуальность,—на высшей степени индивидуальной жизни, это воздѣйствіе является въ видѣ воли и практической дѣятельности. Въ третьихъ, должна быть и средняя точка внутренняго видоизмѣненія, то пріятнаго, то непріятнаго, подъ вліяніемъ впечатлѣнія и акта воздѣйствія, точка перелома отъ воспріятія и переработки перцепцій къ воздѣйствію; это—внутреннее чувство.

Таковы три основныя отправленія душевной жизни, которыя все больше и больше обозначаются по мѣрѣ развитія душевныхъ силъ, составляя между тѣмъ, постоянно одну цѣльную душевную жизнь. Намъ остается теперь прослѣдить, послѣдовательное развитіе каждаго изъ этихъ отправленій и тѣ практическіе выводы, которыми можетъ воспользоваться педагогическая наука для содѣйствія съ своей стороны возможно лучшей успѣшности ихъ развитія.

Начнемъ съ проявленій познавательной дѣятельности; такъ-какъ въ нихъ преимущественно развивается сознательность, оказывающая вліяніе и на другія проявленія душевной жизни. Отъ проявленій познавательной дѣятельности перейдемъ къ чувству, и за тѣмъ, къ разсмотрѣнію проявленій желательныхъ.

А) Последовательный порядок проявленій познавательныхъ.

Развитіе познавательной дѣятельности начинается чувственнымъ сознаниемъ или частіебѣ ощущеніемъ; но мы должны предварительно остановиться на понятіи сознанія, такъ-какъ все развитіе познавательной дѣятельности есть не иное что, какъ развитіе и совершенствованіе сознательности.

а) Не входя въ подробныя психологическія изслѣдованія сознанія, основанія его происхожденія, отношенія къ бессознательно-совершающейся душевной жизни, достаточно будетъ ограничиться самымъ общимъ и краткимъ отвѣтомъ на вопросъ: что такое сознаніе, что оно собственно приносить къ нашей душевной жизни, къ ея силамъ и содержанію.

Сознаниемъ или сознательностію предполагается различіе нашимъ сознающимъ субъектомъ всего, что только составляетъ предметъ его. Изъ чего же оно слагается и что собственно различаетъ оно? Сознанію свойственно различать какъ обѣ стороны—субъектъ и объектъ, изъ которыхъ оно слагается, такъ и все, изъ чего слагаются обѣ эти стороны; а различіемъ само собою необходимо предполагается и выясненіе соотношеній между тѣми сторонами, которыя сознаніе различаетъ т. е., соотношеній какъ между самими предметами сознанія, между его силами и отправленіями, такъ и соотношенія между началомъ или существомъ сознающимъ и міромъ предметнымъ, между міромъ физическимъ и нравственнымъ.

Таково само простое понятіе сознанія.

На основаніи этого понятія, естественно слѣдуетъ, что развитіе сознанія и сознательныхъ проявленій души будетъ состоять въ постоянномъ расширеніи и совершенствованіи какъ различенія всѣхъ предметовъ сознанія, такъ и понятій о взаимномъ соотношеніи всего, что входитъ въ наше сознаніе, что можетъ составлять предметъ его. Фактическимъ выраженіемъ этого развитія сознательности служатъ всѣ науки фи-

зико-математическія и нравственныя со всѣми ихъ развѣтвленіями, и ихъ постепенное развитіе и совершенствованіе.

Но несмотря на всю важность, на основное значеніе сознательности въ дѣлѣ душевной жизни, оно не творитъ самаго содержанія или предмета своего, не творитъ и душевныхъ силъ, и свойственныхъ имъ актовъ: оно только ихъ озаряетъ, можетъ содѣйствовать ихъ усилению, возвышенію, гармоніи; но та мѣра душевныхъ силъ, на которыя оно простираетъ свое вліяніе, отъ него не зависитъ и составляетъ даръ природы. Оно можетъ только совершенствовать эту мѣру данныхъ душевныхъ силъ, насколько это совершенствованіе зависитъ отъ отчетливой работы различенія и сочетанія, свойственной сознанию и сознательности. На основаніи подобнаго отношенія къ самымъ силамъ души и ихъ актамъ, само собою слѣдуетъ, что сознаниемъ и волею мы не можемъ увеличить данную сумму дарованій, и что необходимо соблюдать мѣру напряженія соотвѣтственную этой суммѣ.

На этомъ общемъ понятіи сознанія мы можемъ остановиться; и его достаточно, чтобы выразумѣть, что и весь порядокъ познавательныхъ проявленій души будетъ только послѣдовательнымъ совершенствованіемъ сознанія и его видоизмѣненій или направленій.

б) Въ послѣдовательномъ ходѣ познавательныхъ проявленій душевной жизни можно различать три главныя степени: чувственное сознаніе, т. е., руководствующееся показаніями чувствъ, дѣятельность представленія или представляющаго сознанія и мышленіе или мыслящее сознаніе.

А) Чувственное сознаніе.

1) Психологическое разсмотрѣніе чувственнаго сознанія.

Чувственнымъ сознаніемъ или чувственнымъ состояніемъ сознанія называется та самая низшая степень его, когда оно руководствуется только показаніями чувствъ.

Въ составѣ его можно различать три составныя 'стѣхи: *ощущеніе, воззрѣніе, при признаніе.* Разсмотрѣвши каждое порознь, мы уяснимъ себѣ и степень ихъ образовательнаго значенія, по отношенію къ дальнѣйшему ходу его.

а) Ощущеніе.

а) Какъ бы ни понимали начало или происхожденіе ощущенія, въ немъ содержится видоизмѣненіе, происшедшее въ живомъ тѣлесномъ организмѣ, подъ вліяніемъ внѣшняго (наприм., вибраціи эѳира, или сотрясеній воздуха) и внутренняго раздраженія (въ нервахъ). Такимъ образомъ, въ цѣломъ процессѣ ощущенія нужно различать, во первыхъ, внѣшняго раздражителя, во вторыхъ, внутреннее раздраженіе, въ третьихъ, проявленіе самаго ощущенія. Отсюда уже отчасти видно, что ощущеніе не тождественно съ раздраженіемъ, что въ немъ есть нѣчто болѣе, нѣчто новое (напримѣръ, ощущеніе свѣта, или звука) въ сравненіи съ раздраженіемъ внѣшнимъ, или внутреннимъ. Отъ чего бы ни происходило это *нѣчто болѣе, нѣчто новое*, — отъ свойствъ ли цѣльнаго живаго организма, или (что гораздо ближе къ истинѣ) отъ душевнаго агента, дѣло въ томъ, что оно служитъ для насъ первымъ показателемъ чего-то существующаго или объективнаго, или что, при дальнѣйшихъ условіяхъ, мы начнемъ признавать, какъ существующее.

Но ощущеніе, при всемъ своемъ единствѣ въ самоощущеніи, раздѣляется на *внѣшнее* и *внутреннее тѣлесное* ощущеніе. Первое происходитъ при посредствѣ нервовъ и аппаратовъ (глаза, уха и т. д.), приспособленныхъ къ специфическимъ раздраженіямъ—свѣтовымъ, звуковымъ и т. д.; второе, довольно неопредѣленное и мало обслѣдованное, происходящее также помощію нервовъ, распространяющихся внутри тѣлеснаго организма, даетъ намъ знать о какомъ-нибудь видоизмѣненіи въ немъ—пріятномъ или непріятномъ; таково на-

црмѣрь, чувство здоровья или нездоровья, чувство утомленія или бодрости и т. далѣе.

Видѣнныхъ чувствъ, какъ извѣстно, полагаютъ ялыя: чувство зрѣнія, слуха, обонанія, вкуса и осязанія. Во внутреннемъ тѣлесномъ чувствѣ также различаютъ, хотя и не съ такою опредѣленностью, два вида ихъ: одни имѣютъ болѣе теоретическій характеръ, другія—болѣе практическій или безъотчетное гаданіе о средствахъ самосохраненія,

3) Отъ предъидущихъ ощущеній отличаютъ еще мускульное чувство. Въ первыхъ мы только перципируемъ видѣнныя и внутреннія раздраженія въ тѣхъ видоизмѣненіяхъ, которыя происходятъ въ тѣлесномъ организмѣ, или въ его органахъ, подъ вліяніемъ раздраженій; въ мускульномъ же чувствѣ хотя мы также перципируемъ, но эта перцепція касается не чего-то существующаго, пребывающаго, но движенія мускуловъ, нужнаго или для воздѣйствія, или для видѣннаго выраженія какаго нибудь ощущенія, или настроенія. Это чувство сопряжено съ мускульнымъ движеніемъ, и служитъ какъ бы среднимъ терминомъ между настроеніемъ и движеніемъ. Его называютъ чувствомъ истрачиваемой силы, нужной для какихъ-либо движеній и результата этихъ движеній ¹⁾,

Итакъ, первый, самый низшій источникъ нашихъ свѣдѣній о бытіи и жизни есть ощущеніе; въ немъ же и первый проблескъ познавательной дѣятельности. Здѣсь вовсе неумѣстно входить въ разсужденіе касательно дѣйствительности показаній со стороны чувствъ; потому что оцѣнка этихъ показаній принадлежитъ не чувствамъ и не чувственному сознанію, а дальнѣйшей высшей инстанціи сознанія, какъ мыслящаго и познающаго; здѣсь же мы разсматриваемъ только

¹⁾ См. Horwitz, Psychologische Analysen, Halle, 1872 стран. 191. 195 209.

первую самую низшую, чувственную эпоху познавательной дѣятельности ¹⁾. Для науки воспитательнаго образованія достаточно того, что показанія чувствъ составляютъ самый первый и низшій матеріалъ теоретическаго или умственнаго развитія. Присовокупить только нужно, что изъ пяти вѣдѣнныхъ чувствъ зрѣніе и слухъ имѣютъ преимущественное образовательное значеніе. Ими воспринимается не вещественность, или по крайней мѣрѣ не одна вещественность, но и формы, а въ формы потомъ войдетъ идеальное содержаніе понятій, чувствованій и т. д.

Но ощущеніе само по себѣ не привело бы ни къ чему опредѣленному, даже могло бы быть и не сознано нами ²⁾, если бы не произошло къ нему со стороны душевнаго агента *вниманіе и воззрѣніе* и затѣмъ устанавливающееся *признаніе*.

б) Вниманіе и воззрѣніе.

а) Подъ вниманіемъ разумѣется сосредоточеніе сознанія или фокуса сознающаго начала на одномъ какомъ либо представленіи или предметѣ и его послѣдовательномъ теченіи, а

¹⁾ Для нѣкотораго поясненія, что дѣйствительность въ показаніяхъ чувствъ еще не есть окончательная и требуетъ еще повѣрки со стороны ума, можно бы привести много примѣровъ. Укажемъ на два, на три. Такъ, напримѣръ, кажется, что все пространство отъ земли до солнца, свѣтло, тогда какъ на дѣлѣ, это не такъ; свѣтло верстъ на 10 вверхъ, а далѣе—совершенно темно. Атмосфера кажется, по большей части голубою, тогда какъ на дѣлѣ она ни свѣтла, ни сѣра, ни красна, и такъ далѣе. См. Позитивная философія... Спб., 1872. Томъ 1, стр. 44—69.

²⁾ Такъ, напримѣръ, читая книгу, мы можемъ отогнать муху укусившую насъ, и между тѣмъ, вовсе не обращать на нее вниманія и продолжать обдумываніе чего-либо прочитываемаго въ книгѣ, вовсе не помня, что во время чтенія книги, насъ укусила муха, и отлично памятуя все, нужное намъ изъ прочитаннаго.

вмѣстѣ съ тѣмъ, и отвлеченіе или отклоненіе его отъ всѣхъ другихъ предметовъ. Первый моментъ его можно назвать положительнымъ, второй отрицательнымъ.

Различаютъ еще вниманіе *активное* или *произвольное* отъ *пассивнаго* или *непроизвольнаго*. Произвольнымъ называютъ такое вниманіе, которое происходитъ отъ собственнаго расположенія сознающаго начала къ какому-либо предмету или представленію и цѣлому ряду ихъ, а непроизвольнымъ или пассивнымъ называютъ вниманіе происходящее подъ вліяніемъ возбужденій, идущихъ отъ насъ,—отъ окружающей насъ среды. Какъ-бы ни было трудно всецѣло разграничить оба вида вниманія, можно по крайней мѣрѣ сказать, что, *во первыхъ*, въ одномъ вниманіи преобладаетъ самодѣтельное отношеніе сознанія къ предмету сознательно воспринимаемому, а въ другомъ— оно болѣе зависимо отъ внѣшнихъ возбужденій, *во вторыхъ*, что вниманіе или обращеніе фокуса сознанія къ данному предмету (т. е., опредѣленное различеніе его и, какъ опредѣленно различаемаго, отношеніе къ себѣ) составляетъ самое существенное условіе (*conditio, sine qua non*) всякаго внутренняго развитія и преуспѣянія. Безъ этого условія, ничто не могло бы войти въ достояніе душевной жизни. Наконецъ, должно присовокупить, что несмотря на всѣ переплетенія между вниманіемъ произвольнымъ и непроизвольнымъ, никакое образованіе, а тѣмъ болѣе воспитательное образованіе не имѣло бы цѣли и было бы только наполовину возможно, еслибы въ душевномъ агентѣ не было способности къ произвольному вниманію, по чувству внутренняго интереса къ предмету вниманія и къ собственному образованію 1). Нѣтъ нужды распространяться здѣсь о томъ, что вниманіе, чѣмъ бы оно ни вы-

1) О вниманіи подробнѣе говорится во второмъ отдѣлѣ науки воспитательнаго образованія,—въ Дидактикѣ.

звалось, какъ необходимое условіе внутренняго развитія, показываетъ, что душу нельзя признать агрегатомъ слѣдовъ впечатлѣній (какъ это полагалъ Бенедикте), но что душевный агентъ есть существо активное.

б) Что же такое воззрѣніе? Воззрѣніе или наблюденіе можно назвать только дальнѣйшимъ и болѣе опредѣленнымъ актомъ пробудившагося сознанія и вниманія. Ему свойственно ставить предметъ наблюденія въ опредѣленномъ мѣстѣ и времени, выдѣлять его, какъ этотъ именно предметъ, въ массѣ всего насъ окружающаго и дѣйствующаго на наши чувства.

Примѣч. Въ психологическихъ изслѣдованіяхъ актъ воззрѣнія у иныхъ психологовъ превращается къ трактату о формахъ пространства и времени и объ отношеніи къ нимъ душевнаго агента; но этотъ вопросъ о пространствѣ и времени удобнѣе можетъ быть разсмотрѣнъ въ немногихъ словахъ тамъ, гдѣ будетъ говоритья о воображеніи. Разсмотрѣнемъ отношенія душевнаго агента къ формамъ пространства и времени въ отаѣлѣ о воображеніи, хотя отчасти объяснятся отдаленное психологическое основаніе искусства, глубокой смыслъ его и образовательное значеніе.

γ) Завершается развитіе чувственнаго сознанія признаніемъ вещи, на которую обращено было вниманіе. Свойство признанія то, что оно не только разсматриваетъ предметъ, но и фиксируетъ его для сознанія, какъ тотъ, а не другой. Фиксировать предметъ для сознанія можно только мысленно; но завершается это фиксированіе предмета словомъ, наименованіемъ предмета, или какииъ бы ни было чувственнымъ знавомъ.

Представленія видѣнныхъ нами предметовъ, сами по себѣ, въ своей мысленной сферѣ, еще зыбки, непрерывно колеблются, переплетаются съ другими представленіями и затемняются ими; но когда какой-либо предметъ обозначенъ названіемъ, то онъ прочно выдѣленъ, какъ отдѣльный, и надъ фик-

сированнымъ въ словѣ его представленіемъ уже возможна будетъ и дальнѣйшая умственная работа.

2) Таковъ въ немногихъ словахъ составъ чувственнаго сознанія. Оно развивается и само собою, путемъ естественнымъ—внутреннимъ возбужденіемъ и внѣшнимъ влияніемъ, независящимъ отъ нашего усмотрѣнія. Но воспитательное образованіе можетъ такъ приспособить среду, дѣйствующую на развивающуюся душевную жизнь и въ этомъ первомъ періодѣ его, что будетъ и съ своей стороны содѣйствовать возможно лучшему его развитію.

Это содѣйствіе можетъ состоять, *во первыхъ*, въ показаніи и простомъ объясненіи такихъ окружающихъ насъ вещей, которыя будутъ понятны и малолѣтнимъ субъектамъ. Къ такимъ вещамъ можно отнести—различныя произведенія природы, орудія обыденнаго житейскаго быта, произведенія техники, словомъ, все, что можетъ быть понятно дѣтямъ. И дѣти, напримѣръ, могутъ уже понять простое описаніе различія между камнемъ, и растеніемъ, между растеніемъ и животнымъ (напримѣръ, если мы скажемъ, что растение растетъ, но не можетъ произвольно двигаться).

На первыхъ порахъ эти объясненія могутъ не имѣть никакого систематическаго порядка; но чѣмъ далѣе, они могутъ идти уже и въ систематическомъ порядкѣ.

Во вторыхъ, должно присовокупить, что доступныя дѣтямъ объясненія разныхъ вещей на первыхъ порахъ могутъ дѣлаться, когда есть самыя вещи; но со временемъ можно иногда употреблять для объясненій изображенія, хотя для пониманія изображеній часто потребуется бѣльшая степень силы представленія, нежели какая возможна бываетъ у дѣтей на первыхъ порахъ.

Всѣ подобныя объясненія составляютъ такъ называемое наглядное обученіе въ его первоначальной и простѣйшей

формѣ. Ими сообщается матеріалъ или содержаніе первоначальнаго, доступнаго младенческому возрасту знанія.

Но наглядныя объясненія могутъ быть полезны отчасти и со стороны формальной, дѣйствуя и на развитіе навыка къ соблюденію логическаго порядка въ составленіи даже простѣйшихъ представленій о вещахъ. Тутъ могутъ быть положены самыя отдаленныя и простыя основы логическому синтезу и анализу, и въ особенности разсудочной точности и опредѣленности. То и другое достигается послѣдовательнымъ переходомъ отъ одной вещи къ другой, опредѣленнымъ разсмотрѣніемъ (возврѣніемъ) каждой вещи порознь, показаніемъ сходныхъ вещей и несходныхъ, и наконецъ, обозначеніемъ или наименованіемъ ихъ. Тутъ же отдаленный зародышъ образованія понятій, потому что когда начинаютъ соединять сходныя вещи въ одно это общее, хотя бы и поверхностное сходство многихъ вещей, то въ этомъ обобщеніи уже будетъ именно отдаленное основаніе понятій съ ихъ объемомъ и содержаніемъ: въ сходныхъ чертахъ сближаемыхъ вещей будетъ то, что называется содержаніемъ понятій, а въ перечисленномъ количествѣ сходныхъ вещей будетъ объемъ.

Наконецъ, этотъ самый простой первоначальный способъ нагляднаго обученія будетъ весьма полезнымъ способомъ первоначальнаго, практическаго языкоученія; дитя будетъ усвоивать себѣ слова вмѣстѣ съ пониманіемъ показываемыхъ ему вещей и вмѣстѣ съ самымъ естественнымъ составленіемъ простыхъ сужденій о вещахъ. То и другое будетъ обогащать его словами и навыкомъ къ связной и толковой рѣчи. На это-то соединеніе заучиванія словъ съ представленіемъ самыхъ вещей ими обозначаемыхъ въ первый разъ, въ XVII вѣкѣ, систематически обратилъ вниманіе Амось Коменскій. Естественнымъ слѣдствіемъ вниманія къ этому психологико-педагогическому требованію было то, чтобы въ періодъ первоначальнаго обученія, знакомить учащихся преимущественно съ такими пред-

ставленіями и съ обозначающими ихъ словами, для которыхъ можно представить и соотвѣтственныя имъ вещи. Отвлеченныя понятія, съ обозначающими ихъ словами, должны относиться къ дальнѣйшему обученію.

За проявленіями чувственнаго сознанія слѣдуетъ дѣятельность представленія.

Б) Дѣятельность представленія.

Въ проявленіяхъ дѣятельности представленія, вообще душевная жизнь обнаруживаетъ новыя черты въ сравненіи съ предшествовавшимъ чувственнымъ сознаніемъ. Тамъ въ чувственномъ сознаніи перцепціи и ихъ сочетанія были чувственно-данныя для зрѣнія, слуха, осязанія и такъ далѣе. Наши перцепціи ¹⁾ и тѣлодвиженія или выраженія тѣлеснодушевной жизни, при посредствѣ мускульнаго чувства, только примѣнялись къ чувственно данному матеріалу. Съ развитіемъ дѣятельности представленія, кромѣ этого чувственно-даннаго міра вещей, ихъ чувственныхъ перцепцій и приспособленныхъ къ нимъ тѣлодвиженій, мало-по-малу возникаетъ, расширяется и совершенствуется внутренній міръ представленія. Въ немъ чувственно-данныя вещи и ихъ перцепціи замѣняются мысленными копіями ихъ или представленіями, ихъ мысленнымъ же или представляемымъ сцѣпленіями и, въ слѣдъ за тѣмъ, соотвѣтственными имъ внѣшними выраженіями—образными и звуковыми, которыя (въ особенности послѣднія) служатъ потомъ и средствами дальнѣйшаго развитія какъ познавательной дѣятельности, такъ и вообще всей внутренней жизни.

Естественно, что съ развитіемъ этихъ дальнѣйшихъ проявленій познавательной дѣятельности, съ образованіемъ ея внутренняго міра, возникаетъ и новая задача для образова-

¹⁾ Отъ латин. глагола *percipio* воспринимаю, *perceptio*, принятіе, воспріятіе.

тельного вліянiя на челоуѣка, приготоуляющагося къ жизни. А для того, также необходимо знать сперва естественнo совершающійся ходъ проявленiй дѣятельности представленiя. Въ немъ можно различать три степени или формы дѣятельности: *представленiе* въ тѣсномъ смыслѣ слова, *воображенiе* и *память*.

а) *Представленiе* въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Общую характеристику представленiя мы уже знаемъ: оно замѣняетъ чувственно-данныя вещи и ихъ пердецiи мысленными образами, какъ мысленными единицами, и ихъ сочетанiями. Значить, въ представленiи на этой первой степени, нужно различать, *во первыхъ*, представленiя, какъ единицы, порознь разсматриваемыя, *во вторыхъ*, ихъ сочетанiя или сцѣпленiя.

Разсмотрѣнiемъ представленiй въ этихъ двухъ отношенiяхъ объяснитса какъ общее образовательное значенiе представленiй, такъ и то, что требуетъ въ нихъ вниманiя стороны образовательнаго вліянiя.

а) Представленiя, порознь разсматриваемыя

Изъ собственнаго самонаблюденiя каждому достаточно извѣстно, что представленiя, которыя въ раннемъ младенчествѣ еще незамѣтны, только постепенно образуются, что онѣ только временно удерживаются въ полѣ сознанiя, и потомъ удаляются съ него; что онѣ могутъ быть снова вызываемы къ сознанiю или воспоминаемы; наконецъ, если онѣ могутъ то удаляться съ поля сознанiя, то снова въ немъ появляться, то значить, имъ свойственно какимъ-то образомъ сохраняться въ бессознательной сферѣ души. Эти именно вопросы—образованiе или *происхожденiе* представленiй, *удаленiе* ихъ съ поля сознанiя или забвенiе, *вызовъ* ихъ или воспоминанiе и *сохраненiе* въ душѣ и составляютъ первый предметъ психологическихъ изслѣдованiй о дѣятельности представленiя.

Было нѣсколько направлений въ рѣшеніи вышеупомянутыхъ вопросовъ. Но какъ-бы ни было ихъ много, всѣ они могутъ быть сведены въ три разряда. Въ ученіи однихъ, а именно, прежнихъ психологовъ, какъ мы уже знаемъ ¹⁾, душѣ, какъ простому существу, просто только приписывались голословно различныя способности, какъ то разсудокъ, память и проч. и въ томъ числѣ и представленіе, со свойственнымъ ему забвеніемъ, воспоминаніемъ, сохраненіемъ представлений и т. д.; но никто не занимался изслѣдованіемъ самой возможности этихъ измѣненій въ положеніи представлений. Бесплодность этого ученія ясно обнаруживалась съ двухъ сторонъ, — безсвязностію этихъ способностей и съ самою натурою душевной жизни, смысла которой онѣ вовсе не объясняли, и съ внѣшнею средою впечатлѣній, безспорно дѣйствующихъ на душу и вызывающихъ въ ней соотвѣтственныя отправленія. Въ ученіи другихъ (наприм., Бенеке, Гербарта, Вайца и проч.) весь процессъ происхожденія представлений, ихъ удаленія, вызова и т. д., равно какъ и другихъ способностей или душевныхъ отправленій, почти совсѣмъ признается только результатомъ внѣшнихъ впечатлѣній, такъ что вся послѣдовательность и многосложность ихъ формации не имѣютъ основаній внутри, въ какомъ-нибудь основномъ актѣ душевной жизни, но зависятъ отъ случайнаго прилива и отлива впечатлѣній. Какъ ни вѣрно, что для развитія представлений и другихъ душевныхъ отправленій необходимы внѣшнія возбужденія и впечатлѣнія, воспринимаемыя чувствами ²⁾; однакоже несомнѣнно и то, что, безъ специфически-активнаго ³⁾ свойства ду-

¹⁾ См. выше стр. 6, 7. Примѣч.

²⁾ Что доказывается примѣромъ глухонѣмыхъ, у которыхъ представленія крайне скудны по причинѣ ихъ глухоты и нѣмоты.

³⁾ Отъ (*species*) *species* видъ; *специфическій*, видовой, исключительно принадлежащій какому нибудь роду виду, или индивидууму.

шевного агента, никакія впечатлѣнія не вызвали бы ни одной способности, ни одного отправленія душевного. Несравненно вѣрнѣе взглядъ у тѣхъ психологовъ, которые признаютъ зависимость происхожденія и развитія представленій и другихъ душевныхъ силъ отъ внѣшнихъ впечатлѣній, но вмѣстѣ съ тѣмъ основаніе этихъ отправленій относятъ къ активной натурѣ души, къ возможности будущаго сознанія и его различеній и къ степени интереса, испытываемаго душевнымъ агентомъ въ отношеніи къ такому или другому предмету представленія. Этотъ взглядъ вѣрнѣе въ психологическомъ отношеніи; потому что не впадаетъ въ ложное представленіе душевного агента только какимъ-то рѣшительно невозможнымъ пассивнымъ вмѣтелищемъ слѣдовъ внѣшнихъ впечатлѣній;—правильнѣе и въ образовательномъ отношеніи; потому что понимаетъ образованіе не какъ результатъ одного внѣшняго давленія, но и какъ произведеніе внутренней энергіи и извнутри идущей душевной морфологіи ¹⁾.

Но каково бы ни было направленіе психологическихъ изслѣдованій, всегда въ нихъ представленія, отдѣльно понимаемая, рассматриваются со стороны ихъ происхожденія, удерживанія, забвенія, воспоминанія и сохраненія. Съ такихъ-же сторонъ, въ такихъ-же отношеніяхъ рассматриваются единичныя представленія и въ наукѣ воспитательнаго образованія, съ тою особенностію взгляда, что всѣ эти перемѣны въ положеніи представленій зависятъ не отъ однихъ внѣшнихъ впечатлѣній, не отъ одного механическаго теченія представленій, но и отъ внутреннихъ причинъ, въ самомъ свойствѣ душевной жизни и въ степени ея возбужденія.

Соотвѣтственно принятому нами началу, представленія возникаютъ и до времени удерживаются въ полѣ ея сознанія

¹⁾ *Μορφοσ* (μορφος) образъ, опредѣленная форма, напрямѣръ, древеснаго лѣстка и *λογος* (λόγος) слово, объясненіе.

не потому только, что отвѣтъ произошло давленіе и что, по этому случайному поводу, душевная монада обнаружила свое самосохраненіе и оттолкнула это давленіе, но и потому, что душевному агенту свойственна способность различенія всего воспринимаемаго и саморазличенія, въ силу чего его сознательный фокусъ и удерживаетъ предъ собою воспринимаемое впечатлѣніе въ своемъ внутреннемъ мірѣ въ видѣ представленія.

Далѣе, если представленія, разъ образовавшіяся и удалившіяся съ поля сознанія, снова потомъ могутъ быть вызваны къ сознанію, т. е., мы ихъ припоминаемъ, то опять не потому, что это припоминаніе будто зависитъ единственно отъ механическаго давленія между представленіями или отъ притяженія однихъ другими, но и потому, что къ подобному припоминанію располагаетъ иногда и какой-нибудь интересъ къ нимъ самаго психическаго агента. Точно также и удаленіе представленій съ поля сознанія происходитъ отнюдь не отъ того только, что одно представленіе давится и вытѣсняется другимъ, но и потому, что по самому существу нашего сознанія, по узкости его и постоянной подвижности, мы и не можемъ постоянно удерживать въ полѣ сознанія одни представленія, и что они сами собою удаляются съ поля сознанія и замѣняются другими. Да и эта замѣна однихъ представленій опредѣленными другими опять можетъ зависѣть не отъ однихъ внѣшнихъ давленій, но и отъ внутренняго расположенія и настроенія душевной жизни.

Наконецъ, самое сохраненіе представленій въ безсознательной сферѣ душевной жизни состоитъ не въ одномъ неподвижномъ пребываніи какихъ-то слѣдовъ или осадковъ (*Residuen*) бывшихъ представленій, но въ *функциональномъ расположеніи*,¹⁾

¹⁾ Нѣчто подобное мы находимъ и въ органахъ чувствъ. Такъ, напримѣръ въ глазѣ, который неоднократно упражнялся въ измѣ-

которое остается въ душевномъ агентѣ въ извѣстномъ представленіи, когда онѣ съ поля его сознанія удалились въ сферу безсознательности.

Эти примѣчанія касательно происхожденія представленій, ихъ сохраненія и колебанія между состояніемъ сознательнымъ и безсознательнымъ, намъ нужно имѣть въ виду, чтобы потомъ правильно воспользоваться естественными ихъ процессами, когда воспитательное образованіе будетъ изыскивать мѣры для содѣйствія успѣшному ихъ ходу и возможно-лучшему ихъ приспособленію къ творчеству воображенія и къ дѣятельности мышленія.

β) Сдѣяніе представленій (называемое иногда ассоціаціею идей, *associations des idées*).

• Подъ именемъ сдѣянія представленій разумѣется такое свойство ихъ соотношенія, въ силу котораго за однимъ изъ нихъ слѣдуетъ другое, третье, четвертое и т. д., если въ какой нибудь подобной смежности они уже входили въ наше сознаніе. Такъ, напримѣръ, если мы разсматривали въ извѣстномъ порядкѣ панораму ¹⁾ какой-либо мѣстности, то послѣ, и не видя ея, когда намъ напомнили одну какую-либо часть ея, въ нашемъ представленіи возобновляются одна за другою и прочія части ея.

Въ психологій различаютъ, по большей части, четыре закона сдѣянія представленій: по соположенію ихъ въ пространствѣ, по послѣдованію во времени, по сходству и по

реніи отдаленности вещей и ихъ очертаній, остается не слѣдъ, а навикъ къ извѣстному напряженію зрительныхъ мускуловъ, нужному для повторенія сдѣланнаго имъ прежде зрительнаго измѣренія. *Functio* отправленіе, исполненіе, отъ *fungor, fungor officio* отправляю, исполняю службу, должность.

1) *πας* (греч.) весь, *παν* все, *οραω* вижу, пан-орама, вся мѣстность которую можно охватить зрѣніемъ.

контрасту. Но нѣкоторые психологи присоединяють къ этимъ четыремъ законамъ или формамъ сцѣпленія представленій еще такія формы сцѣпленія, въ которыхъ безотчетно и безсознательно выполняются логическія и сознательныя формы соединенія представленій и понятій. Въ нихъ можно отвести преимущественно слѣдующія: сцѣпленіе представленій, какъ *рода и вида* или какъ *видовъ одного рода*, какъ *субстанціи и ея принадлежностей и видоизмѣненій*, и какъ *причины и дѣйствія*

а) Сцѣпленіе представленій по *соположенію* ихъ въ *пространствѣ* бываетъ, когда, за однимъ какимъ-нибудь повторившимся представленіемъ, сами собою возникаютъ одно за другимъ другія представленія, которыя когда-нибудь мы наблюдали, какъ соприкасавшіяся съ разныхъ сторонъ къ первому. Такъ, напримѣръ, когда вспомнился намъ деревенскій домъ, гдѣ мы когда-нибудь проводили время, то въ нашей мысли сами собою возникаютъ представленія относящагося къ нему сада, двора, пруда и т. д. Это сцѣпленіе представленій можно выразить формулою:

^г
б А в; въ ней А есть данное первое представленіе, а б,
^д
в, г, д... суть дальнѣйшія представленія, вызываемыя первыми.

б) Въ сцѣпленіи представленій по *последованію во времени*, однимъ даннымъ представленіемъ вызываются въ насъ другія представленія, въ томъ порядкѣ времени, какъ они когда-то уже слѣдовали одно за другимъ. Такъ, напримѣръ, зная хорошо азбуку, когда вспомнилось намъ А, мы легко воспроизводимъ Б, В, Г, Д. и т. д. Формулою этого сцѣпленія представленій можетъ быть: $A + б + в + г + д...$

γ) Сцѣпленіе представленій *по сходству* бываетъ въ то время, когда однимъ даннымъ представленіемъ вызываются одно за другимъ представленія, которыя не соприкасались съ первымъ ни по пространству, ни по времени, и, будучи сход-

ны съ нимъ въ какомъ-либо одномъ отношеніи, могутъ быть во-все несходны съ нимъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Такъ, напримѣръ, представленіемъ краснаго піона могутъ вызваться въ насъ представленія краснаго сукна, краснаго зарева и т. д. Они сходны по цвѣту, но въ остальномъ—несходны.

б) Сцѣпленіемъ *по контрасту* называютъ вызовъ однимъ представленіемъ другаго, противоположнаго ему. Такъ, напримѣръ, представленіемъ цвѣта вызывается представленіе чернаго, представленіемъ *плюса*—представленіе *минуса*.

в) Сцѣпленіе представлений, какъ *видовъ одного рода* бываетъ въ томъ случаѣ, когда мы безъотчетно за однимъ даннымъ представленіемъ, напримѣръ, дерева или цвѣтка, представляемъ себѣ другія деревья, другіе цвѣты и такъ далѣе. Въ этомъ сцѣпленіи уже глубже и опредѣленнѣе обозначается предъидущее сцѣпленіе представлений по сходству.

г) Сцѣпленіе представлений по безъотчетному, темному и поверхностному проблеску категоріи 1) субстанцій и ея видоизмѣненій и принадлежностей бываетъ въ томъ случаѣ, когда за неопредѣленнымъ представленіемъ какой-нибудь вещи, напримѣръ, стола, дерева, цвѣтка, мы представляемъ себѣ и ихъ принадлежности; напримѣръ, съ представленіемъ дерева сое-

*) *Категорією* (*κατηγορία* (греч.) приговоръ, какое-нибудь утвержденіе) называютъ тѣ общія формы, или какъ бы углы умственного зрѣнія, подъ которыми мы обыкновенно отчетливо судимъ о вещахъ. Такъ, напримѣръ, когда мы обсуждаемъ вещи, то ищемъ, что въ нихъ есть *субстанціального* (какъ-бы основнаго и неизмѣннаго *Substantia* (латин.) субстанція, опора, постоянно существующее, цѣльное) и что *принадлежащаго имъ*, какъ свойствъ или *видоизмѣняющихся явленій* Или, изслѣдуя вещи, мы усливаемся познать, что въ нихъ имѣетъ значеніе *причины* или *начала* и что только ея *дѣйствія* или *слѣдствія* и т. д.

двигаются представленія—коры, вѣтвей, листьевъ цвѣта, плода и тѣхъ измѣненій, которыя дерево претерпѣваетъ весною, или осенью.

Подобнымъ образомъ можетъ происходить сдѣленіе представлений, когда мы за однимъ представленіемъ привыкаемъ представлять себѣ и то, что за нимъ обыкновенно слѣдовало во времени. Такъ, на примѣръ, за представленіемъ лѣтнихъ дождей—плодородіе и т. д.

Сравнивая вышеупомянутыя формы или законы сдѣленія представленій, не трудно замѣтить, что первыя двѣ отличаются чисто внѣшнимъ характеромъ, то есть, только внѣшнимъ приложеніемъ чего-либо одного къ другому; тогда какъ въ остальныхъ формахъ сдѣленія представленій выполняется уже какое-то, еще невыясненное и неопредѣленное соединеніе многихъ представленій въ какомъ-то общемъ представленіи, или въ какой-то ихъ зависимости одного отъ другаго, въ какомъ-то подчиненіи одного другому. А въ подобномъ соединеніи представленій въ одно обобщенное и цѣльное представленіе, и притомъ съ сообщеніемъ ему какъ представленію, рельефнаго, конкретнаго выраженія, начинается уже другая, высшая степень общей дѣятельности представленія, называемая воображеніемъ. Потому что дѣятельности воображенія, въ отличіе отъ представленія въ тѣсномъ смыслѣ слова, свойственно не прикладывать только внѣшно представленныя единицы одну къ другой, но выражать, воплощать какое-нибудь обобщенное представленіе (идеаль) или въ одномъ выработанномъ представленіи конкретномъ, или въ соединеніи многихъ представленій.

Разсмотримъ теперь главныя общія черты дѣятельности воображенія, ея основаніе и смыслъ, и тогда будетъ понятно, какъ и въ чемъ именно, въ предъидущей дѣятельности представленія (въ тѣсномъ смыслѣ слова) и потомъ въ дѣятельности воображенія, совершается образовательное развитіе нашихъ

внутреннихъ теоретическихъ силъ, которому должно содѣйствовать и воспитательное образованіе. Въ психологіи обыкновенно различаютъ воображеніе воспроизводительное отъ производительнаго, творящаго; первое, въ своихъ обобщенныхъ представленіяхъ и въ конкретномъ выраженіи ихъ, больше копируетъ; второе отличается оригинальностію и вмѣстѣ техническою вѣрностію въ конкретномъ выраженіи своихъ обобщеній. Но мы будемъ разсматривать дѣятельность воображенія только въ тѣхъ его отличительныхъ чертахъ, въ которыхъ оно всего явственнѣе выражаетъ свое отличіе отъ предыдущей дѣятельности представленія.

б) Воображеніе.

Дѣятельность воображенія созидаетъ обобщенныя, типическія представленія и выражаетъ (въ — ображаетъ) ихъ въ образныхъ и звуковыхъ знакахъ; а потому, и разсматривать нужно воображеніе со стороны его внутренней или со стороны содержанія и со стороны выраженія.

а) Воображеніе со стороны внутренней. Воображеніе не то, что представленіе, понимаемое въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Представленіе, какъ представленіе, только копируетъ, и въ мысленныхъ образахъ повторяетъ бывшія чувственныя перцепціи; мысленныя же копія, имъ созданныя, то появляются въ полѣ сознанія, то удаляются съ него; но не образуютъ еще ничего общаго, связующаго ихъ, или такого обобщеннаго представленія, которое было бы представителемъ многихъ единичныхъ представленій.

Далѣе, самое сдѣяніе представленій не приводитъ ни къ чему цѣльному, связному и опредѣленному; оно только безъотчетно мысленно воспроизводитъ единичные факты сдѣянія чего-то бывшаго предметомъ наблюденія; но во-все не творитъ еще изъ этого сдѣянія никакого общаго представленія въ родѣ идеала, и не ищетъ ему выраженія въ сосредоточенной суммѣ подходящихъ единичныхъ представленій, а

потому, не содержитъ въ себѣ ничего идеальнаго, въ смыслѣ идеала, въ смыслѣ превосходства надъ фактическими, единично-данными перцепціями и ихъ представленіями: тутъ нѣтъ еще такъ-называемаго символизма или такого конкретнаго единичнаго представленія, которое было бы указателемъ на мысленную идею.

Между тѣмъ, дѣятельность воображенія уже обнаруживаетъ въ себѣ гораздо высшія свойства:

Во первыхъ, воображеніе не ограничивается мысленными образами вещей, только какъ-бы тянущимися веревницею въ неопредѣленную даль, но связуетъ и сводитъ эти образы къ чему то цѣльному;

Значитъ, *во вторыхъ*, воображеніе не ограничивается только и мысленнымъ копированіемъ фактическаго сцѣпленія вещей и представленій; но обобщая, сводя къ одному общему, типическому образу конкретныя представленія, какъ копія факта, созидаетъ какъ бы другую дѣйствительность — дѣйствительность высшую, то болѣе, то менѣе выступающую за предѣлы данной дѣйствительности фактической. Въ этомъ созиданіи высшей дѣйствительности выражается ионческая черта художественнаго воображенія — направленіе къ чему-то совершеннѣйшему.

Въ третьихъ, возвышаясь къ гармоническимъ созданіямъ изъ обобщенныхъ представленій и къ изображенію умышленной дѣйствительности или жизни, воображеніе уже обнаруживаетъ тѣсную связь съ мышленіемъ и нравственною природою человѣка. Творящее воображеніе ставитъ главное или центральное представленіе, какъ идеалъ и подчиняетъ ему второстепенныя представленія; далѣе, и эти подчиненныя представленія, со всѣми ихъ видоизмѣненіями, ставитъ въ самыя гармоническія, гомологическія соотношенія. Въ томъ и другомъ отношеніи, въ создавіяхъ воображенія ясно уже просвѣчиваетъ архитектурная, организующая, логическая дѣятельность

мысли, хотя она существует здѣсь не въ отвлеченной формѣ понятій, не въ формѣ системы, но въ формѣ представленій и въ конкретных формахъ жизни. На этомъ-то основаніи, часто, довольно впрочемъ тривиально, говорятъ, что въ процессѣ художественныхъ созданій дѣйствуетъ не одно воображеніе, но и разумъ. Это-то свойство воображенія намъ и нужно имѣть въ виду, чтобы потомъ понятно было, почему не одна логика, но и дѣльныя литературныя произведенія могутъ до нѣкоторой степени содѣйствовать логическому развитію мысли.

Въ четвертыхъ, такъ какъ все сильно представляемое переходитъ во внѣшнее выраженіе, то и дѣятельность воображенія переводитъ свои обобщенныя, типическія представленія или помыслы въ непосредственное внѣшнее выраженіе—въ образныя и звуковыя знаки (въ мимику, въ пѣніи, въ словѣ ¹⁾). Кроме того, не ограничиваясь непосредственно-данными ору-

¹⁾ Эту непосредственную связь общихъ представленій или помысловъ, идей съ образными и звуковыми выражающими ихъ знаками въ произведеніяхъ художественнаго воображенія (или, что-то же, искусства) нужно имѣть въ виду, чтобы понятны были смыслъ искусства и отличие его отъ произведеній науки и утилитарной или технической работы. Когда наука дѣлаетъ свои общія положенія, то она ставитъ ихъ въ отвлеченной формѣ, т. е., не слитно съ образными ихъ выраженіями, но совершенно отдѣльно отъ нихъ, что и сообщаетъ имъ отвлеченный характеръ; тогда какъ въ произведеніяхъ воображенія тѣже самыя мысли не высказываются отвлеченно отъ факта, но выражаются самимъ фактомъ, образами дѣствующихъ лицъ. Такъ, напримѣръ, философія нравственности ставитъ и доказываетъ отвлеченно, отдѣльно отъ фактического дѣйствія, что ябеда постыдна; тогда какъ драматическое искусство въ *Шельменкѣ* вовсе не дѣлаетъ отвлеченнаго анализа ябеды и отвлеченныхъ доказательствъ безобразности ея; но даетъ непосредственно сознать и чувствовать ея безобразіе въ самомъ фактѣ,

діями своїхъ выраженій, дѣятельность воображенія пользуется еще и орудіями взятыми изъ внѣшняго міра и, такимъ образомъ, создаетъ, кромѣ поэзіи, искусства пластическія - архитектуру, ваяніе, живопись, и тоническое — музыку.

Вышеупомянутыя отличительныя черты дѣятельности воображенія достаточно показываютъ, что произведенія его имѣютъ символическое (понимаемое въ обширномъ смыслѣ), или какъ говорятъ, идеальное значеніе, то есть, что содержа-

въ самыхъ образахъ дѣйствующихъ лицъ; отвлеченнаго помысла тутъ не стало; потому что онъ какъ-бы растаялъ въ образахъ и слился съ ними, и до него мы не доходимъ посредствомъ длиннаго ряда умозаключеній, но сознаемъ и чуемъ его сквозь образы непосредственно.

Подобное же различіе между произведеніями художественнаго воображенія и какой бы то ни было утилитарной техники. Каково бы ни было техническое сочетаніе вещественнаго матеріала, цѣль или что-тоже мысль его не осуществлена непосредственно въ его структурѣ; она будетъ понята и осуществится только при посредствѣ изученія и употребленія. А потому, если глядя на подобное произведеніе, мы можемъ иногда удивляться его громадності или отдѣлкѣ, то это далеко не то, что чувствовать и сознавать мысль, выраженную въ образахъ и звукахъ, соотвѣтственнымъ непосредственнымъ единствомъ мысли и настроенія въ насъ самихъ. Вотъ почему, было бы, признакомъ непониманія сущности произведеній искусства сказать, что достоинство ихъ, какъ и достоинство воска и шелка зависитъ отъ употребленія, какое будетъ изъ нихъ сдѣлано (Историческія письма, Миртова, Сиб. 1870, стр. 7 dr. 45). Мы должны потрѣблять извѣстнымъ образомъ воскъ и шелкъ, чтобы была достигнута мыслимая нами цѣль ихъ; мы должны потрѣблять пищу, чтобы осуществилась цѣль пищи. Но можемъ ли мы такъ-же потрѣблять симфонію, изваяніе, картину? Нѣтъ. Почему же? Потому что въ нихъ мы имѣемъ дѣло не съ веществомъ, какъ предметомъ животнаго вкуса и обонянія, но съ мыслию, которая не

ніе произведеній воображенія воспринимается какъ-бы изъ-за видимыхъ и слышимыхъ формъ, и притомъ, только мыслью и осмысленнымъ внутреннимъ чувствомъ, что въ немъ выражается не непосредственное, животное самочувствованіе и самовозбужденіе, доступное и животнымъ, но нѣчто только мысленно созерцаемое, мысленно желаемое и должное. Такъ какъ все мыслью постигаемое, все должное, въ отличіе отъ слѣпыхъ чувственныхъ влеченій и проявленій, составляетъ отличитель-

существуетъ по другую сторону въ видѣ предполагаемой цѣли, но въ нихъ же, въ ихъ формахъ предстаетъ непосредственно; а мысль не можетъ быть предметомъ индивидуальнаго потребленія, какъ пища, воскъ, или шелкъ. Это-то свойство произведеній воображенія и нужно имѣть въ виду, чтобы понятно было ихъ образовательное значеніе вовсе недоступное животнымъ.

Но на чемъ основывается, при какомъ отдаленномъ, первоначальномъ условіи возможно и получаетъ смыслъ тотъ фактъ, что дѣятельность воображенія не ограничивается одними вереницами представленій, не ограничивается и отвлеченными обобщеніями представленій (подобныхъ логическимъ понятіямъ); но ставитъ ихъ не иначе какъ въ неразрывной связи съ цѣлю выражающею ихъ гармоническою системою конкретныхъ (а необобщенныхъ) представленій и переводитъ ихъ въ образные и звуковые знаки? На томъ, что внутренней жизни нашего душевнаго агента вообще свойственно выражать себя въ пространствѣ и времени, какъ-бы давая себѣ пространство и время. Чѣмъ же это подтверждается?

Припомнимъ, что въ развитіи чувственнаго сознанія за ощущеніемъ наступаетъ возрѣніе; а возрѣнію свойственно относить перцепціи своихъ ощущеній къ опредѣленнымъ пунктамъ пространства и времени и по этимъ пунктамъ какъ-бы раскладывать ихъ виѣ своего центра (см. стран. 22)? Какъ и чѣмъ объяснить этотъ фактъ распредѣленія перцепцій ощущенія во виѣ, когда ощущеніе, по своему понятію только интенсивно и само по себѣ не включаетъ экстенсіи или протяженія въ пространствѣ и времени?

ную черту нравственной природы человѣка, то само собою понятно и то, что совершенство дѣятельности воображенія и его произведеній неразрывно сопряжено съ возможно лучшимъ и правильнымъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ. А потому, въ дѣятельности и произведеніяхъ воображенія, сравнительно съ представленіемъ, уже несравненно явственнѣе и опредѣленнѣе обнаруживается, какъ мы и выше сказали, участіе разума, хотя это участіе выражается не въ отвлеченной

Мало того; ощущеніе вовсе не представляетъ и основаній для переложенія однихъ чувственныхъ перцепцій (раздраженія зрительныхъ нервовъ) въ пространственныя формы, а другихъ (раздраженія слуховыхъ нервовъ) въ формы звуковъ.

Было два главныхъ отвѣта на этотъ вопросъ; но оба не могутъ быть приняты, по своей несообразности. Декартъ и вся школа прежнихъ догматическихкихъ идеалистовъ, допустивши крайнее расторженіе между духомъ (какъ существомъ только мыслящимъ), и веществомъ (какъ существомъ протяженнымъ), не могли уже объяснить себѣ: какимъ же образомъ существо, только мыслящее и чуждое протяженію, приходитъ къ понятіямъ пространства и времени? Имъ оставалось, только прибѣгнуть къ старому понятію врожденности и утверждать, что понятіе о формахъ пространства и времени мыслящему духу врождено. Но понятіе врожденности ни сколько не устраняло полного разобщенія между содержаніемъ душевной жизни и формами пространства и времени. Творящая дѣятельность воображенія и искусство теряли свой смыслъ; дѣло ихъ должно было представляться только внѣшнимъ подборомъ образовъ и звуковъ для отдѣльно составленныхъ понятій.

По ученію другихъ (крайнихъ реалистовъ), понятіе о формахъ пространства и времени происходитъ отъ ощущенія, хотя въ ощущеніи нѣтъ никакихъ основаній относить и какъ-бы отбрасывать перцепціи ощущенія (на примѣръ, видимый предметъ) во внѣ.

Несостоятельность этихъ двухъ школъ въ отвѣтъ на вопросъ о происхожденіи понятій о формахъ пространства и времени и о

формъ понятій, сужденій и умозаключеній, но въ конкретной формѣ представленій. Такъ, напримѣръ, когда въ художественномъ разсказѣ къ типу главнаго лица прилагаются такія черты, которыя вполне ему соответвуютъ, или когда всѣ второстепенныя лица и всѣ обстоятельства вводятся въ полной гармоніи съ цѣлою мыслию разсказа, то эта гармонія цѣлаго разсказа ясно доказываетъ, что тутъ дѣйствуетъ уже не одно представленіе съ его вереницами случайно сдѣляющихся представленій, но и разумъ. Почему-же такъ? Потому что въ подборѣ частныхъ свойствъ, гармонирующихъ съ типами дѣйствующихъ лицъ, отдаленно соблюдается логическій законъ тождества, а въ самыхъ типическихъ личностяхъ конкретно выражается отвлеченный составъ логическаго понятія съ его объемомъ и содержаніемъ. Объемъ типовъ—это фактическія личности въ жизни, которыя они изображаютъ, а содержаніе—это признаки, въ которыхъ онѣ живо очерчены въ самой жизни, въ фактѣ, а не отвлеченнымъ перечисленіемъ ихъ свойствъ.

присущей воображенію силѣ—воплощать свои помыслы въ пространствѣ и времени, привела къ третьей психологической теоріи, которую можно признать гораздо состоятельнѣе обѣихъ предыдущихъ. По смыслу этой теоріи, необходимо, даже на основаніи наблюденія, полагать, что душевной жизни, по самому существу ея (и по неразрывности качества съ количествомъ), свойственно быть не только выше формъ пространства и времени, но и непосредственно выразить и воплощать себя въ нихъ.

Въ этомъ-то непосредственномъ выраженіи душевной жизни въ формахъ пространства и времени, въ очертавіяхъ и звукахъ, заключается основаніе и смыслъ творящей дѣятельности воображенія, основаніе и смыслъ искусства. Въ результатахъ творящей дѣятельности воображенія, въ образахъ и звукахъ, непосредственно предстаетъ доступное имъ самое высокое и глубокое содержаніе душевной жизни.

Таковы отличительныя черты воображенія, со стороны внутренней или со стороны содержанія его дѣятельности. Онѣ достаточно объясняютъ основаніе и смыслъ искусства вообще и въ частности поэзіи. Основаніе искусства не въ подражаніи природѣ и не въ удовольствіи, но въ самомъ существѣ нашей внутренней природы, которой свойственно, съ одной стороны, непрерывное совершенствованіе самосознанія и владычественнаго отношенія къ слѣпымъ вещественнымъ силамъ, съ другой—совершенствованіе и своихъ непосредственныхъ выраженій въ пространствѣ и времени, въ образахъ и звукахъ

На основаніи вышесказаннаго о воображеніи и объ отношеніи его къ образамъ и звукамъ, различаютъ иногда воображеніе *пластическое* и *тоническое*.

Воображеніе пластическое ¹⁾ состоитъ, во первыхъ въ счастливомъ и быстромъ, мысленно выполняемомъ подборѣ къ какой-нибудь идеѣ или цѣли соответственныхъ имъ начертаній, какъ по симметріи идущей въ широту, такъ и по пропорціи между широтою и высотой цѣлаго начертанія; во вторыхъ, также въ легкомъ и быстромъ созерцаніи идеи или душевнаго настроенія въ воплощающемъ ихъ фізіогномическомъ типѣ, и въ счастливомъ чутьѣ гомологическаго ²⁾ соответствія въ положеніи другихъ частей тѣлеснаго организма, наприм., рукъ, указывающихъ на идею.

Тоническое воображеніе также состоитъ въ мысленномъ выраженіи какой-нибудь сильно—прочувствованной идеи или душевнаго настроенія, какъ гармонією (современно идущихъ) звуковъ, такъ особенно—соответственными идеѣ ихъ изгибами—повышеніями и пониженіями и рѣчмическимъ теченіемъ

¹⁾ Отъ греч. *πλασσο* (πλασσω πλαττω) образуя, изображаю, *figo, formo*.

²⁾ ομολογός согласный, *consentiens*.

(въ моментахъ времени) или тактомъ. И тамъ, и здѣсь, все дѣло—въ непосредственномъ соотвѣтствіи помысла аналогическому выраженію, которое будетъ выражено для чувствъ зрѣнія и слуха, и въ свою очередь возбудитъ въ слушающемъ и созерцающемъ тотъ же помыслъ.

Какъ-то, такъ и другое часто начинаетъ проявляться въ самомъ раннемъ возрастѣ у гениальныхъ архитекторовъ, живописцевъ и музыкантовъ. Но только подъ вліяніемъ правильнаго образованія и развитія внутренней жизни, всякое художественное воображеніе можетъ достигнуть совершенства произведеній.

в) Дѣятельность воображенія *со стороны внѣшней*, или со стороны ея выраженія.

Выше мы уже сказали, что *дѣятельность* воображенія не только созидаетъ обобщенныя представленія и типическіе образы, но и переводитъ ихъ непосредственно, во внѣшнія формы, доступныя нашимъ благороднѣйшимъ чувствамъ—зрѣнію и слуху. Дѣло эстетики, и теоріи искусства-разсмотрѣніе всѣхъ искусствъ со стороны ихъ общихъ началъ и тѣхъ внѣшнихъ орудій (камня, металла, красокъ и т. д.), отъ которыхъ много зависятъ и частныя особенности каждаго искусства порознь. Мы останавливаемся только на человѣческомъ словѣ или на системѣ свойственныхъ человѣку членораздѣльныхъ звуковъ, такъ-какъ членораздѣльные звуки составляютъ не только необходимое орудіе дѣятельности представленія и воображенія, но и общее средство всего внутренняго развитія и образованія.

а) Дѣло фізіологін—объяснить физическія условія чело-вѣческаго слова. Для насъ важно то, что каковы бы ни были эти физическія условія, глубочайшее, послѣднее основаніе его должно быть въ самомъ существѣ свойственной человѣку психической жизни, въ свойственной ему способности сознанія и самосознанія. Такъ-какъ сознательности и ея внутреннему раз-

втію свойственно непрерывное отчетливое различіе всего наблюдаемаго, и соотношеніе всего различаемаго, внутреннее же развитіе сознанія не иначе возможно, какъ при соотвѣтственномъ обозначеніи или выраженіи и какъ-бы фиксированіи (постепенномъ или поочередномъ) всѣхъ его моментовъ; то естественно, что для возможности подобнаго развитія уже необходимо человѣческое членораздѣльное слово, какъ изустное, еще мимолетное, удерживаемое только памятію, такъ и письменное, утверждаемое въ начертаніяхъ, соответственныхъ членораздѣльнымъ звукамъ изустнаго слова. Самая постепенность, съ какою развивалось какъ письменное, такъ и изустное слово и существенныя особенности его, доказываютъ, что происхожденіе и образованіе человѣческаго слова въ послѣднемъ основаніи, зависятъ отъ психической жизни человѣка и свойственнаго ей сознательности развитія. Такъ, первоначальное изустное слово могло быть по преимуществу звукоподражательнымъ, т. е., помощію его можно было выражать только то, что воспринимается слухомъ; далѣе, по мѣрѣ внутренняго развитія, въ немъ и нѣчто отвлеченное могло быть выражено аналогическими звуками. Только послѣ значительнаго развитія, образуется цѣлая система произвольныхъ звуковыхъ знаковъ, помощію которыхъ мы можемъ выразить не только что-нибудь чувственное, но и самыя тонкіе оттѣнки отвлеченій. Соответствующую послѣдовательность этому развитію звуковаго слова, можно найти и въ развитіи письменнаго слова; потому что и письменное слово сперва могло ограничиваться преимущественно начертаніями, копирующими цѣлыя представленія и притомъ чувственныя, какъ болѣе имъ доступныя; только послѣ могло развиваться письмо символическое и гіероглифическое. Письменное слово, начертывающее звуки изустнаго слова, а не образы и не цѣлыя представленія, могло быть только позднѣйшимъ произведеніемъ въ развитіи письменности.

β) Неменѣе доказывается внутренняя связь изустнаго

слова съ развитіемъ нашей сознательной душевной жизни составомъ его. Изустное слово наше слагается, во первыхъ, изъ гласныхъ и согласныхъ звуковъ. Характеръ гласныхъ чисто интенсивный, душевный, идеальный; ими выражается преимущественно душевное настроеніе (А, О, Е, И...); тогда какъ согласные звуки, сами по себѣ, еще очень близкіе къ шуму или звуку, возможному и въ неорганической природѣ, отличаются характеромъ матеріальнымъ: они ограничиваютъ гласные звуки, даютъ имъ предѣлъ или остановку, и въ соединеніи съ ними образуютъ слоги или опредѣленные, членораздѣльные звуки, въ которыхъ животныя неспособны. Далѣе, изъ соединенія слоговъ образуются слова, которыя должны имѣть опредѣленную продолжительность и кромѣ того, требуютъ ударенія на одномъ слогѣ, составляющемъ какъ-бы центръ притяженія для другихъ слоговъ. Наконецъ, и соединеніе опредѣленныхъ словъ въ связной рѣчи состоитъ не въ сборникѣ, не въ прибавленіи однихъ словъ къ другимъ, но выражаетъ какое-нибудь внутренно-связное соотношеніе между представленіями, требуетъ опредѣленной (періодической) продолжительности и ударенія или акцента на какомъ-либо одномъ словѣ предложенія, что и составляетъ правильность риторическаго чтенія и какъ-бы душу нашей рѣчи, которую вносить въ нее только живое сознаніе смысла рѣчи. Все это—такія принадлежности нашего изустнаго слова, въ которыхъ именно выражается отличительный характеръ, свойственный нашей душевной сознательной жизни; а сознательности свойственно постоянно разграничивать всѣ свои перцепціи и не иначе соединять ихъ и сводить къ чемунибудь цѣлому, какъ при посредствѣ разграниченія всего соединяемаго.

γ) Само собою разумѣется, что соотвѣтственно этому развитію изустнаго слова, какъ системы членораздѣльныхъ звуковыхъ знаковъ, совершенствуется и письменное слово, выражая съ точностію свойственную ему раздѣльность, упрочи-

вая его мимолетныя проявленія въ письменныхъ неизгладимыхъ знакахъ.

Съ развитіемъ дѣятельности представленія и производительнаго воображенія, выражаемой членораздѣльными звуками или словами и ихъ осмысленнымъ сочетаніемъ, сами собою уже обозначаются различные виды словъ (этимологія) и периодическая связь (синтаксисъ); но систематическое разсмотрѣніе ихъ (т. е. начала философской грамматики) возможно только послѣ разсмотрѣнія дѣятельности разсудка и силы сужденія; такъ-какъ различные роды словъ и ихъ сочетаній могутъ объясниться намъ только общимъ разграниченіемъ понятій и представленій и ихъ соединеніями, зависящими отъ разсудка и силы сужденія и выражающимися въ словѣ.

в) Сказаннаго нами о дѣятельности представленія и воображенія достаточно, для составленія понятія, какъ касательно образовательнаго значенія того и другаго— въ послѣдовательномъ развитіи теоретическихъ или познавательныхъ проявленій душевной жизни, такъ и касательно ихъ недостатка или незаконченности, требующей вниманія со стороны воспитательнаго образованія. То и другое—значеніе и недостатки представленія и воображенія должны опредѣлиться среднимъ мѣстомъ, которое занимаютъ представленіе и воображеніе между проявленіями чувственнаго сознанія и мышленіемъ. Въ чемъ же, сперва, состоитъ ихъ значеніе?

а) И во первыхъ значеніе представленія.

а) Перцепціи чувственнаго сознанія были неподвижны и неизмѣнны, или по крайней мѣрѣ, вовсе независимы отъ перцепирующаго сознанія; а потому, и все его приобрѣтеніе состояло только въ пассивномъ накопленіи неподвижно-данныхъ намъ перцепцій, и при томъ, только въ томъ видѣ, какъ ихъ представило намъ ощущеніе. Никакое раздробленіе, никакія новыя сочетанія разложенныхъ стихій этихъ перцепцій, направленныхъ къ обобщеніямъ, были невозможны: не можемъ

же мы изъ многихъ тюльпановъ составить одинъ общій матеріальный, конкретный тюльпанъ.

Тоже самое должно сказать и о томъ сдѣвленіи или сочетаніи, въ какомъ чувственное сознаніе получаетъ свои перцепціи; оно ставится совершенно независимо отъ нашего усмотрѣнія тѣмъ порядкомъ, въ какомъ существуютъ вещи. Мы можемъ, конечно, измѣнить немногія близкія къ намъ вещи и ихъ сочетанія перестановкою; но количество такихъ вещей крайне ограничено и, если оно не перешло въ сферу мысленную, зависящую отъ работы представленія, то и ничего новаго не можетъ привести въ наше сознаніе.

Иное свойство представленій или тѣхъ мысленныхъ копій, которыми замѣняются бывшія чувственныя перцепціи. Представленія, возникающія въ нашемъ внутреннемъ мірѣ, не остаются въ немъ въ какомъ-нибудь одномъ, неподвижномъ состояніи; разсматриваемыя единично каждое порознь, представленія, какъ мы знаемъ, то возникаютъ въ этомъ внутреннемъ мірѣ, озаряемомъ сознаніемъ, то удаляются съ поля сознанія; въ нихъ постоянно происходятъ нѣкоторыя измѣненія; нѣкоторыя стороны въ нихъ могутъ быть какъ-нибудь забыты и выпущены; иногда онѣ замѣняются чѣмъ-нибудь, вознаграждающимъ эту убыль; наконецъ, они могутъ быть то сильнѣе и ярче, то темнѣе и слабѣе.

Тоже самое должно сказать и о сдѣвленіи представленій; оно можетъ соответствовать бывшему соположенію и послѣдованію вещей въ дѣйствительности, но можетъ и уклоняться отъ ихъ порядка, и ставить новыя сочетанія между ними, имѣя дѣло не съ вещами, а съ мысленными копіями вещей.

Словомъ, представленія, которыми замѣняются для насъ вещи и ихъ чувственныя перцепціи, уже могли бы быть удобнымъ матеріаломъ для умственной работы, обыкновенно реформирующей этотъ матеріалъ, еслибы сразу могла начать свое отправленіе и пользоваться имъ сознательная логическая

мысль Но подобная внутренняя работа не есть дѣло мгновенія; она образуетъ долговременный и послѣдовательный процессъ той внутренней, умственной, если можно такъ сказать, морфологіи, которая только постепенно будетъ совершенствоваться (въ представленіи, воображеніи, разсудкѣ, разумѣ), пока достигнетъ окончательной степени органической связности въ высшихъ созданіяхъ художественныхъ и умственныхъ.

Но уже потому, что въ дѣятельности представленія мы обладаемъ мысленными копіями всего, что только воспринимаемъ нашими чувствами и можемъ въ значительной степени произвольно распоряжаться ими, эта дѣятельность пролагаетъ путь и логической умственной дѣятельности. Потому что, коль скоро представленія можно многообразно видоизмѣнять и производить между ними многообразныя произвольныя сочетанія, то и логическая сила мысли, по мѣрѣ своего развитія, будетъ овладѣвать этимъ матеріаломъ и производить изъ него тѣ высшія стройныя формаціи, которыя, съ одной стороны, мы находимъ въ произведеніяхъ художественныхъ даже въ сферѣ представленій, съ другой—въ отвлеченныхъ произведеніяхъ, въ формѣ понятій, сужденій и умозаключеній. Весь этотъ длинный процессъ внутренней, умственной морфологіи былъ бы рѣшительно невозможенъ, если бы у насъ были только чувственныя перцепціи.

Таково значеніе представленія въ послѣдовательной лѣтницѣ проявленій познавательной или теоретической дѣятельности.

β) На основаніи предъидущаго, понятны и недостатки дѣятельности представленія, еслибы она предоставлена была только себѣ самой и прекратилось бы дальнѣйшее развитіе нашей внутренней жизни.

Дѣло въ томъ, что дѣятельность представленія, подобно птицѣ, какъ-бы отрывается отъ одного--твердаго и неизблемаго берега, отъ чувственныхъ перцепцій, и наполняетъ со-

знаніе только внутреннимъ, мысленнымъ пространствомъ и движеніемъ выблущихся въ немъ мысленныхъ копій вещей; но еще не пристаеетъ и къ другому берегу—къ твердому и законосообразному употребленію представленій логическою силою мысли. Оно еще не управляется ни дѣятельностію производительнаго воображенія, созидающаго, подъ незамѣтнымъ вліяніемъ разума, цѣльныя гармоническія произведенія изъ образовъ представленія, ни отчетливою работою отвлеченной мысли, преобразующею сочетаніе ихъ въ сужденіяхъ и умозаключеніяхъ для созданія цѣльныхъ умственныхъ произведеній. Она какъ-бы виситъ на срединѣ между пригвожденными, чувственно-данными перцепціями и логически—твердою дѣятельностію мысли, и, подобно аэростату безъ кормила, безъотчетно то вызываетъ одни представленія за другими, то производитъ между ними разнообразныя сцѣпленія (*association des idées*). Конечно, какъ образованіе, такъ и сцѣпленіе представленій совершается по опредѣленнымъ законамъ; подъ покрываломъ ихъ не замѣтно дѣйствуетъ производительная сила мысли, и она сильнѣе потомъ явится въ созданіяхъ воображенія и еще явственнѣе, хотя и изолированно, отвлеченно, въ логической работѣ ума; однакоже, представленіе, само по себѣ, еще слишкомъ далеко отъ умственной органической связности. Оно, во первыхъ, совершается слишкомъ безъотчетно, какъ-бы механически и не приводитъ ни къ стройному возсозданію жизни въ образахъ, ни къ опредѣленнымъ построеніямъ помощію сужденій и умозаключеній; во вторыхъ, въ силу крайней безъотчетности, легко можетъ выродиться въ произвольную игру представленіями и ихъ сцѣпленіями, совершенно отрывающую насъ отъ дѣйствительности и отъ требованій законосообразной умственной дѣятельности.

Такія послѣдствія именно и бываютъ у людей, изъ-за увлеченій представленіями забывающихъ и простыхъ требованія

положительнаго здравомыслия, и не выработавшихъ въ себѣ никакого навыка къ умственному серьезному труду.

γ) Свойство представленія и недостатки его изолированной дѣятельности сами собою указываютъ на то, что именно со стороны воспитательнаго образованія, можетъ сообщить ему плодотворное значеніе въ послѣдовательномъ ростѣ и развитіи проявленій всей познавательной или умственной дѣятельности.

Такъ-какъ дѣятельность представленія, отрываясь отъ дѣйствительности, можетъ уклоняться отъ нея въ созданіи своихъ образовъ и ихъ сдѣлленій, такъ-какъ далѣе въ ней могутъ ослабѣвать и тускнѣть самыя эти образы, то необходимо обращать вниманіе:

а) Чтобы эти образы или представленія и ихъ сдѣлленія соотвѣтствовали дѣйствительности, бывшей предметовъ чувственнаго сознанія и наблюденія:

б) Чтобы представленія были прочно усвоены и, такъ сказать, пригвождены во внутреннемъ, мысленномъ пространствѣ мысли; а для того, нужно обозначать ихъ опредѣленнымъ словомъ.

γ) Чтобы запасъ представленій былъ достаточный для образованія понятій, для пониманія той сферы жизни, къ которой они относятся: понятія были бы слишкомъ зыбки и, даже просто невозможны, какъ понятія, безъ представленій; понятія вырастаютъ изъ представленій.

δ) Наконецъ, чтобы въ самомъ ходѣ и массѣ нужныхъ представленій былъ соблюдаемъ извѣстный порядокъ.

Средствомъ для подобнаго совершенствованія дѣятельности представленій можетъ служить, кромѣ обыкновенныхъ частныхъ бесѣдъ, такъ-называемое наглядное обученіе. Начало ему положено еще въ предъидущей сферѣ чувственнаго сознанія; но здѣсь, съ наступленіемъ развивающейся дѣятельности представленія, оно можетъ получить болѣе широкіе размѣры

и больше разнообразія. Наглядность обученія, дающая прочный и ясный матеріаль представленію, можетъ состоять:

во первыхъ, въ показаніи и именованіи самыхъ вещей, напримѣръ, растеній, животныхъ, минераловъ и тому подобн, какъ внѣ систематическаго обученія, такъ и при научномъ изложеніи ботаники, зоологіи и т. д.

во вторыхъ, въ показываніи и именованіи копій, рисунковъ, чертежей, моделей, чучель и тому подобныхъ воспроизведеній предметовъ представленія. Понятно, что сообщая подобнымъ путемъ матеріаль представленію, мы практически знакомимъ и съ языкомъ, на которомъ именуемъ и описываемъ этотъ матеріаль.

Наконецъ, въ третьихъ, въ употребленіи рассказовъ и описаній, отличающихся пластическою вѣрностію и картинностію.

8) Важность обилія, вѣрности и прочнаго усвоенія представленій для образованія понятій и для научнаго пониманія различныхъ удѣловъ жизни, не подлежитъ сомнѣнію. Такъ, напримѣръ, при изученіи исторіи какого-либо народа, напримѣръ, древнихъ грековъ, очень важно—знать, т. е., вѣрно представлять всѣ орудія, которыми они пользовались въ своей частной и общественной жизни, какъ-то, ихъ домашнюю мебель и утварь, ихъ оружіе, постройку кораблей, форму и расположеніе ихъ домовъ, ихъ храмы и сосуды и такъ далѣе. Всѣ эти предметы составляютъ матеріаль для представленія, и чѣмъ вѣрнѣе и обильнѣе эти представленія, тѣмъ вѣрнѣе можно составить понятіе объ ихъ жизни. Нѣкоторыя науки, напримѣръ, географія и многія физикоматематическія науки, неразрывно сопряжены съ матеріаломъ для представленія. Даже и нѣкоторыя нравственныя науки, напримѣръ, психологія и логика, иногда не могутъ не прибѣгать къ формамъ представленія, въ разныхъ чертежахъ, для сообщенія большей ясности своему отвлеченному содержанію. Особенно полезно бы-

ваетъ, при изустномъ преподаваніи, употребленіе начертаній, аналогическихъ какимъ-нибудь отвлеченнымъ соотношеніямъ понятій: оно значительно облегчаетъ пониманіе отвлеченностей, хотя, конечно, далеко не всегда вполне соответствуетъ имъ. Не такъ давно нѣкоторые педагоги (Либерманъ) пришли къ мысли, что преподаваніе исторіи, на первыхъ порахъ только и должно ограничиваться подробнымъ ознакомленіемъ учениковъ съ этою вѣшне-культурною стороною исторической жизни народовъ, и что только зная основательно эти вѣшнія выраженія народной жизни, можно съ пользою перейти и къ изученію ихъ внутренней жизни. Выше мы уже сказали, что впервые обратилъ систематическое вниманіе на наглядное обученіе въ XVII вѣкѣ богемецъ, Амосъ Коменскій.

На основаніи вышесказаннаго довольно понятно, что представленія важны, какъ масса, какъ матеріалъ, необходимый для образованія, но что самъ по себѣ этотъ матеріалъ такъ и остался бы только матеріаломъ, если бы не было дальнѣйшихъ душевныхъ отправленій,—воображенія и мышленія. Общій характеръ дѣятельности воображенія, въ сравненіи съ представленіемъ, состоитъ, какъ мы уже знаемъ, въ томъ, что изъ матеріала представленій оно создаетъ цѣлыя и гармоническія образныя и звуковыя произведенія, подъ вліяніемъ обобщенныхъ представленій и помисловъ. А потому, и образовательное значеніе воображенія выше представленія. Это послѣднее только и получаетъ смыслъ подъ вліяніемъ воображенія и мышленія

β) Образовательное значеніе и средства развитія воображенія.

α) Образовательное значеніе произведеній воображенія разумѣемъ преимущественно художественнаго, понятно на основаніи того, что сказано о немъ выше. Оно важно по двумъ причинамъ: во первыхъ, потому, что изображаетъ въ гармоническихъ, цѣльно-составленныхъ, звуковыхъ и образныхъ

формах обобщенныя типическія представленія; то есть, общія понятія, отвлеченныя идеалы выражаетъ въ конкретной формѣ самыхъ актовъ и жизни; во вторыхъ, потому что въ различныхъ и звуковыхъ знакахъ, употребляемыхъ производительнымъ воображеніемъ, высшіе помыслы выражаются непосредственно, т. е., не доказываются логическимъ ходомъ отвлеченныхъ понятій только для головы, но, воплощаясь въ видимыхъ и слышимыхъ формахъ, разомъ предстаютъ уму, представленію и чувству. А потому, и дѣйствуютъ они также на всю нашу внутреннюю жизнь—на разумъ, волю и чувство, охватываютъ и проникаютъ всего человѣка; значить, не только даютъ пищу для представленія и отвлеченнаго пониманія, но и сообщаютъ сильное настроеніе для перевода мысли въ дѣло жизни. Произведенія творящаго воображенія не только могутъ возвышать, очищать, облагораживать внутреннюю жизнь человѣка, но движутъ и самую волю его.

Это непосредственное выраженіе идеаловъ воображенія въ образныхъ и звуковыхъ формахъ придаетъ его вліянію не только силу, но и самую широкую примѣнимость. Не требуя значительнаго научнаго приготовленія со стороны читающаго, произведенія его могутъ быть и дѣйствительно бываютъ популярными проводниками идей. Эту-то особенность художественныхъ произведеній или такъ-называемой изящной литературы разумѣлъ Шиллеръ въ своемъ сочиненіи—*Ueber die ästhetische Erziehung*, высказывая въ немъ ту мысль, что эстетическое образованіе облагораживаетъ человѣка, а потому, путемъ незамѣтнаго вліянія, приготовляетъ его въ соответственныя органы нравственно-общественной жизни и требуемаго ею порядка.

В) Таково образовательное значеніе производительнаго воображенія въ развитомъ его совершенствѣ, въ его цѣльныхъ, художественныхъ созданіяхъ. Но ему свойственно образовательное значеніе и въ его частичныхъ, какъ бы пригото-

тельныхъ проявленіяхъ, въ которыхъ оно своими композиціями, раздѣленіями и соединеніями выступаетъ за предѣлы давнаго теченія чувственныхъ перцепцій и представленій. Подобныя проявленія мы находимъ:

во первыхъ, въ такомъ сочетаніи (компонированіи) представленій, которое въ дѣйствительности не встрѣчается или и невозможно; напримѣръ, въ прибавленіи къ туловищу лошади, или змѣи, крыльевъ птицы. Отсюда-представленіе дракона, пегаса и т. д.

во вторыхъ, въ быстромъ и рѣзкомъ раздѣленіи и разграниченіи такихъ перцепцій и представленій, которыя кажутся совершенно сходными и неразрывными: напримѣръ, „между ними полѣйшее согласіе; да, такое же, какъ между огнемъ и водою“. Способность къ такимъ быстрымъ и рельефнымъ разграниченіямъ можно назвать умственною тонкостію и пронизательностію.

въ третьихъ, въ быстромъ, сжатомъ и рельефномъ сближеніи такихъ представленій, которыя кажутся вовсе несходными, будетъ ли это сближеніе вещное, или только словесное. Дарованіе къ подобнымъ сближеніямъ называютъ остроуміемъ. Примѣромъ вещнаго сближенія можетъ быть поговорка что „адвокаты очень сходны съ колесами; ихъ постоянно нужно подмазывать“; или извѣстная эпиграмма: „какое сходство Клитъ съ календаремъ имѣеть; онъ лжетъ и не краснѣеть“.

Къ подобнымъ словеснымъ сближеніямъ вовсе несходныхъ представленій можно отнести многіе каламбуры.

Всѣ эти три вида проявленій воображенія могутъ имѣть образовательное значеніе именно потому, что заключаютъ въ себѣ свободное сочетаніе и раздѣленіе представленій. Ни слова, что иногда оно бываетъ продуктомъ произвола и какого-нибудь причудливаго вкуса, придумываемымъ для забавы; но при серьезномъ употребленіи даровитостію, можетъ развивать

гибкость ума и способствовать основательному и широкому сближенію и разграниченію цѣлыхъ сферъ знанія.

γ) Къ этому должно присовокупить, что воображеніе своими свободными сочетаніями представленій, выражающими какія-нибудь обобщенныя представленія, нравственныя помыслы и чувства, бываетъ не только источникомъ художественныхъ произведеній, но и пособіемъ въ наукѣ; а потому часто и различаютъ отъ художественнаго воображенія—научное. Это послѣднее дѣйствуетъ особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда предметомъ умственной работы бывають какія-нибудь широкія пространственныя начертанія (напримѣръ, въ астрономіи), которыхъ мы и объять не можемъ нашимъ зрѣніемъ; или дѣянія и дѣятеля давно минувшихъ историческихъ временъ, образованіе міровъ, или созерцаніе гармоніи и аналогіи цѣлыхъ царствъ природы. Потому-то сильное воображеніе мы находимъ не у однихъ поэтовъ, но и у первостепенныхъ мыслителей, астрономовъ, историковъ, геологовъ и т. д. Воображеніе дѣйствовало не у одного Гомера, Шекспира и Пушкина; но и у Платона, Ньютона, Шеллинга и Гегеля.

Различіе между дѣйствіемъ художественнаго и научнаго воображенія состоитъ только въ томъ, что тамъ, въ сферѣ художественной, оно идетъ отъ помысла, идеи, внутренняго содержанія, къ воплощенію ихъ въ конкретной, индивидуальной жизни, а тутъ—въ наукѣ, оно идетъ путемъ обратнымъ, и, на основаніи наблюденія явленій, пособляетъ угадывать законы жизни, различіе и единство огромныхъ, отдѣльныхъ сферъ ея. Естественно, что здѣсь оно дѣйствуетъ въ ясной и отчетливой связи съ отвлеченною работою разсудка; а тамъ, вліяніе разсудка и разума менѣе явственно; оно сокрыто, хотя присутствіе ихъ въ дѣятельности художественнаго воображенія не менѣе сильно.

δ) Мало того; на первыхъ порахъ, въ послѣдовательномъ развитіи не только каждаго человѣка, но и цѣлыхъ народовъ,

производительное воображеніе и его формы, а не отвлеченная дѣятельность разсудка и разума, служатъ преобладающимъ органомъ представленій о причинахъ явленій и ихъ измѣненій. У Гомера постоянно двигателями всѣхъ дѣваній описываемыхъ имъ героевъ служатъ не интересы тѣхъ же героевъ, но боги и богини. Оттого, и дѣти любятъ преимущественно доступныя имъ поэтическія произведенія (хотя бы они были и въ прозѣ), гдѣ есть что-нибудь дѣйствующее на ихъ воображеніе какими-нибудь силами, превышающими обыкновенное теченіе вещей. Таковы, напримѣръ, мастерскія басни, въ которыхъ животныя изображаются разговаривающими между собою, со всѣми приемами и уловками людскими. Оттого же, и у древнихъ грековъ поэзія, въ твореніяхъ Гомера или Гезіода и другихъ поэтовъ, долго была главнымъ орудіемъ ихъ образованія не только религіознаго, но и гражданскаго. Оттого, и ихъ мыслители, бывшіе для нихъ тѣмъ же, что теперь у насъ ученые, долгое время пользовались поэтическою формою и стихотворнымъ словомъ въ своихъ произведеніяхъ.

γ) На средства развитія воображенія указываетъ самое свойство его дѣятельности и его произведеній. Воображенію свойственно обобщенныя представленія, или нѣчто только мыслимое, предполагаемое воплощать и находить присущимъ въ данныхъ нашимъ чувствамъ формахъ. Слѣдовательно, всѣ тѣ произведенія будутъ вліять на развитіе воображенія, которыя или содержатъ въ своихъ оригинальныхъ формахъ непосредственное выраженіе этихъ общихъ представленій, или даютъ поводъ и возможность обнаруживаться въ дѣтяхъ позыву и умѣлости въ созиданіи новыхъ формъ и представленій. Но чѣмъ тѣснѣе и ограниченнѣе умственный кругозоръ, тѣмъ проще и доступнѣе должно быть и средство развитія воображенія. Для дѣтей, на первыхъ порахъ, самымъ простымъ и доступнымъ средствомъ, пробуждающимъ воображеніе, служатъ басни, сказки, аллегоріи, притчи; потому что въ подобныхъ

произведеніяхъ нѣчто только воображаемое приписывается вещамъ, доступнымъ ихъ представленію, или и наблюденію; на-примѣръ, разговоръ голоднаго волка съ лисицею, дремавшею послѣ оубѣда подѣ стогомъ сѣна.

Въ этихъ средствахъ дано для дѣтей нѣчто свободно-созданное, какъ готовое. Но возможны и такія средства, гдѣ бы они и сами могли свободно употреблять свое воображеніе на дѣлѣ. Такими средствами могутъ быть разумно придуманныя игрушки, какъ, на-примѣръ, „Дары“ Фребеля ¹⁾.

Высшею, прямою пищею воображенія служатъ художественныя произведенія вообще, въ послѣдовательномъ порядкѣ, соотвѣтствующемъ возрасту. Сюда относятся художественныя описанія, рассказы и вообще образцовыя поэтическія произведенія. Но порядокъ и способъ употребленія этихъ средствъ, содѣйствующихъ развитію воображенія, относится и къ правиламъ обученія, — въ частности, отечественнаго языкоученія.

д) Недостатки воображенія и мѣры противъ нихъ.

Недостатки воображенія и тѣ крайности къ которымъ оно можетъ вестн, также понятны изъ свойства его дѣятельности и его произведеній.

Воображенію свойственно не только непосредственно (т. е., безъ посредства рефлексіи и безъ предварительнаго составленія отвлеченныхъ понятій, для которыхъ только потомъ приискивались бы подходящіе образы) воплощать нѣчто идеальное, мыслимое въ конкретныя, индивидуальныя формы жизни; но и само это идеальное содержаніе, въ предѣлахъ воображенія можетъ быть, какъ часто, и бываетъ, добытымъ также непосредственно, безъ долговременнаго размышленія и основательнаго изученія жизни. Такъ, на-примѣръ, помощію

¹⁾ См. *Педагогическая Психологія* Каутерова. Спб., 1877, стр. 335, в „о дѣтскихъ играхъ“ *Народная школа*, 1875 г., августъ.

сильнаго воображенія, можно воплощать мысли въ звукахъ музыки; но можно помощію того же воображенія впасть въ разговоръ и въ уста оскорбленныхъ гусей, хотя на дѣлѣ, въ дѣйствительности, по законамъ животной жизни, слово имъ не свойственно. Но можетъ непосредственный характеръ дѣятельности воображенія повести и къ другимъ болѣе важнымъ произволамъ. Можно не только незрѣлыя, не продуманныя, но просто и ложныя мысли и пѣчала облекать въ изящныя формы образовъ и звуковъ.

Отсюда, отъ преобладанія воображенія, не даващаго развиться и окрѣпнуть мыслящей силѣ и здоровому вдумыванію въ законы жизни, могутъ незамѣтно водвориться и овладѣть, съ преобладающею силою увлеченія, неправильныя начала и фальшивое пониманіе жизни. Примѣровъ подобныхъ увлеченій фальшивыми картинами пера и воображенія можно встрѣтить достаточное количество въ исторіи литературы. Укажемъ только на одинъ, самый рѣзкій примѣръ—на то направленіе, которое по большей части проводили французскіе романы прошлаго столѣтія.

Вообще, даже помимо неправильнаго употребленія дѣятельности воображенія, и постоянное чтеніе только произведеній, созданныхъ творчествомъ воображенія, могло бы повести къ неблагопріятнымъ послѣдствіямъ—теоретическимъ и практическимъ. Въ теоретическомъ отношеніи—вредныя послѣдствія отъ остановки на дѣятельности и произведеніяхъ воображенія, это—крайне-збыкое и постоянно какъ, бы колеблющееся состояніе ума, и неприготовленность къ точнымъ и сосредоточеннымъ умственнымъ занятіямъ; въ практическомъ отношеніи, это—разтерянность душевнаго настроенія, разладъ съ порядкомъ, котораго требуетъ практическая жизнь и постоянный порывъ не только къ несуществующему, но и къ невозможному.

Особенно важную роль играет воображеніе въ такъ-называемыхъ фантастическихъ повѣстяхъ. Особенность ихъ состоитъ въ томъ, что въ нихъ часто не только неодушевленные вещи представляются одушевленными, неразумныя существа—разумными; но, и самымъ простымъ и обыкновеннымъ явленіемъ приписываются свойства, выступающія за предѣлы пространства и времени. Въ умѣренномъ видѣ, подобныя повѣсти могутъ конечно возвышать воображеніе, надъ обыденною дѣйствительностію, если нѣтъ недостатка въ другихъ систематическихъ средствахъ образованія. Но и отъ избыточнаго употребленія ихъ легко могутъ произойти немаловажныя вредныя послѣдствія. Они могутъ быть двоякаго рода: или отрицательныя, астеническія, или положительныя, гиперстеническія ¹⁾. Къ слѣдствіямъ перваго рода можно отнести суевѣрный страхъ предъ воображаемыми силами, грустное настроеніе духа, бессиліе воли и т. д.; къ слѣдствіямъ втораго рода—напыщенность, чудачество и донкихотство. Истинно-великое и высокое заключается не въ избыточномъ напряженіи какой-нибудь слѣпой страсти, не въ приписываніи явленіямъ размѣровъ, выступающихъ за предѣлы пространства и времени, но въ такихъ помыслахъ и въ такомъ нравственномъ настроеніи воли, которыя дѣйствительно выступаютъ за предѣлы чувственныхъ и эгоистическихъ влеченій; а это не только возможно, но и дѣйствительно бываетъ въ самой простой, трудовой сферѣ жизни, а не въ напыщенномъ искательствѣ приключеній. Но чудачеству и донкихотству, подъ вліяніемъ неправильно развитаго воображенія, свойственно прибѣгать къ различнымъ искусственнымъ и самымъ напряженнымъ приемамъ, чтобы

¹⁾ Отъ греч. *астенесъ* (ασθενής) слабый, изнеможенный; а *гиперстеническій* (гиперъ, сверхъ, за, сверхъ, выше и *стенесъ*, σθένος, сила) имѣетъ противоположное значеніе—избыточной силы, переходящей отъ болѣзненнаго раздраженія.

какъ нибудь разыграть роль выше обыкновеннаго уровня людей. Вообще, въ томъ возрастѣ, когда всего сильнѣе преобладаетъ воображеніе и когда еще невозможна сколько-нибудь удовлетворительная подготовка къ вопросамъ науки и жизни, наибольше увлекаются наклонностію къ высокому или манією величія. Особый видъ ея выражается иногда и въ наклонности учениковъ къ высокому слогу. По поводу этого недуга отъ преобладанія воображенія, весьма справедливо замѣчаетъ Кантъ, что прежде нужно приобрѣсть готовность и навыкъ къ усидчивому труду, къ исполненію самыхъ простыхъ и обыкновенныхъ обязанностей, а потомъ уже думать о высокомъ ¹⁾).

е) На мѣры къ правильному развитію воображенія и къ предохраненію его отъ крайностей наводитъ уже самое знаніе—отъ чего обыкновенно происходитъ неправильное, въ какомъ-бы то нибудь отношеніи, отпращеніе каждой душевной способности; а оно зависитъ главнымъ образомъ отъ избыточнаго перевѣса какой-нибудь способности и отъ недостатка органической связи ея съ другими отпращеніями душевной жизни.

а) Итакъ, самое первое, раціональное средство къ правильному развитію воображенія будетъ состоять въ томъ, чтобы оно уравновѣшивалось и питалось и другими отпращеніями душевной жизни; а на эти другія отпращенія указываетъ самое мѣсто, занимаемое воображеніемъ.

Такъ-какъ воображеніе, подобно представленію вообще, съ одной стороны, отрывается отъ чувственнаго сознанія или отъ сознанія, занятаго данными чувственными перцепціями и втягиваетъ его внутрь, въ сферу мысленныхъ образовъ, а съ другой—примыкаетъ къ дѣятельности отчетливаго мышленія—разсудка и разума, то естественно, что и средства противъ

1) См. Руководство къ педагогикѣ Ободовскаго (по Нумейру). С.-П.-Б., 1835, стр. 93.

крайностей воображенія, съ этой точки зрѣнія, могутъ быть двоякаго рода.

Съ одной стороны, необходимо поворачивать сознание, подавляемое образами воображенія назадъ, къ окружающей насъ дѣйствительности, къ положительному порядку вещей, среди котораго мы живемъ, и къ повѣркѣ своихъ образовъ съ перцепціями чувственными.

Съ другой стороны, для совершенствованія производительной дѣятельности воображенія, необходимо подвигать и общее умственное развитіе выше и дальше,—къ высшему умственному образованію, т. е., къ развитію мышленія, къ приобрѣтенію основательныхъ знаній и высшаго, систематическаго міросозерцанія. Было бы крайне ошибочно думать, что высшая и плодотворная производительность воображенія возможна безъ вниманія къ серьезному развитію мышленія и безъ основательнаго изученія законовъ жизни. Стоитъ только обратить вниманіе на произведенія Шиллера и Гете, чтобы убѣдиться въ существенной важности серьезнаго высшаго образованія и для первостепенныхъ художественныхъ талантовъ.

β') Само собою разумѣется, что необходимо и другое, болѣе положительное средство для правильнаго развитія воображенія, это—правильный выборъ и изученіе образцовыхъ художественныхъ произведеній, соотвѣтственныхъ возрасту и мѣру въ пользованіи ими, среди другихъ средствъ образованія; потому что въ образцовыхъ художественныхъ произведеніяхъ предполагаются осуществленными на дѣлѣ два предъидущія требованія: въ нихъ предполагается и вѣрное изображеніе дѣйствительности, и вѣрное пониманіе смысла жизни.

Указанныя нами средства противъ крайностей воображенія достаточно показываютъ, что самымъ нормальнымъ средствомъ противъ избытковъ и крайностей какъ воображенія, такъ и вообще cadaго отдѣльнаго, изолированнаго ряда душевныхъ отпавленій, служить гармоническій просторъ всѣмъ

отправленіямъ, соответственный относительному значенію каждаго изъ нихъ въ цѣлой системѣ душевной жизни.

е) Переходъ къ памяти и мышленію.

Изъ предыдущаго уже извѣстно, что единицы чувственнаго сознанія или его перцепціи, а равно и ихъ сочетанія даны намъ независимо отъ него, т. е., независимо отъ нашего усмотрѣнія и воли; что въ дѣятельности представленія ея единицы хотя и перенесены уже въ міръ мысленный, въ мысленныя копія чувственныхъ перцепцій; но эти копія составляютъ нѣчто отдѣльное одно отъ другаго; въ сцѣпленіи же ихъ однимъ (по соприкосновенію въ пространствѣ и времени) только повторяется, по какому-либо данному представленію, уже бывшее ихъ сцѣпленіе; или если это сцѣпленіе подвигается дальше одного сцѣпленія по соприкосновенію въ пространствѣ и времени, напримѣръ, въ сцѣпленіи по сходству, по контрасту и т. д., то и это сцѣпленіе не направлено ни къ чему цѣлому, къ составленію, какого-нибудь гармоническаго и законченнаго состава образовъ.

Между тѣмъ, въ дѣятельности воображенія появляется та существенно-новая черта въ сравненіи съ дѣятельностію представленія и съ проявленіями чувственнаго сознанія, что оно подъ вліяніемъ обобщившихся представленій, производитъ новыя сочетанія представленій, не противорѣчація дѣятельности и однакоже превышающія ее, и кромѣ того, составляетъ изъ нихъ нѣчто гармоническое, цѣльное. Въ этомъ отношеніи, т. е., со стороны отрѣшенности отъ единичныхъ представленій и образованія цѣльнаго, гармоническаго состава образовъ, воображеніе уже служитъ предверіемъ мышленія, незамѣтно въ немъ дѣйствующаго. Ибо и мышленіе будетъ составлять свои связныя цѣлости, но уже не изъ однихъ представленій, но и понятій, помощію сужденій и умозаключеній. Значить, не только въ дѣятельности мышленія, но и въ дѣятельности производительнаго воображенія, представленія долж-

ны возникать въ полѣ сознанія и группироваться не по ихъ сцѣпленію, но по требованію какого нибудь центрального, общаго представленія, или, центральной мысли; а иваче, если бы и въ дѣятельности производительнаго воображенія и мышленія продолжался вызовъ къ сознанію представленій только по ихъ ассоціаціи и по законамъ воспоминанія, то ни воображеніе, ни мышленіе никогда не достигли бы той гармонической цѣльной формы въ сочетаніи представленій и понятій, которую мы находимъ въ ихъ произведеніяхъ.— въ произведеніяхъ художественныхъ и систематическихъ научныхъ. Какое же это душевное отправление, которое дѣлаетъ возможнымъ для воображенія и мышленія вызовъ къ полю сознанія массы представленій и понятій съ выражающими ихъ звуковыми знаками, не ограничивающееся сцѣпленіемъ представленій по какому нибудь ихъ соприкосновенію, но и помимо этого сцѣпленія быстро придвигающее, одинъ за другимъ, цѣлые ряды представленій и выражающихъ ихъ словесныхъ знаковъ, какъ только того требуетъ сознанная мысль и та цѣль, къ которой нужно направить ихъ теченіе. Это—память ¹⁾.

В) Память.

Вниманіе къ развитію памяти въ періодъ воспитательнаго образованія очень важно; но для систематическаго объ-

¹⁾ Многие психологи обыкновенно помѣщаютъ трактатъ о памяти предъ воображеніемъ, и конечно, этотъ порядокъ имѣеть свое основаніе, а именно то, что особенность, съ какою память сохраняетъ и вызываетъ къ сознанію представленія и выражающія ихъ слова, дѣлаетъ потому понятною и дѣятельность воображенія, уже выступающую за предѣлы одного беззотчетнаго сцѣпленія представленій. Мы разсматриваемъ память между воображеніемъ и мышленіемъ, частію потому, что и послѣ разсмотрѣнія дѣятельности воображенія, понятіемъ памяти выяснится возможность ея,

ясненія средствъ къ развитію памяти, необходимо сперва нѣсколько подробнѣе объяснить въ чемъ состоитъ память и каково ея значеніе въ послѣдовательномъ порядкѣ проявленій познавательной дѣятельности.

а) Для составленія понятія о памяти, необходимо прежде всего отличать ее отъ воспоминавія, хотя часто она связывается почти неразрывно съ воспоминаваніемъ.

Память. не то, что воспоминавіе. Общій отличительный характеръ воспоминавія, какъ отчасти самое названіе показываетъ, состоитъ въ такомъ воспроизведеніи бывшихъ представленій, которое зависитъ отъ какой нибудь ассоціаціи или сцѣпленія воспроизводимыхъ представленій съ какимъ нибудь даннымъ намъ представленіемъ. Отчасти оно свойственно и животнымъ. Такъ, на примѣръ, когда, при данномъ намъ предметѣ, мы воспроизводимъ образъ его, какъ бывший когда-то, и признаемъ тождество даннаго съ бывшимъ, то это будетъ воспоминавіе въ самой простѣйшей его формѣ. Ясно, что воспроизведеніе бывшаго прежде представленія или простое признаніе его тождества съ прежде бывшимъ, зависитъ отъ того, дано ли намъ представленіе, съ которымъ сцѣпляется прежде

но въ особенности потому, что память завѣдываетъ не одними представленіями, но и ихъ произвольными звуковыми знаками, на примѣръ, фармакологическими названіями различныхъ врачевныхъ средствъ. Такъ-какъ развитая система произвольныхъ звуковыхъ знаковъ есть отдаленный результатъ позыва нашей души въ самовоплощенію въ звукахъ, и образахъ, позыва, проявляющагося въ дѣятельности производительнаго воображенія, а этими произвольными звуковыми знаками, сбрасывающими съ себя образный характеръ, мы можемъ выражать всѣ степени и видоизмѣненія отвлеченій, производимыхъ логическою мыслию, (на примѣръ, понятія — причины, качества, количества, мѣры и т. д.), то мы и помѣщаемъ память на переходъ отъ воображенія въ мышленію.

бывшее. Если оно не дано, то и воспроизведенія, воспомина-
вія не будетъ.

Воспоминаніе или воспроизведеніе бывшихъ представленій по даннымъ можетъ совершаться и въ несравненно болѣе широкой формѣ. Такъ, когда по данному намъ представленію или предмету, напримѣръ при встрѣчѣ лица, давно видѣннаго нами, мы не только воспроизводимъ бывшее представленіе его, но и всѣ обстоятельства (въ пространствѣ и времени), при которыхъ мы видѣли это лицо, то это воспоминаніе несравненно шире предъидущаго. Однако же не только первый простѣйшій, но и второй, болѣе сложный видъ воспоминанія не слѣдуетъ смѣшивать съ памятію. Воспоминаніе, какъ мы сказали, зависитъ отъ даннаго представленія, по закону сцѣпленія вызывающаго или прежнее тождественное представленіе, или другія бывшія съ нимъ въ сцѣпленіи по пространству и времени; тогда какъ память, какъ бы часто она ни смѣшивалась съ воспоминаніемъ, какимъ бы ни отличалась механическимъ характеромъ, выше воспоминавія.

Подъ памятію нужно разумѣть такое удерживаніе или сохраненіе въ бессознательной сферѣ душевной жизни не только бывшихъ въ сознаніи представленій, но и ихъ произвольныхъ звуковыхъ знаковъ или словъ, и такое воспроизведеніе ихъ, которое можно назвать механическимъ. Существенное свойство механическаго вызова изъ бессознательной сферы души представленій и ихъ словесныхъ знаковъ состоитъ въ томъ, что онъ совершается не по сцѣпленію (по пространству, времени, по сходству и т. д.) ихъ съ какимъ нибудь независимо отъ насъ даннымъ представленіемъ, но по какой нибудь сознательной цѣли, по сознательному намѣренію, т. е., просто вслѣдствіе логическаго требованія, хотя оно, какъ отвлеченное, можетъ не имѣть никакого сцѣпленія съ ними ни по смежности, ни по послѣдованію, ни по сходству въ цвѣтѣ, звукѣ и т. д. Такъ, напримѣръ, мы можемъ, вслѣдствіе даннаго во-

проса, отвѣчать пересказываніемъ какой нибудь цѣлой главы сочиненія, и этотъ механизмъ припоминанія будетъ только послушнымъ орудіемъ цѣлесообразно-дѣйствующей мысли; или, еще дальше, мы можемъ и самостоятельно созидать какое нибудь художественное словесное, или систематическое научное произведеніе, если только память сообщаетъ достаточный запасъ удержаннаго ею матеріала. Принимая въ соображеніе эту роль памяти, мы весьма близко выразимъ ее, если скажемъ, что отношеніе творящаго воображенія и мышленія къ памяти почти такое же, какъ и отношеніе морфологической или формирующей силы къ неразрывной съ нею матеріи; воображеніе и мышленіе, каждое въ своемъ родѣ, созидаетъ стройную форму, а память этому процессу душевной морфологій непрерывно придвигаетъ нужный матеріалъ ¹⁾.

На основаніи вышесказаннаго, понятно, что съ дѣятельностію памяти выступаетъ несравненно большая возможность умственной самодѣятельности, нежели какая возможна была бы съ преобладаніемъ воспоминанія. При содѣйствіи одного воспоминанія, требуемый пониманіемъ рядъ представленій могъ бы остаться безъ всякаго выполненія, такъ-какъ его тѣснить и закрываетъ безъотчетное сцѣпленіе не идущихъ къ дѣлу представленій; а при дѣйствіи механизма памяти, выдвигаются къ сознанію и выражаются тѣ ряды представленій, которыхъ потребуеъ логическая цѣль и логическая связь ихъ. Присутствіе памяти въ душѣ, насколько ей свойственно и мышленіе, показываетъ, что въ человѣческой душевной жизни будетъ раз-

¹⁾ Это подчиненіе механизма памяти цѣлесообразно-дѣйствующей мысли имѣетъ много аналогій съ употребленіемъ въ дѣло сознательно выработанныхъ тѣлодвиженій, когда напримѣръ, музыкантъ, сильно владѣющій своимъ искусствомъ, можетъ выразить свою мысль и настроеніе импровизированнымъ потокомъ звуковъ на инструментѣ.

виваться въ некоторое владычество мысли надъ безотчетнымъ теченіемъ чувственныхъ перцепцій и представленій, и большая зависимость, въ сравненіи съ предъидущею, бессознательной или безотчетно-дѣйствующей сферой душевной жизни отъ сознательной, сознательно-мыслящей и волящей.

Такъ-какъ памяти свойственно удерживать и воспроизводить представленія и ихъ знави звуковые не потому, что они притягиваются слѣпленіемъ по сходству, созвучію, смежности и т. д., но просто потому, что ей свойственно помнить и снова вызывать ихъ въ сознанію: то памяти мы приписываемъ именно механическое удерживаніе и воспроизведеніе не только представленій, но и произвольныхъ звуковыхъ знаковъ, т. е., словъ, которыя не имѣютъ никакого сходства съ представленіями, а потому, могутъ обозначать не только образы вещей или чувственныя перцепціи, но и отвлеченныя понятія—роды, виды, качества, причинныя отношенія, и тому под.

б) На основаніи предъидущаго, само собою понятно значеніе памяти въ послѣдовательномъ порядкѣ проявленій познавательной дѣятельности. Существенное значеніе памяти состоитъ именно въ томъ, что она механически и какъ бы послушно, съ неуловимою быстротою, придвигаетъ всѣ нужныя представленія и всѣ выражающіе ихъ произвольныя звуковыя знаки, т. е. слова, какъ производительному воображенію, для составленія цѣльныхъ художественныхъ созданій, такъ и мышленію, для сознательнаго и отчетливаго соединенія понятій, сужденій и умозаключеній и для направленія ихъ, въ какомъ нибудь систематическомъ умственномъ произведеніи, къ одной цѣли.

Если бы вмѣсто памяти, съ этимъ свойственнымъ ей механическимъ памятованіемъ, дѣйствовало только воспоминаніе, то дѣятельность воображенія съ органическою связностію его представленій, а равно и дѣятельность мышленія, логически разрабатывающая представленія, для достиженія цѣли знанія,

были бы рѣшительно невозможны; потому что, какъ мы знаемъ, воспоминапію свойственно только по данному представленію воспроизводить представленія неданныя; но опять—какія? Только тѣ, которыя были прежде въ сцѣвленіи съ даннымъ представленіемъ, или которыя имѣютъ съ даннымъ представленіемъ какую-нибудь случайную внѣшнюю аналогію, но не тѣ, какія нужны производительному воображенію, или мышленію для созданія чего-нибудь цѣльнаго и осмысленнаго. Но такъ-какъ память только механически и независимо отъ законовъ сцѣвленія представленій удерживаетъ массу представленій и произвольныхъ звуковыхъ знаковъ для понятій и представленій, то воображеніе и мышленіе, дѣйствуя совмѣстно съ памятію и быстро пользуясь механически придвигаемымъ ею матеріаломъ, могутъ давать ему свободное направленіе и расположеніе, судя по цѣлямъ, какія преслѣдуетъ то и другое.

Основываясь на этомъ значеніи памяти, можно сказать, что она составляетъ неразрывное цѣлое, какъ съ воображеніемъ, такъ и съ мышленіемъ, и что въ этомъ ихъ сочетаніи механизмъ памяти составляетъ гармоническое цѣлое съ сознательною и сознательно-цѣлесообразно дѣйствующею душевною жизнію. По этой тѣсной связи памяти съ производительнымъ воображеніемъ и мышленіемъ, хорошая память въ молодости обыкновенно считается признакомъ хорошихъ дарованій.

в) Въ предъидущемъ понятіи о памяти и о ея значеніи мы имѣли въ виду только идею, или идеалъ памяти. По смыслу этой идеи, память неистребимо удерживаетъ въ безсознательномъ лонѣ души все, что только проходило предъ фокусомъ сознанія. Въ этомъ отношеніи, т. е., имѣя въ виду, что память есть сохраненіе въ душѣ всего для нея прошедшаго, какъ настоящаго, нѣкоторые психологи говорятъ, что память есть весь духъ или вся душа постоянно обладающая всѣмъ, что только входило въ ея сознаніе ⁴⁾.

⁴⁾ Что въ душѣ дѣйствительно неистребимо сохраняются

Но отъ идеи или идеала памяти нужно различать ея силу и дѣйствіе фактическія, или различныя роды ея совершенствъ и недостатковъ у различныхъ людей.

Различіе памяти можетъ происходить или отъ различныхъ ея *качествъ*, какъ памяти, или отъ *предметовъ*, которые, она то лучше, то слабѣе удерживаетъ и воспроизводитъ.

По своимъ *качествамъ*, память то быстрѣе, то медленнѣе, то крѣпче, то слабѣе что-либо усвоиваетъ; то вѣрнѣе, то зыбче и сбивчивѣе что-либо воспроизводитъ; то долговременнѣе, или кратковременнѣе что либо удерживаетъ; наловецъ, и воспримчивость имѣетъ то болѣе, то менѣе широкую.

По *предметамъ*, память бываетъ болѣе спльною преимущественно въ какомъ нибудь одномъ ихъ родѣ. Такъ, напри- мѣръ, различаютъ память словъ, память чиселъ, память со- бытій, мѣстъ и т. д.; но различіе памяти по предметамъ мно- го зависитъ преимущественно отъ упражненія. Совершеннѣй- шая память удерживаетъ быстро, сохраняетъ вѣрно, долго и многое, воспроизводитъ легко и точно.

г) Но каковы бы ни были совершенства и недостатки памяти, не подлежитъ сомнѣнію, что возможны средства къ усовершенствованію памяти и къ содѣйствію возможно-лучшему

слѣды всего, что только мы когда либо сознательно воспринимали, на это есть много фактическихъ доказательствъ. Такъ, напри- мѣръ, одна дѣвушка, неумѣвшая даже читать и вовсе необразованная, во время болѣзни стала повторять какіе-то отрывки на латинскомъ, греческомъ и еврейскомъ языкахъ, которыхъ она совсѣмъ не зна- ла. То, что она говорила въ бреду, записали, и потомъ, по спра- камъ оказалось, что девяти лѣтъ она слышала, какъ ея дядя на- сторъ громко читалъ любимыя имъ мѣста на этихъ языкахъ. См. перечисленіе и нѣкоторыхъ другихъ подобныхъ фактовъ, Кантере- ва, педаг. С.-Петерб., 1878 г., стр. 306—7. Fichte, Psychologie, Lpz., 1864, стр. 414, 457.

ходу ея отправленій. И уже по самой важности памяти для всей нашей дѣятельности, и въ частности для отправленій производительнаго воображенія и мышленія, мѣры въ усовершенствованію памяти, заслуживаютъ особеннаго вниманія.

По тѣсной связи душевной жизни съ тѣлеснымъ организмомъ, и мѣры, оказывающія вліяніе на состояніе памяти могутъ быть внѣшнія и внутреннія, прямо дѣйствующія на душевныя отправленія.

а) Къ мѣрамъ перваго рода относится сохраненіе здоровья и, особенно, нормальное состояніе нервной системы. Безпорядочная и разгульная жизнь, болѣзни потрясающія мозгъ, излишнее употребленіе крѣпкихъ напитковъ, и тому подобныя причины могутъ совершенно ослабить память и сдѣлать ее мало-способною къ сохраненію систематическаго матеріала науки.

б) Мѣры втораго рода, т. е., касающіяся душевной умственной дѣятельности, можно раздѣлить на три вида. Такъ какъ память съ одной стороны примыкаетъ къ воспоминанію, которое легче прямого памятованія, а съ другой—къ мышленію, къ логически-связному распредѣленію и сочетанію представленій и понятій, то и самыя средства, содѣйствующія совершенствованію памяти, могутъ быть троякаго рода: или *мнемоническія* (примѣняемыя къ законамъ воспоминанія и ассоціаціи представленій), ¹⁾ или чисто *механическія* (приспособляемыя къ самой памяти), или *логическія*, осмысляющія самый механизмъ заучиванія или возбуждающія дѣятельность памяти, т. е., ея припоминанія, въ связи возбужденіемъ логической мысли.

α) Средства мнемоническія.

α') Общій характеръ мнемоническихъ средствъ состоитъ

¹⁾ *mnemōnē* память.

въ томъ, что по какимъ нибудь внѣшнимъ начертаніямъ припоминаются, или какъ бы притягиваются ими, требуемыя представленія съ выражающими ихъ произвольными звуковыми знаками. Но самое отношеніе видимыхъ начертаній къ представленіямъ, требующимъ припоминанія можетъ быть двоякого рода: одно чисто внѣшнее, когда представленія притягиваются воспоминаніемъ только потому, что того требуетъ или на то наводятъ пространственное соположеніе частей этихъ начертаній, другое, болѣе близкое отношеніе начертаній къ припоминаемымъ представленіямъ, когда эти начертанія состоятъ изъ образовъ или какихъ нибудь фигуръ, имѣющихъ что-нибудь аналогическое съ самымъ содержаніемъ требующихъ припоминанія представленій.

Въ примѣръ перваго рода мнемоническихъ средствъ можно привести: хронологическія таблицы Язвинскаго, или рѣку время Штрасса; къ мнемоническимъ средствамъ втораго рода можно отнести предложенный Ревертловымъ способъ для заучиванія чиселъ ¹⁾. Мнемоническая карта Жуковскаго, облегчающая заучиваніе древней исторіи, совмѣщаетъ въ себѣ оба эти рода мнемоники.

¹⁾ Для облегченія памяти при заучиваніи чиселъ, Ревертловъ каждую изъ девяти цифръ—1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 дѣлаетъ представителемъ одной или нѣсколькихъ буквъ латинской азбуки, такъ впрочемъ, чтобы каждая буква, представляющая извѣстную цифру, имѣла съ нею какое нибудь сходство по начертанію, или по произношенію. Такъ единицу онъ выражаетъ буквами l, t, d; 2—буквами n, u; 3 буквами m, w; 4—v, d; 5—s, sch, sz; 5—p, b; 7—ph, pf; 8—h j; 9—g, k, ck, ch; 0—z; буква же x означаетъ какъ и gs, 95. На основаніи такого распредѣленія буквъ по цифрамъ, слово Vater будетъ означать 214, или латинское vult—211. При этомъ должно замѣтить, что только первыя три буквы въ словѣ и притомъ, согласныя, принимаются во вниманіе, осталь-

Впрочемъ, крайне трудно привести въ законченную систему всё возможные мнемоническія средства для облегченія памяти. Къ нимъ можно отнести даже и обыкновенныя хронологическія и синхронистическія таблицы, такъ называемое округленіе историческихъ чиселъ (хотя бы эти числа на 1, 2, много 3 единицы не соотвѣтствовали дѣйствительному времени событія, или лица) и выборъ такихъ чиселъ, какъ основныхъ гдѣ всё цифры одинаковы, хотя бы и эти числа на 1, 2, много 3 единицы, не соотвѣтствовали дѣйствительному времени событія, или лица ¹⁾. Наконецъ, сюда же можно отнести приписываніе даже какой нибудь совершенно случайной конкатенации между представленіями и словами, которая облегчала бы ихъ припоминаніе. Образчикомъ такой конкатенации можетъ быть предлагаемый тѣмъ же Ревентловымъ способъ заучиванія многихъ словъ въ какихъ нибудь грамматическихъ правилахъ ²⁾.

β) Значеніе мнемоническихъ средствъ довольно понятно на основаніи вышесказаннаго.

ныя же согласныя въ словѣ, равно и всё гласныя, не имѣютъ никакого значенія. Въ этомъ мнемоническомъ средствѣ Ревентлова облегченіе памяти происходитъ оттого, что одно слово или нѣсколько словъ, выражающихъ одно представленіе или одну мысль, легче замѣтить, нежели число, состоящее изъ множества цифръ; ибо тамъ мы должны затверживать одно впечатлѣніе, а здѣсь много, именно столько, сколько цифръ въ числѣ, и притомъ, не имѣющихъ никакой связи и ничего въ количествѣ не выражающихъ.

¹⁾ Таковы, напримѣръ, числа: 888 (основаніе Карфагена), 777 (лѣтосчисленіе по олимпиадамъ), 555 (время Кира), 444 (Геродотъ и основаніе колоніи Оурій), 333 (время Александра Македонскаго), 222 (время Ганнибала).

²⁾ Ревентловъ совѣтуетъ въ подобныхъ случаяхъ придумать какую-нибудь произвольную связь между заучиваемыми словами, на

Не подлежит сомнѣнію, что мнемоническія средства способствуютъ памяти—воспроизводить нужныя представленія и выражающіе ихъ произвольные звуковые знаки или слова, и потому, вообще говоря, они полезны, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда сумма представленій, требующихъ припоминанія, бываетъ огромна.

Труднѣе рѣшить вопросъ: точно ли мнемоническія средства укрѣпляютъ память, какъ вообще, такъ и въ примѣненіи къ извѣстному роду запоминаемыхъ представленій. По крайней мѣрѣ, вліяніе мнемоническихъ средствъ на укрѣпленіе памяти, особенно если они очень сложны, не можетъ не ослабляться самою этою сложностію, какъ бы растагивающею мысль и память въ разныя стороны. Въ этомъ и состоитъ первая невыгодная сторона мнемоническихъ средствъ: они облегчаютъ, но не укрѣпляютъ память, или, по крайней мѣрѣ, слишкомъ мало содѣйствуютъ укрѣпленію памяти.

Но есть и прямо невыгодныя послѣдствія по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ слишкомъ сложныхъ мнемоническихъ средствъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда помощію ихъ нужно припоминать цѣлыя ряды представленій (явленій, фактовъ, историческихъ дѣятелей), между которыми есть и должна быть связующая ихъ реальная связь. Такъ-какъ, пользуясь мнемоническими

основаніи которой за однимъ словомъ въ нашей памяти слѣдовало бы другое, за другимъ—третье и такъ д. При этомъ нужно стараться, чтобы каждое слово имѣло какую нибудь связь только съ непосредственно за нимъ слѣдующимъ. Такъ, напримѣръ, при заучиваніи словъ: panis, piscis, amnis, vomis.... за словомъ panis (хлѣбъ) мы легко припоминаемъ piscis (рыба), потому что рыбу ѣдятъ съ хлѣбомъ; за piscis мы припоминаемъ amnis (рѣка), потому что рыбу ловятъ въ рѣкѣ, и т. д. См. Praktisches Lehrbuch der Mnemotechnik... v. Karl Otto, Stuttgart u. Tübingen, 1837.

средствами, мы припоминаемъ эти представленія одно за другимъ, не потому, что знаемъ и помнимъ ихъ реальную связь, но потому, что эти представленія только внѣшне, различными начертаніями связаны одно съ другимъ для нашего зрѣнія (напримѣръ, полосами синими, желтыми и подъ-рядъ идущими символическими знаками); то мысль и память, *во первыхъ*, отвлекаются и отвыкаютъ отъ усвоенія реальной связи между представленіями (напримѣръ, между историческими событіями); *во вторыхъ*, останавливаются только на этомъ чисто-внѣшнемъ сдѣленіи представленій и остаются чуждыми реальной связи представлений. Кратко, мнемоническія средства могутъ ослаблять умственное развитіе.

Поэтому, если употребленіе мнемоническихъ средствъ, при многочисленности запоминаемыхъ представленій иной разъ и необходимо, то по крайней мѣрѣ употребленіе ихъ должно быть умѣренно, и съ выборомъ и, кромѣ того, завершаться вниманіемъ къ внутренней связи между представленіями, насколько не исключая и прямого, механическаго заучиванія.

β) Средства механическія или прямо дѣйствующія на память и укрѣпляющія память.

Говоря о механическихъ средствахъ болѣе прочнаго запоминанія представленій, не слѣдуетъ думать, что въ нихъ нѣтъ ничего рациональнаго; и эти средства основываются на законахъ усвоенія представленій и нѣкоторыя изъ нихъ приближаются къ душевной самостоятельности, какъ условію запоминанія; но въ нихъ не принимаетъ еще прямого участія логическая мысль, свѣрляющая заучиваемыя представленія сознательною внутреннею связью между ними.

Первымъ изъ такихъ средствъ можно признать внѣшнюю силу впечатлѣнія. Внѣшняя сила впечатлѣнія, разумно употребленная, возбуждаетъ и сосредоточиваетъ вниманіе; а сосредоточенность вниманія устраняетъ помѣху со стороны дру-

тихъ впечатлѣній и способствуетъ прочному утвержденію заучиваемыхъ представленій.

Вторымъ—воспріятіе впечатлѣній и представленій помощію нѣсколькихъ чувствъ, напримѣръ, чтеніемъ не однимъ мысленнымъ, помощію зрѣнія, но и чтеніемъ полнымъ, словеснымъ—тихимъ, или громкимъ.

Третьимъ—неоднократное повтореніе заучиваемыхъ представленій и словъ ихъ выражающихъ.

Но такъ-какъ рѣзко несходныя представленія могутъ парализовать другъ друга, то, для прочнаго усвоенія, необходима нѣкоторая продолжительность въ усвоеніи однородныхъ представленій. Это значитъ, что простымъ заучиваніемъ память еще не совершенствуется для всѣхъ возможныхъ представленій. Такъ, напримѣръ, упражняя память въ заучиваніи правилъ языка, еще не значитъ, что мы ее усовершенствуемъ и для исторіи или для математики.

Въ пятыхъ, чтобы больше было притяженія между представленіями, полезно, прибавляя новыя представленія, начинать ихъ рядъ припоминаніемъ конца предшествовавшаго ряда представленій. Правило это можно выразить формулою: A B C D+D E F G+G H I K+K L M N O+O P Q...

Въ педагогической практикѣ признано еще полезнымъ,—къ заучиванію въ одинъ день присоединять повтореніе того же на другой день поутру.

Наконецъ, сила заучиваемыхъ представленій и его впечатлѣній можетъ и должна быть не только виѣшняя, но и внутренняя; а это и есть та разумная сила, которая именно преимущественно требуется не только для крѣпкаго, но и для разумнаго усвоенія представленій. Подобную силу имѣютъ представленія, когда они возбуждаютъ въ насъ интересъ; чувство же интереса бываетъ въ то время, когда мы понимаемъ смыслъ представленій и сознаемъ съ приобрѣтеніемъ ихъ воз-

растаніе—разширеніе и возвышеніе нашего пониманія, знанія и нашей внутренней жизни.

γ) Къ третьему разряду средствъ мы относимъ тѣ средства, которыя ѵ облегчаютъ, и укрѣпляютъ, и осмысляютъ дѣлю памяти.

Къ такимъ средствамъ можно отнести подчеркиваніе въ прочитываемомъ главнаго и уразумѣніе логическаго хода мыслей; но преимущественно важно бываетъ, при заучиваніи объемистаго состава какой либо науки, составленія, въ строгомъ порядкѣ, краткихъ обзорѣній или конспектовъ, съ обозначеніемъ видимыми знаками главныхъ и второстепенныхъ частей или раздѣленій и подраздѣленій. Тутъ къ заучиванію механическому приходитъ притяженіе всей массы представленій центральными мыслями и остовомъ ихъ послѣдовательнаго развитія.

Въ заключеніе, должно присовокупить, что каковы бы ни были вспомогательныя средства, содѣйствующія успѣшнѣйшему запоминанію нужныхъ представленій, но прочное заучиваніе, въ большей или меньшей мѣрѣ необходимо; и особенно оно важно въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ еще достаточнаго запаса словъ и не приобрѣтены еще прочныя и широкія основныя свѣдѣнія по какому-либо предмету. По мнѣнію опытнаго педагога Нимейера ¹⁾, не слѣдуетъ пропускать ни одного дня безъ того, чтобы дѣти (когда начато уже систематическое обученіе) чего либо не выучивали наизусть.

Въ обзорѣнія пройденныхъ нами отправленій теоретической душевной дѣятельности было уже замѣчено, что мышленіе уже присутствуетъ въ нихъ незамѣтно; въ особенности, должно это замѣтить о дѣятельности производительнаго вооб-

¹⁾ См. Руководство къ педагогикѣ Ободовскаго (по Нимейеру), С.-П.-Б., 1835, стр. 56.

раженія, составляющаго нѣчто цѣлое изъ множества представленій, группированіемъ ихъ около главныхъ или центральныхъ представленій, и эти, въ свою очередь, подчищая одной общей центральной мысли. Значитъ, все развитіе предыдущихъ отправленій само собою подводитъ къ дѣятельности мышленія. Оно и будетъ теперь предметомъ краткаго психологико-педагогическаго обзоренія.

В) Мышленіе.

Какъ въ обзореніи предшествовавшихъ проявленій теоретической дѣятельности мы предпосылали педагогическимъ выводамъ психологическій анализъ, такъ и здѣсь, въ отдѣлѣ о мышленіи, предварительно, хотя въ самыхъ краткихъ чертахъ, необходимо выяснитъ себѣ дѣятельность мышленія съ психологической точки зрѣнія. И такъ, предварительный вопросъ нашъ слѣдующій: чтѣ должно разумѣть подъ мышленіемъ, каковы инстанціи или степени его естественнаго развитія и какая выражается въ нихъ задача мысли? Только послѣ отвѣта на эти предварительные вопросы, объяснится намъ, въ чемъ можетъ состоять образовательное вліяніе, или по крайней мѣрѣ главные средства этого вліянія въ развитіе мышленія?

а)

Что такое мышленіе, разсматриваемое съ психологической точки зрѣнія?

Выше мы уже имѣли случай сказать, что способности души не существуютъ, какъ готовыя и отдѣльно одна отъ другой, подобно шахматнымъ кѣткамъ, и что между ними не только существуетъ внутренняя связь, но, что гораздо важнѣе, всѣ онѣ образуютъ только послѣдовательныя отправленія, въ которыхъ постепенно вырабатывается и совершенствуется общая, свойственная человѣческой душѣ функція сознательности.

И такъ, самый естественный психологическій способъ объясненія мыслящей дѣятельности будетъ тотъ, когда мы сравнимъ дѣятельность мышленія съ предъидущими, низшими инстанціями нашей теоретической дѣятельности, и дадимъ себѣ отчетъ, что въ сравненіи съ ними приходится въ мышленіи новаго? Только такимъ путемъ мы психологически выяснимъ себѣ значеніе мышленія, со стороны его логической и со стороны его внутренняго, жизненнаго смысла.

а) Мышленіе, ограничиваясь здѣсь самымъ общимъ и поверхностнымъ опредѣленіемъ, можно назвать такимъ процессомъ умственнаго признанія (то есть утвержденія или отрицанія) чего-либо какъ дѣйствительнаго, когда это признаніе не останавливается на одной данности чувствамъ явленія, какъ явленія, среди такого же даннаго порядка другихъ явленій. Мыслительное признаніе чего либо, какъ существующаго и дѣйствительнаго, основывается на такомъ разсмотрѣніи данныхъ явленій и ихъ соотношеній, которое приводило бы къ отчетливому пониманію дѣйствительныхъ свойствъ вещей и ихъ внутренней связи. Постоянная вѣрность своимъ законамъ и формамъ, съ соотвѣтственнымъ прикѣпленіемъ ихъ къ познанію дѣйствительности или сущаго и должнаго, и было бы дѣломъ въ совершенствѣ развитаго мышленія. Законы же и формы, которые должны быть соблюдены, какъ неразрывные съ самою природою мысли, для приобрѣтенія правильныхъ знаній, составляютъ предметъ изслѣдованій науки, называемой логикой. Таково самое общее повтіе мышленія.

Теперь спрашивается: есть ли какіе либо задатки этого склада или формъ мышленія, на низшихъ инстанціяхъ сознанія—въ проявленіяхъ чувственнаго сознанія и представленія? Непремѣнно должны быть; потому что, по самому свойству развитія душевной жизни, какъ и всякаго развитія, конецъ или форма высшей степени его дѣятельности въ зародышѣ уже присутствуетъ по возможности въ началѣ и въ продолженіи

его. Да мыслящая дѣятельность не могла бы и возникнуть, если бы она составляла нѣчто совершенно отдѣльное отъ сознанія чувственнаго и представляющаго.

β) Въ чемъ же состоятъ эти задатки?

Во первыхъ, въ сферѣ чувственнаго сознанія, при похожи зрѣнія, слуха, осязанія и т. д., ему предстоитъ не неопредѣленная хаотическая масса, въ родѣ тумана, или ночнаго, непрогляднаго мрака, но опредѣленный горизонтъ безотчетно-разграничиваемыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ соединяемыхъ вещей, предстаетъ какъ-бы множество единицъ и ихъ многообразныя сочетанія, хотя бы эти сочетанія были только чисто-внѣшнія по соприкосновенію ихъ въ пространствѣ и времени. А это и есть уже начало и предвѣстіе тѣхъ умственныхъ единицъ или понятій и ихъ соединеній и раздѣленій, которыя будетъ потомъ отчетливо разрабатывать дѣятельность мысли. Потому что и въ чувственномъ сознаніи не ощущеніе же разграничиваетъ и соединяетъ чувственныя перцепціи, но развивающаяся сознательность душевнаго агента, принимающая потомъ только иную, высшую и выработанную форму мышленія.

Во вторыхъ, и въ дѣятельности представленія также есть задатки тѣхъ формъ мышленія (понятія, сужденія, умозаключенія), помощію которыхъ ему свойственно отчетливо и разграничивать и соотносить вещи. Потому что и представляющему сознанію или, что то же, дѣятельности представленія, свойственно не смѣшивать представленія или какъ-бы представляемыя единицы, но различать одно отъ другаго и при различеніи сдѣлать и соединять, хотя въ этомъ различеніи и соединеніи представляемыхъ единицъ еще не можетъ быть отчетливости требуемой мышленіемъ и знаніемъ и касающейся внутренней зависимости между представляемыми единицами. Мало того; нужно присовокупить, что въ дѣятельности представленія задатки формирующей мощи мышленія уже выше, нежели въ перцепціяхъ чувственнаго сознанія; потому что

дѣятельность представленія раздѣляетъ и соединяетъ не чувственно-данное, а представляемое, и далеко не всегда ограничивается однимъ пассивнымъ копированіемъ даннато чувствамъ, но часто привноситъ и нѣкоторую, хотя бы еще и произвольную, независимость отъ чувственно-даннаго въ пространствѣ и времени. А въ нѣкоторыхъ сдѣвленіяхъ представленій, напримѣръ, по сходству, по контрасту, въ сдѣвленіи впечатлѣній, то постоянно продолжающихся, то видовзмѣняющихся, есть уже и прямыя зародыши общихъ понятій и категорій; потому что если бы мы продолжали эту работу сдѣвленія сходныхъ представленій въ одну общую мысленную единицу, отдѣляя ее отчетливо, по контрасту, отъ всего несходнаго, то это и было бы уже начало (initium) дѣятельности мышленія и его логическаго процесса.

Еще больше задатковъ мышленія, какъ мы уже знаемъ изъ предъидущаго, обнаруживается въ дѣятельности воображенія. Потому что воображеніе состоитъ не въ этомъ частичномъ и какъ-бы безцѣльномъ сдѣвленіи представленій; ему свойственно гораздо больше, а именно, — сводить многія единичныя представленія къ одному обобщенному, типическому представленію, или многія обобщенныя представленія органически подчинять одной общей мысли. Таково бываетъ соотношеніе представленій не только въ поэтическихъ, произведеніяхъ, но и въ произведеніяхъ всякаго другаго искусства. Такъ, напримѣръ, даже въ произведеніяхъ пластическаго искусства это выражается такъ называемымъ гомологическимъ отношеніемъ второстепенныхъ частей цѣлаго къ главнымъ. Но особенно явственно это видно въ словесныхъ художественныхъ произведеніяхъ, гдѣ соединеніе представленій бываетъ уже не только неизмѣримо выше одного сдѣвленія ихъ, но и представляетъ самые многообразные способы ихъ соединенія по внутреннимъ соотношеніямъ между ними, подчиненнымъ одной общей идеѣ; а это и есть уже предвѣстіе отвлеченнаго или

отвлекающаго, логическаго мышленія. Творящее воображеніе,—это какъ бы производительное мышленіе или мышленіе, проявляющееся въ конкретныхъ формахъ жизни и живаго слова.

γ) Зная задатки мышленія на предъидущихъ высшихъ инстанціяхъ сознанія, можно уже отвѣчать и на вопросъ, что именно приносятъ къ нимъ завершающая ихъ мыслящая дѣятельность, какъ логическая и отвлеченная. Пересматривая весь рядъ проявленій познавательной дѣятельности, мы нашли, что подъ самую разнообразную ихъ форму скрывается одинъ самый общій ихъ складъ. Этотъ складъ состоитъ въ томъ, что въ составѣ ихъ всегда есть какія-нибудь единицы—перцепціи, представленія, общіе образы и постоянно какое-нибудь ихъ сдѣлленіе, сочетаніе, будетъ ли оно чисто-внѣшнее, не сводимое ни къ чему органически-связному и цѣльному, или оно будетъ связнымъ выраженіемъ какой-либо мысли.

Спрашивается теперь, есть ли что-либо подобное въ самой общей структурѣ мышленія? Есть и должно быть непременно; но если нѣкоторое сходство есть, а между тѣмъ мышленія нельзя же смѣшивать съ низшими проявленіями теоретической дѣятельности, то, при этомъ отдаленномъ сходствѣ, должно быть и различіе. Указаніемъ на это различіе при сходствѣ и будетъ данъ самый простой отвѣтъ на вопросъ: что новаго къ предъидущимъ проявленіямъ приносятъ и въ чемъ состоитъ мышленіе, рассматриваемое съ психологической точки зрѣнія?

Можно сказать, что и дѣятельность мышленія, какъ и представленія и воображенія, имѣетъ дѣло съ единицами и ихъ соединеніями и раздѣленіями; но единицы мышленія и ихъ соединенія и раздѣленія существенно несходны съ единицами и ихъ сочетаніями и раздѣленіями въ чувственномъ сознаніи, въ представленіи и воображеніи. А потому, и вся дѣя-

тельность мышления носит иной характеръ въ сравненіи съ разсмотрѣнными низшими теоретическими проявленіями.

И во первыхъ, единицы мышления имѣютъ характеръ не образный, но отвлеченный ¹⁾, слагающійся изъ отвлеченныхъ признаковъ, т. е., изъ признаковъ, мысленно выдѣленныхъ отъ чего-нибудь чувственно-даннаго и еще смѣшаннаго; сочетаніе же ихъ въ одну умственную единицу можетъ и не имѣть образнаго, единичнаго выраженія. Оporою и носителемъ ихъ служатъ, конечно, конкретныя явленія; но само это отвлеченіе или выдѣленіе и соединеніе существенныхъ признаковъ въ умственную единицу или понятіе производится только мышленіемъ. Таково, напримѣръ, понятіе животной жизни. Всѣ животныя могутъ имѣть одни и тѣ же признаки животной жизни; но вмѣстѣ съ тѣмъ, каждый видъ животныхъ имѣетъ и какое-нибудь несходство съ другими видами ихъ; отъ котораго умственно нужно отдѣлять или отвлекать черты сходныя, для составленія изъ нихъ умственной и безобразной единицы, называемой понятіемъ, въ данномъ случаѣ, понятіемъ животной жизни.

Во вторыхъ, такъ какъ умственныя единицы, называемыя понятіями, не даны намъ непосредственно, въ готовомъ видѣ, подобно представленіямъ, но должны быть еще добываемы помощью сужденій и умозаключеній, выражающихъ внутреннюю соединимость или несоединимость многихъ признаковъ въ одно понятіе, то значить, что понятія постоянно находятся въ процессѣ образованія.

Въ третьихъ, мышленіе не только дѣлаетъ предметомъ своихъ отвлеченій различныя роды и виды вещей; но и раз-

¹⁾ Слово *отвлеченіе* иногда замѣняютъ словомъ *абстракція*, отъ лат. *ab*, отъ и *traho* влеку, *abstraho* отвлекаю, нѣчто выдѣляю.

личныя соотношенія между вещами возводитъ къ отвлеченнымъ понятіямъ или категоріямъ, и по нимъ отчетливо разсматриваетъ фактическія или конкретныя соотношенія между вещами. Таковы, на примѣръ, категоріи или понятія причины и дѣйствія, субстанціи и видовзмѣненія, качества и количества, цѣли и средства и т. д.

Въ четвертыхъ, добываемыя мышленіемъ единицы или понятія и тѣ соотношенія представленій и понятій, въ формѣ которыхъ мы опредѣленнымъ образомъ понимаемъ вещи и ихъ соотношенія, имѣютъ характеръ не безразлично-данный, не случайный, но сознательно-необходимый, отъ котораго мышленіе и отступить не можетъ, ставя свои единицы и ихъ сочетанія, не какъ произвольно-привычныя, но какъ общія и всѣми одинаково-признаваемыя.

На этомъ основаніи, мышленію свойственно сознаніе собственныхъ законовъ и тѣхъ послѣдовательныхъ формъ или процессовъ, отъ которыхъ оно отступать не можетъ, не противорѣча имманентно ¹⁾—присущей ему цѣли собственной дѣятельности.

Что касается способа, какъ именно мышленіе доходитъ до призванія формъ или категорій (причины и дѣйствія, субстанціи и видовзмѣненій и т. д.), въ которыхъ ему свойственно разсматривать всѣ вещи, то оно зависитъ отъ того, какъ наше создающее начало мыслить само себя и свои отношенія къ своимъ многоразличнымъ состояніямъ и представленіямъ. Если намъ свойственно сознательно ставить соотношенія между представленіями, то такъ между причиною и дѣйствіемъ, то какъ между сущностію и явленіемъ, или между существами, взаимно-дѣйствующими и т. д.; то это потому, что

¹⁾ Отъ латин. *immanens*, внутри пребывающій (а не отъ внѣ приходящій), отъ *in*, въ, и *maneo*, пребываю.

нашему сознающему и мыслящему началу свойственно въ такихъ же отношеніяхъ созавать и свои отношенія къ своимъ проявленіямъ, представленіямъ и окружающимъ насъ вещамъ.

Теперь намъ понятно будетъ, что именно мышленіемъ, при нѣкоторомъ сходствѣ въ своемъ складѣ съ низшими теоретическими проявленіями, привносится къ нимъ новаго и въ чемъ самое общее между ними различіе?

Весь окружающій насъ міръ предстоитъ нашему чувственному сознанию, какъ совокупность множества вещей (какъ единицъ) несходныхъ, разграниченныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и соединенныхъ между собою, хотя намъ и неизвѣстно еще, въ чемъ именно состоитъ ихъ существенное сходство и несходство и вмѣстѣ—соотношеніе и связность.

Дѣятельность представленія замѣняетъ эти чувственно-данная единицы и ихъ сочетанія мысленными поніями ихъ и также мысленными сочетаніями ихъ чисто-внѣшними, по одному ихъ внѣшнему соприкосновенію.

Воображеніе уже созидаетъ обобщенныя представленія и, подъ незамѣтнымъ вліяніемъ разума, гармонически соединяетъ многія представленія въ какой-нибудь одинъ цѣльный составъ (напримѣръ, въ греческой мифологіи многія божества—въ одну систему боговъ), для выраженія идеально-созидаемой дѣйствительности; но и эти образы и ихъ гармоническія сочетанія не выступаютъ изъ предѣловъ субъективнаго представленія, и высшая дѣйствительность, созидаемая творящимъ воображеніемъ, не имѣетъ еще, выработаннаго по формѣ и по содержанію, значенія истины. Въ творящемъ воображеніи проявляется только общій порывъ душевной жизни къ высшему міру, въ высшей дѣйствительности; но оно еще не подводитъ къ ней отчетливымъ изученіемъ явленій и логически-связнымъ переходомъ въ заключеніяхъ отъ одного къ другому.

Дѣятельность мышленія не уничтожаетъ свойственнаго воображенію позыва къ высшей дѣйствительности; но она идетъ

къ цѣли путемъ отчетливыхъ понятій и отчетливымъ, связнымъ переходомъ отъ явленій къ законамъ, отъ видимаго къ мыслимому. Въ своихъ мыслимыхъ, отчетливо-созидаемыхъ единицахъ, называемыхъ понятіями, и въ ихъ отчетливыхъ сочетаніяхъ помощію сужденій и умозаключеній, мышленіе даетъ намъ возможность — сознать недоступную ни чувственному сознанію, ни представленію, дѣйствительную природу вещей и ихъ дѣйствительную внутреннюю связность.

Таково самое общее свойство мышленія въ сравненіи съ чувственнымъ сознаніемъ, представленіемъ и воображеніемъ. Мышленіе, сквозь покровъ явленій и при помощи анализа явленій, проникаетъ во внутреннюю, дѣйствительную ихъ связность и зависимость, при которой понятны и дѣйствительные предѣлы, разграничивающіе ихъ одно отъ другаго. Представленія же служатъ только посредствующимъ звѣномъ между чувственными перцепціями и дѣятельностію познающей мысли. Безъ представленій, при одной пассивной массѣ чувственныхъ перцепцій, невозможны были бы ни тотъ непрерывный анализъ явленій, ни все—новыя и самыя разнообразныя ихъ сочетанія, которыя не обходимы, чтобы мышленіе могло постепенно доходить, наконецъ, до дѣйствительнаго и констатированнаго повиманіемъ соотношенія вещей и смысла жизни.

Показанное нами свойство мышленія достаточно даетъ замѣтить, что, отличаясь отчетливою строгостію своей формы (т. е., логическою связностію), оно преобразуетъ и осмысляетъ для нашего сознанія самое содержаніе: вмѣсто призрачной связи явленій, оно ставитъ ихъ законы и дѣйствительныя причины; вмѣсто произвольно-представляемыхъ цѣлей жизни, ставитъ цѣли разумныя и всеобщія. Такова общая отличительная черта мышленія, въ сравненіи съ предъидущими проявленіями теоретическими или познавательными.

б) Но для науки воспитательнаго образованія въ высшей степени важно имѣть еще въ виду, что и въ этой дѣятельно-

сти познающей мысли, обозначаются двѣ сферы или какъ-бы двѣ инстанции. Пониманіе различія между ними, не смотря на внутреннюю связь ихъ, имѣетъ очень важное образовательное значеніе, не только въ періодъ воспитанія, но и потомъ—въ жизни, въ періодъ самообразования и самостоятельной дѣятельности.

. Какія это двѣ инстанции или степени дѣятельности мышленія? Пояснимъ ихъ въ немногихъ словахъ; онѣ и въ самомъ сжатомъ очеркѣ будутъ понятны, если только обратимъ вниманіе на сущность и задачу мыслительной дѣятельности.

Выше было сказано, что мышленію свойственно доискиваться внутренней, дѣйствительной связности и разграниченія между доступными нашему наблюденію явлениями. Что же значитъ искать внутренней связи и внутреннего разграниченія между вещами? Когда познающая мысль ставитъ себѣ подобную задачу, то въ ней уже присутствуютъ и заправляютъ умственной работою, хотя и незамѣтно на первый разъ, тѣ умственные общія категоріи (или формы и какъ-бы общіе углы умственного зрѣнія), по которымъ мы и разсматриваемъ внутреннее соотношеніе и разграниченіе между наблюдаемыми нами существами. Это — вышеупомянутыя категоріи субстанціи и видоизмѣненія, сущности и явленія, цѣли и средства, причины и дѣйствія и такъ далѣе. Когда мы разрабатываемъ наши представленія вещей съ цѣлю—выразумѣть дѣйствительную ихъ связность и правильное разграниченіе между ними, то именно мы будемъ руководствоваться, съ большею или меньшею отчетливостію, вышеупомянутыми категоріями; мы будемъ искать, что въ явленіяхъ есть существеннаго, постояннаго и что несущественнаго, видоизмѣняющагося, что въ немъ причина и что дѣйствіе, что служитъ имманентно—приущею цѣлю и что только орудіемъ и средствомъ и т. д. Но какъ только мы начали мысленно спрашивать, что въ наблюдаемомъ нами удѣлѣ явленій имѣетъ значеніе субстанціальное

и что нужно считать только переходчивымъ явленіемъ, что въ этой сферѣ—причина и что дѣйствіе, то есть, иначе говоря, когда мы начали спрашивать о субстанціальности и несубстанціальности, о причинѣ и дѣйствіи въ наблюдаемой нами хотя бы самой ограниченной средѣ явленій, то это значить, что дѣятельность мысли уже проникнута позывомъ къ сознанию субстанции и причины вообще, т. е., такого существа, которому свойственно быть всесущественнымъ, такой причины, которой свойственно быть только причиною и никогда дѣйствіемъ, т. е., свойственно быть первопричиною или творящимъ и міроуправляющимъ могуществомъ. Конечно, сила мысли не скоро вырабатываетъ ясную рефлексію на эти категоріи, но онѣ живутъ въ ея позывѣ, и умственная архитектоника уже дѣйствуетъ по нимъ неизмѣнно и непрерывно; потому-то иногда различаютъ произвольное или дѣятельное мышленіе отъ его рефлексіи на свою дѣятельность. И какъ только начинается сознательная умственная работа надъ рѣшеніемъ вопроса о существѣ всесущественномъ, о первопричинѣ всякаго бытія, о міротворящемъ могуществѣ, о послѣдней цѣли бытія и жизни; то это значить, что мышленіе усиливается ввести въ сознание самую твердую и самую глубокую основу всякаго бытія и знанія, что оно не только ищетъ причинъ явленій, но усиливается выразумѣть самый смыслъ жизни; потому что смысломъ жизни предполагается знаніе послѣдней разумной цѣли, къ которой направлены всѣ ея проявленія.

Обѣ эти степени или инстанціи умственной дѣятельности принадлежать одной и тойже силѣ мыслящей; но многіе мыслители часто обозначаютъ ту и другую особыми названіями: первую называютъ разсудкомъ, вторую—разумомъ. Обѣ онѣ имѣютъ образовательное значеніе; но значеніе ихъ неодинаково, хотя онѣ никогда не должны распадаться, но всегда должны составлять одно цѣлое. Первая направлена больше къ изслѣдованію явленій, какъ явленій, причиннаго соотношенія

между ними, и потому, ей свойственно больше разсматривать какъ бы физическую сторону явленій; тогда какъ вторая, не смотря на всю необходимость матеріала знанія, доставляемаго первою, опредѣляетъ, по смыслу высшей причины и высшей цѣли бытія, самый смыслъ всякой жизни, и потому она можетъ достигнуть цѣли не иначе, какъ путемъ нравственнаго самопознанія, свойственнаго человѣческой внутренней природѣ; потому что только для нравственнаго самосознанія можетъ быть понятно не только явленіе, какъ явленіе, но и то бытіе, которое выше и глубже всего являющагося,—бытіе идеальное, мыслимое и должное.

Полагаемъ, что сказаннаго нами о мышленіи и мыслительной дѣятельности, какъ третьей и высшей степени въ порядкѣ теоретическихъ проявленій нашей душевной жизни достаточно, чтобы понять всю важность вниманія къ правильному ея развитію. И вотъ гдѣ тотъ другой берегъ, о которомъ мы упоминали выше 1), говоря, что представленіе только отрывается, подобно птицѣ, отъ незыблемыхъ чувственныхъ перцепцій, но что оно не пристаётъ еще къ другому берегу, утверждаемому твердо и незыблемо высшимъ умственнымъ и нравственнымъ образованіемъ. Другой берегъ—это разумъ и сердце, и тотъ высшій міръ, на который указываетъ разумъ и вѣра; потому что высшія созерцанія разума уже непосредственно примыкаютъ къ созерцаніямъ вѣры, и въ нихъ только міръ и вся наша жизнь получаютъ прочный и правильный смыслъ.

в) Послѣ сказаннаго нами о мышленія, объ отношеніи его къ предъидущимъ проявленіямъ, достаточно объясняется и его значеніе. Не ограничиваясь чувственными перцепціями и представленіями о вещахъ и ихъ соотношеніяхъ, и занимаясь

1) См. выше стран. 58, строк. 27—32.

преобразованіемъ и дополненіемъ чувственныхъ перцепцій и представленій отчетливыми понятіями о вещахъ и ихъ соотношеніи, мышленіе, конечно, составляетъ главное и высшее теоретическое отправленіе душевнаго агента, необходимое для познавательнаго отношенія къ окружающему насъ міру, для познанія міра и для самопознанія. Въ немъ же высшій теоретическій органъ и мѣрило нашихъ практическихъ отношеній въ жизни; наконецъ, въ немъ и высшій органъ нашего саморазвитія и самообразованія. Въ общемъ смыслѣ, всѣ эти стороны авторитета мыслящей силы ни для кого не подлежатъ никакому сомнѣнію. Но для того, чтобы содѣйствіе развитію мыслящей силы было плодотворно и полно, необходимо, на основаніи вышесказаннаго, имѣть въ виду, что естественное развитіе нашей мысли не можетъ останавливаться на относительныхъ причинахъ наблюдаемыхъ нами явленій, но ищетъ успокоенія въ истинахъ высшихъ, касающихся самаго смысла и цѣли нашей жизни.

б).

Развитіе мышленія и средства содѣйствія этому развитію.

На средства, содѣйствующія развитію мышленія указываетъ прежде всего, по крайней мѣрѣ отчасти, самое положеніе, занимаемое имъ въ цѣлой, разсмотрѣнной нами лѣстницѣ теоретическихъ или познавательныхъ проявленій души, и способъ, какъ эта дѣятельность развивается совмѣстно съ предшествовавшими ей низшими проявленіями ¹⁾.

α) Выше было сказано, что мышленіе не есть какая-нибудь совершенно отдѣльная способность отъ другихъ способностей души; были пояснены и дѣйствительные признаки при-

¹⁾ См. о томъ же, Программа Психологія, выпускъ 1-й, 1880 года, стран. 127—8.

существованія мышленія и на низшихъ инстанціяхъ нашего сознанія, такъ что, поэтому, весь рядъ теоретическихъ проявленій души можно уже назвать какъ-бы постепеннымъ развитіемъ мышленія.

Коль скоро такъ, то естественно нужно заключать, что и первоначальное средство развитія мыслящей силы будетъ состоять, въ основательной системѣ приемовъ, способствующихъ развитію въ человѣкѣ чувственнаго сознанія, представленія и воображенія. Въ нихъ будетъ отдаленное, самое естественное и прочное начало для споспѣшествованія и дальнѣйшему развитію отчетливаго, логическаго мышленія.

Но, само собою разумѣется, для того, чтобы съ умѣньемъ направлять даже это первоначальное развитіе мысли къ отчетливымъ логическимъ формамъ, необходимо, чтобы руководитель былъ знакомъ съ общимъ содержаніемъ логики. Вообще, нужно имѣть въ виду, что и логическое мышленіе или мыслящее сознаніе состоитъ въ разграниченіи или различеніи и многообразномъ соотношеніи матеріала, сообщаемаго представленіями и чувственными перцепціями; во это разграниченіе и соотношеніе будетъ отличатся несравненно большею отчетливостію, въ сравненіи съ тѣми различеніями и сочетаніями, которыя возможны для дѣятельности представленія и чувственнаго сознанія. Потому что различенія и сочетанія логическаго мышленія будутъ совершаться въ формѣ понятій (какъ единицъ), сужденій и умозаключеній (какъ сочетаній и соотношеній); значить и содѣйствіе развитію логическаго мышленія можетъ и должно начинаться не съ той только поры, какъ начинается изученіе логики, но съ первыми начатками обученія.

ж) И въпервыхъ, будетъ отдаленное основаніе для развитія логическихъ формъ мышленій въ дѣятельности чувственнаго сознанія, т. е. въ самомъ началѣ обученія.

Если наше сознание, на первых же порахъ, будетъ постепенно обогащаться чувственными перцепціями, останавливая вниманіе, хотя бы и на внѣшнихъ отличительныхъ признакахъ вещей, наприм., камня, растенія, животнаго и т. д., если даже эти простыя, чувственыя перцепціи будутъ предметомъ бесѣды, съ соблюденіемъ въ нихъ нѣкотораго порядка, то сумма ихъ уже будетъ отдаленнымъ задаткомъ тѣхъ отвлеченныхъ единицъ и ихъ сочетаній, которыя будутъ потомъ развиваться въ сознательныхъ и отвлеченныхъ формахъ понятій, сужденій и умозаключеній.

Это именно назначеніе чувственныхъ перцепцій и должно имѣть въ виду самое элементарное наглядное обученіе, о которомъ мы уже упоминали выше.

б) Точно также мы будемъ отдаленно содѣйствовать развитію отчетливыхъ формъ мышленія, разумнымъ вліяніемъ на дѣятельность представленія и воображенія. И на этой степени будетъ продолжаться приготовленіе къ прямому логическому образованію пріученіемъ, во первыхъ, къ точному разграниченію представляемыхъ единицъ и ихъ многообразныхъ сочетаній и разграниченій 1); во вторыхъ, обобщеніемъ конкретныхъ 2), единичныхъ представленій въ идеальныя или общія типическія представленія, наконецъ, самымъ соединеніемъ несходныхъ и раздѣленіемъ сходныхъ представленій, что уже ведетъ къ развитію проницательной мысли и къ остроумію.

Наиболѣе отдаленно отъ внутренняго соединенія представленій, какъ предвѣстника внутренняго соединенія понятій въ сужденіяхъ и умозаключеніяхъ, сдѣленіе представленій по

1) Напримѣръ, при разсматриваніи и описаніи нарисованныхъ растеній, минераловъ, животныхъ и т. д., въ объясненіи ихъ сходства и различія.

2) *Конкретный* отъ латин. *concretus*, *сущ.* нѣчто составное и *прилаг.* составной, сложный.

соприкосновенію ихъ въ пространствѣ и послѣдованію во времени. Но и оно очень важно въ томъ отношеніи, что, во первыхъ, сразу предупреждаетъ отъ разсыпчатости представленій, хотя бы чисто-вышнимъ притяженіемъ ихъ другъ къ другу, и что и это удерживаніе данныхъ представленій, въ ихъ вышнемъ соположеніи, далеко не всегда бываетъ безразлично по отношенію къ ихъ внутреннему или причинному соотношенію. Очень часто памятованіе чисто-вышняго сочетанія представленій и чувственныхъ перцепцій бываетъ существенно важно, чтобы можно было потомъ переходить отъ него къ заключеніямъ объ ихъ соотношеніи, понимаемомъ размышленіемъ и научнымъ изслѣдованіемъ. Такъ бываетъ, напримѣръ, въ географіи, въ геологіи, въ астрономіи и т. д.

Но на этихъ первоначальныхъ упражненіяхъ далеко не останавливается развитіе мыслительной дѣятельности. Въ нихъ только первое, отдаленное, приготовительное начало его, и если бы па немъ только умственное образованіе останавливалось, то могли бы возникнуть и неблагоприятныя послѣдствія, обыкновенно происходящія, въ такомъ или другомъ родѣ, отъ исключительнаго преобладанія какого-бы то-нибыло одного отправления душевной жизни. Такія неблагоприятныя послѣдствія именно и бываютъ обыкновенно у людей, постоянно занимавшихся только представленіями или чтеніемъ такихъ произведеній, гдѣ требуется только представленіе; это—неспособность къ отвлеченному мышленію, къ удерживанію широкихъ обобщеній и такой связности чего-нибудь цѣлаго, гдѣ требуется пониманіе внутренняго соотношенія частей этого цѣлаго.

Все это простое, практическое содѣйствіе развитію логическаго мышленія можетъ происходить какъ въ формѣ обыкновенныхъ бесѣдъ, такъ и при толковомъ чтеніи и разборѣ самыхъ простыхъ фразъ, предложеній и статей.

β) Въ чемъ же будетъ состоять дальнѣйшее содѣйствіе умственному развитію или развитію дѣятельности мыслящей силы?

Чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ, нужно имѣть въ виду нѣкоторое различіе между мышленіемъ производительнымъ, когда мы выполняемъ законы и формы мышленія въ нашихъ умственныхъ проявленіяхъ какъ-бы инстинктно, не сознавая ихъ въ отвлеченномъ видѣ, и мышленіемъ отвлеченнымъ или отвлекающимъ и рефлектирующимъ на самое-себя, когда оно дѣлаетъ предметомъ отдѣльнаго разсмотрѣнія свои собственные законы и формы, по которымъ оно дѣйствуетъ. Не смотря на то, что мышленіе рефлектирующее (на свои собственные законы и формы) не можетъ всецѣло отрѣшиться отъ данной ему природою степени производительности и подчинить ее всецѣло своей власти; однако же въ нѣкоторой, хотя бы и слабой степени, вліяніе рефлектирующаго мышленія на производительное возможно и должно быть возможно, уже по самому существу свойственнаго нашей душевной жизни самосознанія; а самосознанію должно быть свойственно хотя бы въ нѣкоторой степени—не только сознавать и выяснять законы и формы своей дѣятельности, но уясненіемъ ихъ вліять и на совершенствованіе самой умственной производительности. Въ этомъ свойствѣ нашей самосознательности, по нашему мнѣнію, нельзя сомнѣваться уже и потому, что оно фактически доказывается самымъ совершенствованіемъ культуры различныхъ народовъ и такими преимуществами однихъ народовъ предъ другими, которыя выражаются въ степени совершенства ихъ литературныхъ произведеній; преимущества же ихъ умственныхъ произведеній много зависятъ, между прочимъ, именно и отъ степени развитости самосознанія и углубленія въ законы внутренней жизни.

На основаніи вышесказаннаго, мы естественно приходимъ къ заключенію, что каковы бы ни были дальнѣйшія практическія средства содѣйствія развитію мыслящей силы, мы не можемъ исключать изъ нихъ не только практическаго, но и теоретическаго ознакомленія съ законами мышленія и съ

главѣйшими, самыми существенными принадлежностями его формъ. По крайней мѣрѣ, это теоретическое, или теоретико-практическое ознакомленіе съ существенными сторонами формъ мышленія необходимо, для умственного образованія возможно-гармоническаго, идущаго послѣдовательно и необрывающагося на полудорогѣ.

Иногда, конечно, высказывались сомнѣнія, даже довольно рѣзкія, въ образовательной пользѣ отъ ознакомленія съ законами и формами мышленія. Такъ напримѣръ въ одномъ периодическомъ изданіи 50-ыхъ годовъ было сказано, что „логика для умныхъ не нужна, а для глупыхъ бесполезна“. По мнѣнію этихъ скептиковъ, пониманіе логики такъ-же не нужно для практическаго выполненія логическихъ законовъ въ умственныхъ произведеніяхъ, какъ не нужно знаніе химіи для того, чтобы нашъ желудокъ исправно варилъ пищу; потому что, по ихъ мнѣнію, и тамъ, логическіе законы, нздѣсь—химическіе, выполняются совершенно одинаково сами собою, хотя бы мы ни тѣхъ, ни другихъ вовсе не понимали. Не ставемъ слишкомъ настаивать на томъ, что и знаніе законовъ пищеваренія часто можетъ быть весьма полезно не только для исправленія недостатковъ разстроеннаго пищеваренія, но и для сохраненія въ здоровомъ состояніи пищеваренія правильнаго. Гораздо важнѣе то, что въ этомъ мнѣніи забыто существенное различіе между отношеніемъ знанія и сознанія къ процессамъ физическимъ и отношеніемъ того же сознанія къ процессамъ душевной дѣятельности. Тамъ—или полное разобщеніе, или въ иныхъ случаяхъ разобщеніе несравненно большее, нежели между производительностію и сознаніемъ съ сознательною волею—въ одной и тойже душевной жизни. Конечно, душевная производительность не совпадаетъ всецѣло съ сферою сознанія и сознательной воли; однакоже эта неполнота связи между двумя сторонами душевной жизни нисколько не мѣшаетъ той непреложной истинѣ, что обогащеніе знаніями, а тѣмъ

болѣ самопознаніемъ, значить и знаніемъ законовъ и формъ мысли, сообщаетъ больше силы и полноты содержанія самому ядру душевной жизни, выражающейя въ своихъ произведеніяхъ. Въ особенности, это должно сказать о дѣятельности отвлеченнаго мышленія, котораго никакъ нельзя отождествлять съ дѣятельностію творящаго воображенія.

Наше примѣчаніе о значеніи пониманія логическихъ формъ и законовъ для умственнаго развитія совершенно подтверждается сужденіемъ Дж. Ст. Милля о логикѣ. „Въ концѣ концовъ, говоритъ Милль, путемъ сознанія и опыта, я дошелъ до того, что такъ-же высоко цѣнилъ, какъ и отецъ, практическое значеніе логики. Нѣтъ ни одного предмета во всемъ обширномъ курсѣ моего воспитанія, которому я былъ бы столькимъ обязанъ за развитіе способности правильно мыслить.... Школьная логика и привычка мышленія, приобрѣтенная при ея изученіи, были главными факторами этого развитія моихъ умственныхъ способностей“ ¹⁾.

Послѣ этихъ примѣчаній о мышленіи, мы можемъ кратко отвѣчать и на вопросъ о средствахъ дальнѣйшаго и прямаго вліянія на умственное развитіе. На основаніи нѣкотораго различія между производительною силою мысли и мышленіемъ рефлектирующимъ на свои собственные законы и формы, можно, для болѣе точнаго разграниченія между главными средствами умственнаго развитія, отличать средства чисто-практическія или такія умственныя произведенія, въ которыхъ дѣйствуетъ самая строгая логическая мысль, хотя она еще не дѣлаетъ предметомъ изслѣдованій своихъ собственныхъ отвлеченныхъ законовъ и формъ, отъ объясненія, хотя бы простаго, самыхъ логическихъ законовъ и главнѣйшихъ логическихъ

¹⁾ См. Автобіографія Дж. Ст. Милля. С.-П.-Б., 1874 стр. 20—21.

формъ мышленія. Среднее мѣсто между этими двоякаго рода средствами логическаго умственнаго развитія занимаетъ основательное языкоученіе или, точнѣе, обученіе отечественному языку.

ѡ) Итакъ, въ средствамъ перваго, рода мы относимъ, во первыхъ, научное образованіе или основательное преподаваніе наукъ, хотя бы въ тѣхъ элементарныхъ размѣрахъ, какіе возможны въ предѣлахъ низшаго и средняго образованія. Изучая какую-либо науку, выясняя себѣ удѣлъ ея изслѣдованій въ цѣлой сферѣ знанія, раздѣленіе ея на главные вопросы, проходя потомъ каждую изъ этихъ частей въ связномъ порядкѣ, мы незамѣтно пріучаемся пользоваться нашими умственными силами по законамъ логическимъ и основательно различать одно отъ другаго, сущность или первоначальныя силы отъ явленія, причину отъ дѣйствія, качество и количество, подчиненныя и соподчиненныя понятія и т. д. И на этой же степени научнаго образованія, можно уже отчасти ознакомиться и съ методами индуктивнымъ и дедуктивнымъ, такъ-какъ изложеніе наукъ по большей части бываетъ дедуктивно, тогда какъ изслѣдованіе требуетъ пріемовъ индуктивныхъ. Поэтому нѣкоторые ученые и педагоги не безъ основанія полагаютъ, что къ изученію логики, хотя бы даже элементарному и практическому, лучше приступать въ то время, когда уже пріобрѣтенъ нѣкоторый матеріалъ научныхъ свѣдѣній.

Къ этому же роду средствъ практическаго навыка къ логической связности и послѣдовательности въ изложеніи своихъ мыслей, нужно отнести еще ученья сочиненія, или вообще сочиненія дидактическаго содержанія, на которыя обыкновенно указывается въ курсахъ словесности и хрестоматіяхъ. Въ особенноти важны для логическаго развитія тѣ дидактическія сочиненія, въ которыхъ зрѣло и основательно рассматриваются какіе-нибудь нравственные вопросы; потому что для стройнаго

объясненія подобныхъ вопросовъ, требуется значительная доля самопознанія и внутренней или умственной самодѣятельности.

β) Ближе подродитъ къ отвлеченной умственной морфологіи основательное, грамматическое обученіе отечественному языку; потому что въ словѣ явственно отражаются, по крайней мѣрѣ, самыя общія законы мышленія, рассматриваемые логикою 1).

1) Общія грамматическія законы или общія, умственные основанія разныхъ родовъ словъ и ихъ соединеній для связной рѣчи рассматриваются въ философской грамматикѣ. И въ словесныхъ выраженіяхъ производительнаго воображенія слово выступаетъ ужъ со всѣми видами своихъ произвольныхъ звуковыхъ знаковъ и съ различными связными ихъ сочетаніями, выражающими связное теченіе понятій, сужденій и умозаключеній; но говоря о воображеніи, мы не имѣли еще внутренней опоры для вывода самыхъ основаній какъ различія словесныхъ единицъ, такъ и главныхъ способовъ ихъ соединенія, какъ зародыша связной рѣчи. Но когда дѣло идетъ о мышленіи, то въ его категоріяхъ и въ его формахъ есть уже внутреннія основанія, которыми объясняется существенное содержаніе общей или философской грамматики.

Грамматика слогается обыкновенно изъ четырехъ частей: изъ орфографіи *), этимологіи **), синтаксиса ***) и просодіи ****); т. е. изъ нихъ главное значеніе имѣютъ двѣ части: этимологія и син-

*) Орфографія (*оросъ* правильный, *графо* пишу) и просодія (*просъ* къ, *оде* пѣсня, *нагѣвъ*) имѣютъ больше внѣшнее значеніе, первая, касаясь правильнаго употребленія письменъ и знаковъ препинанія, а вторая—звуковаго слова или правильнаго произношенія.

**) Этимологія, отъ *ετιμοςъ* ετιμοςъ подлинный и *λογοςъ* λογοςъ слово, объясненіе.

***) Синтаксисъ отъ *σινъ*, σινъ съ и *ταξιςъ* ταξις установка, укладываніе.

Въ грамматикѣ главное значеніе имѣютъ этимологія и синтаксисъ, и основательное объясненіе ихъ можетъ быть весьма хорошимъ подспорьемъ и приготовленіемъ къ пониманію логики. Этимологія имени поможетъ уразумѣнню различія между представленіями единичными, или конкретными и общими или родовыми и т. д.; именами прилагательными и числительными будутъ объясняться до нѣкоторой степени категоріи качества и количества. Пониманіемъ значенія глагола съ его залогомъ пролагается путь пониманію категорій причины и дѣйствія, дѣйствія и страданія. Въ наклоненіяхъ гла-

таксисъ. Изъ нихъ первая занимается разсмотрѣніемъ различнаго рода словъ или частей рѣчи, какъ словесныхъ единицъ, а синтаксисъ—сочетаніемъ этихъ единицъ для выраженія словами соотношенія между представленіями и вещами. Какъ на всѣхъ инстанціяхъ познавательныхъ проявленій были единицы и различныя ихъ соединенія, такъ и здѣсь, въ составѣ слова, разсматриваемомъ грамматикомъ, сразу находимъ соотвѣтствіе составу сознанія на каждой его ступени.

Предметъ этимологіи—отдѣльныя слова, изъ которыхъ складывается человѣческое слово. Но человѣческое слово не есть только какой-нибудь безпорядочный наборъ словъ. Словами мы обозначаемъ вещи или перцепируемыя единицы, какъ нѣчто для насъ существующее, и самый актъ, которымъ что-нибудь ставится, какъ существующее. Поэтому, можно сказать, что есть два главныхъ вида словъ—имя и глаголъ. Первымъ выражается только какое-нибудь данное, готовое бытіе, что-нибудь только сущее; вторымъ—ихъ соотношеніе дѣятельное или страдательное или самый актъ, которымъ ставится что-либо, какъ существующее для насъ. Такимъ образомъ, именемъ выражается категорія *бытія*, а глаголомъ—категорія *дѣйствія*. Разсматривая, далѣе, имена и глаголы, мы оиить найдемъ, какъ въ ихъ видахъ, такъ и въ свойственныхъ имъ измѣненіяхъ, логическія основы.

Этимологія имени. Именемъ означается нѣчто существующее;

головъ до нѣкоторой степени будетъ объясненіе категоріи такъ-называемой модальности или степени ассерціи, съ какою мы ставимъ мысленно что-либо какъ существующее, — положительно, какъ условное, какъ должное, неопредѣленное и т. д.

Какъ этимологическая часть грамматики готовится къ пониманію логическаго трактата о понятіи, такъ синтаксисъ простаго предложенія, сложнаго и періода будетъ самымъ простымъ практическимъ приготовленіемъ къ логическому трактату о сужденіяхъ и умозаключеніяхъ; потому что въ синтаксисѣ мы уже навываемъ правильно соотносить одни пред-

но именъ есть нѣсколько видовъ, и это различіе ихъ имѣетъ для себя внутреннее основаніе. Когда именемъ выражается нѣчто только существующее вообще, то происходитъ *имя существительное*. Но существующее принимаетъ высшій, вполне выработанный характеръ въ существѣ личномъ и самосознательномъ. Когда словомъ выражается это самосознательное, личное существо и его соотношенія, то происходитъ *мѣстоименіе*.

Далѣе, каждое существо, каждую субстанцію мы мыслимъ не иначе какъ съ какими-нибудь принадлежностями, и когда мы рассматриваемъ эти принадлежности, какъ относящіяся и прилагаемыя къ субстанціи качества, то происходитъ *имя прилагательное*; когда же мы отвлекаемъ отъ этихъ принадлежностей ихъ качественный характеръ и обращаемъ вниманіе только на ихъ кратность, то происходитъ *имя числительное*. Но словомъ выражается еще и переходъ качества въ количество и количества въ качество. Первое мы находимъ въ степеняхъ сравненія; второе—въ числительныхъ порядковыхъ: первый, второй, третій и т. д., гдѣ этими словами выражается не одно внѣшнее безразличное слѣдованіе одного за другимъ, но и относительное качество, степень, достоинство вещей, по причинѣ такого или другаго слѣдованія ихъ одной за другою.

Другая, послѣ имени, главная часть рѣчи есть глаголь. Именемъ, какъ мы уже знаемъ, выражается категорія бытія; а въ гла-

ставленія, понятія и цѣлыя предложенія съ другими и отчетливо ихъ соединять или раздѣлять.

Даже отчетливый орографическій (знаки препинанія) и просодическій разборъ прочитываемаго можетъ много способствовать общему умственному развитію и приготовить къ отчетливости сужденій, требуемой логикою.

γ) Но главнымъ орудіемъ развитія мыслящей силы, со стороны умѣнья пользоваться свойственными ей формами, должно быть простое, практическое и послѣдовательное объясненіе самыхъ существенныхъ вопросовъ логики, касающихся этихъ именно формъ. И такъ.

голахъ выражается самый актъ, который ставится бытіе. И изъ этихъ немногихъ словъ о глаголѣ уже видно, что онъ имѣетъ преимущество предъ именемъ, что въ немъ центръ и узелъ всѣхъ соотношеній между вещами и именами, что, наконецъ, въ немъ заключается уже зародышъ синтаксиса; потому что дѣйствіемъ само собою предполагается соотношеніе между дѣйствующимъ и пріемлющимъ дѣйствіе.

Такъ-какъ глаголомъ выражается дѣйствіе или актъ, въ которомъ дѣйствующее производитъ что-либо въ пріемлющемъ дѣйствіе, то происходятъ два вида или два залога глагола—дѣйствительный и страдательный; но возможенъ и залогъ или глаголъ средний, когда дѣйствіе возвращается на самое дѣйствующее существо.

Когда же дѣйствіе, или страданіе разсматривается не въ объектѣ, а въ самомъ субъектѣ, въ различныхъ состояніяхъ или степеняхъ ассерціи этого дѣйствія, то положительнаго, то условнаго, то повелительнаго и должнаго, то неопредѣленнаго и т. д., то происходятъ наклоненія.

Но можно обозначать еще различныя состоянія и степени дѣйствія и отдѣльными словами. Подобное обозначеніе дѣлается посредствомъ нарѣчій: таково происхожденіе и значеніе нарѣчій.

Въ глаголѣ, какъ выше сказано, уже есть зародышъ синтаксиса.

Что должно быть предметомъ вниманія при объясненіи логическихъ вопросовъ, и какъ именно вести это объясненіе?

а) Первымъ предметомъ могло бы быть самое простое объясненіе понятія о мышленіи съ психологической точки зрѣнія, т. е., по сравненію его съ низшими проявленіями познавательной дѣятельности—съ дѣятельностію чувственнаго сознанія и представленія. А для того, достаточно объяснить, чѣмъ существенно отличаются единицы и ихъ сочетанія въ дѣятельности представленія отъ тѣхъ еднвиць и ихъ сочетаній, которыя образуетъ мышленіе. Мышленіе не ограничивается только обособленными или данными въ пространствѣ и времени чувственными перцепціями и ихъ мысленными копіями, не ограничивается и ихъ данными сѣвленіями въ пространствѣ и времени; но подвигается гораздо дальше. Оно взвѣшиваетъ дѣйствительное сходство и несходство вещей, и по этимъ дознаннымъ ихъ сходствамъ и несходствамъ составляетъ свои умственные единицы, называемыя понятіями.

Синтаксисъ, какъ другая изъ главныхъ частей грамматики, соотвѣтствуетъ органическому сочетанію представленій и понятій въ сужденіяхъ и умозаключеніяхъ. Синтаксисомъ, по крайней мѣрѣ въ развитомъ видѣ, предполагается не одно соединеніе именъ, но и соединеніе или отношеніе дѣйствій однихъ къ другимъ, то есть, соединеніе цѣлыхъ предложеній и періодовъ. Иначе говоря, въ синтаксисѣ выражается не одно дѣйствіе и страданіе, но и взаимодѣйствіе.

Отъ взаимнаго дѣйствія и страданія вещей, выражаемого словами, происходятъ измѣненія какъ въ дѣйствіяхъ и страданіяхъ, такъ и въ самыхъ вещахъ, выражающихся и въ измѣненіяхъ словъ: въ именахъ эти измѣненія называются склоненіями, въ глаголахъ спряженіями. Отсюда совершенно понятю, что слова въ синтаксическомъ ихъ сочетаніи, это—не твердые и неизмѣнные атомы, но живыя и гибкія орудія мысли.

Равнымъ образомъ, мышленію свойственно соединять одни понятія съ другими, или переходить отъ одного сужденія къ другому не потому, что то и другое намъ дано, какъ даются намъ готовыми и сопоставленными чувственныя перцепціи и ихъ представленія, но потому, что того требуетъ законосообразная и сознательная необходимость признанія, или отрицанія чего-либо, какъ дѣйствительнаго.

Если мышленію свойственно ставить свои единицы не какъ данныя, но какъ необходимо требуемыя на основаніи чего-нибудь уже достовѣрно-извѣстнаго, то ему свойственно умозаключать.

Не входимъ въ перечисленіе различныхъ степеней синтаксиса, начиная съ самаго простаго соединенія двухъ именъ до органическаго соединенія двухъ вполне выработавшихся предложений, и ограничимся только примѣчаніемъ, что какъ нарѣчіе возникло при опредѣленіи состоянія или степени дѣйствія или страданія, выражаемаго глаголомъ, такъ употребленіе предлоговъ и союзовъ условливается развитіемъ синтаксиса.

Что касается междуметія, то имъ выражается только спльно овладѣвающее нами какое-нибудь душевное состояніе.

Ихъ этихъ не многихъ строкъ, въ которыхъ мы по возможности передали самое общее содержаніе философской грамматики, достаточно для того, чтобы понятна была связь грамматики съ логикою. На основанія этой внутренней связи между ними, основательное обученіе отечественному языку и анализъ словесныхъ произведеній можетъ быть весьма хорошимъ приготовленіемъ къ изученію логики. См. *Anthropologie u Psychologie*. v. Karl. Ludwig Mischelet. Berlin, 1841, s. 377—409; см. также Философ. Лексиконъ, Киевъ, 1860 года, томъ второй, *Грамматика*. Нѣкоторые составители курсовъ логики даже слишкомъ много давали значенія грамматическимъ элементамъ въ логику. Самъ Аристотель, творецъ логики, еще довольно близокъ къ этой категоріи логиковъ.

Эти три, взаимно обуславливающіяся стадіи въ процессѣ мыслительной дѣятельности—понятія, сужденія и умозаключенія и требуютъ преимущественнаго вниманія въ періодъ воспитательнаго образованія.

Въ свойствахъ мыслительной дѣятельности есть уже данныя для пониманія—почему эта дѣятельность называется отвлеченною или отвлекающею, и ея произведенія отвлеченіями. Отвлеченіе свойственно ей потому, что отъ конкретныхъ, данныхъ чувствамъ явленій она мысленно отдѣляетъ нѣкоторые признаки и только мысленно же составляетъ изъ нихъ нѣчто единичное въ видѣ понятій, хотя на дѣлѣ эти признаки разбросаны по многимъ конкретнымъ явленіямъ и перемѣшаны съ другими признаками. Такъ, напримѣръ, для составленія общаго понятія животной жизни, или тюльпана, мы должны выдѣлить или отвлечь изъ многихъ экземпляровъ конкретныхъ животныхъ и изъ различныхъ родовъ тюльпановъ общіе тѣмъ и другимъ признаки и составить изъ нихъ два общія понятія—животнаго и тюльпана, которыя были бы цѣльными и единичными и для представленія. И однакоже сдѣлать общія понятія конкретными въ единичныхъ представленіяхъ невозможно; общія понятія всегда остаются только мыслимыми, а не представляемыми. Но не смотря на то, безъ этого мысленнаго выдѣленія и отвлеченія признаковъ вещи или многихъ вещей въ одно, безъ умственной, многообразной работы надъ ними въ сужденіяхъ и умозаключеніяхъ, невозможно было бы и познать внутреннюю сторону явленій. Такъ можно понимать отвлеченіе и отвлеченную дѣятельность мышленія.

Предпринимающему подобныя объясненія для содѣйствія умственному развитію образуемыхъ, конечно, необходимо знаніе логики; но на этой степени образованія, какъ приготовительнаго къ дальнѣйшему, систематическому изученію логики, можно и не излагать ее, какъ полную, отдѣльную науку. Достаточно, если мы будемъ имѣть въ виду самыя главныя черты

понятий, суждений и умозаключений и на нихъ обратитьъ внимание въ нашихъ практическихъ объясненияхъ 4).

а) Говоря о понятии, можно обратитьъ внимание на отличие понятий отъ чувственныхъ перцепцій и представлений, на способъ происхождения понятий, на постоянную связь ихъ съ представлениями, на некоторую незаконченность ихъ въ большинстве случаевъ и неразрывность съ представлениями. Далее, требуютъ вниманія содержаніе и объемъ понятий, какъ главное, что и дѣлаетъ понятие понятіемъ, и взаимное отношеніе понятий по ихъ содержанию и объему.

Въ логикѣ можно различать три главныя части: первую составляетъ трактатъ о законахъ мышленія; вторую — о понятияхъ, сужденіяхъ и умозаключеніяхъ; третью — о системѣ и о методахъ. Что касается общаго разсужденія о мышленіи, то оно можетъ предшествовать этимъ тремъ частямъ логики въ качествѣ введенія. Мы считаемъ, послѣ самыхъ общихъ понятий о мышленіи, о которыхъ уже выше упомянуто, главнымъ предметомъ вниманія, въ этомъ подготовительномъ періодѣ образованія, практическое, самое простое объясненіе общаго значенія второй части логики и съ тѣмъ, практическое объясненіе самаго существеннаго въ этой второй части — о понятии, сужденіи и умозаключеніи. Что касается трактата о системѣ, какъ предметѣ третьей части логики, то о ней можно или вовсе не упоминать, или ограничиться только самымъ общимъ понятіемъ. Объясненіе главныхъ принадлежностей понята, сужденія и умозаключенія, какъ подготовленія нужныхъ формъ для происхожденія цѣльной формы, требуемой системой, необходимо въ подготовительномъ, среднемъ періодѣ образованія; тогда какъ объясненіе существенныхъ принадлежностей системы, какъ цѣльной формы, можно отложить къ систематическому прохожденію краткаго курса логики. Отношеніе образованія понятий, сужденій и умозаключеній къ изученію и образованію системы можно сравнить съ отношеніемъ музыкальныхъ экзерцицій къ разыгрыванію цѣльныхъ музыкальныхъ композицій.

Такъ-какъ понятія неразрывны съ представленіями и чувственными созерцаціями или перцепціями, и, кромѣ того, весь процессъ ихъ образованія выражается словами, то понятно, что 1, всегда необходимо обращать вниманіе на точность и опредѣленность словъ, выражающихъ понятія; точность слова и твердость въ разграниченія понятій служатъ признакомъ развитаго разсудка; 2) необходимо обращать вниманіе на вѣрность и достаточность чувственныхъ созерцацій и представленій, потребныхъ для составленія правильныхъ понятій. Соблюденіе обоихъ требованій дѣлаетъ нашъ умъ и его произведенія ясными и жизненными

ββ) За понятіями въ логикѣ обыкновенно разсматриваютъ сужденія. Понятіе, это—вѣчто отвлеченно-утвержденное, установленное; а сужденіе, это—актъ, движеніе предварительныхъ комбинацій или соотношеній, которыя нужны, чтобы мы пришли къ установкѣ понятій. Въ актѣ сужденія мы только ищемъ еще соединенія или раздѣленія между представленіями, чтобы могло установиться понятіе.

Какъ въ объясненіи свойствъ понятія, такъ и въ понятіи о сужденіи слѣдуетъ ограничиться немногими, самыми главными его принадлежностями.

Прежде всего, конечно, за общимъ понятіемъ о сужденіи, необходимо обратить вниманіе на части сужденія: субъектъ или подлежащее, предикатъ ¹⁾ или сказуемое и ихъ связку, по крайней мѣрѣ иногда употребляемую. Далѣе, можно объяснить различныя логическія формы сужденія, по четыремъ категоріямъ: количества, качества, по категоріи отношенія вещей между собою, и по категоріи ихъ отношенія къ намъ или къ нашей ассерціи ²⁾ о нихъ.

¹⁾ *Предикатъ*, отъ латинск. *praedicatum*, отъ *praedico* предсказываю, сказываю что-нибудь.

²⁾ Отъ латин. *assero* утверждаю, *assertio* утверженіе.

Такъ, какъ и сужденія выражаются словами, то необходимо обратить вниманіе и на различныя грамматическія формы сужденій.

Но преимущественнаго вниманія, по нашему мнѣнію, требуетъ объясненіе различія между сужденіями аналитическими и синтетическими, то есть, различія по самому способу ихъ происхожденія или по тому способу, какъ и откуда мы беремъ сказуемое для субъекта и какъ мы или соединяемъ одно съ другимъ, или раздѣляемъ ихъ и считаемъ не совмѣстными. Ограничиваясь немногими словами, подъ сужденіями аналитическими, какъ извѣстно, разумѣютъ такія сужденія, въ которыхъ предикатъ самъ собою выходитъ изъ субъекта, такъ что еслибы этотъ предикатъ сочтенъ былъ невозможнымъ для даннаго субъекта, то и самаго этого субъекта не стало бы. Таково, наприимѣръ, сужденіе: треугольникъ (подлежащее) есть плоскость, ограниченная тремя линіями (сказуемое). Тутъ очевидно, что предикатъ (плоскость, ограниченная...) выходитъ изъ самаго понятія о треугольникѣ.

Иное свойство сужденій синтетическихъ. Въ нихъ предикатъ не выходитъ изъ самаго даннаго понятія. Для того, чтобы можно было приписать одно другому, необходимы еще — опытъ, изслѣдованіе, внѣшнее или внутреннее наблюденіе, словомъ, нужно еще изученіе субъекта и того предиката, который намъ предстоитъ или приписывать, или неприписывать субъекту. Таковы, наприимѣръ, сужденія: что электричество, магнетизмъ и гальанизмъ суть различныя проявленія одной общей физической силы; или что сознаніе формы пространства и времени зависитъ не отъ ощущенія, но отъ того, что душевному агенту свойственно проявлять себя въ формахъ пространства и времени.

Объясненіе различія между сужденіями аналитическими и синтетическими очень важно; потому что этимъ различіемъ

объясняется потому, въ вѣкоторой степени, во первыхъ, различіе въ приемахъ между методомъ аналитическимъ и синтетическимъ, во вторыхъ, между математикою и естествознаніемъ, и отчасти, вообще между науками физико-математическими и нравственными.

Важно пониманіе этого различія и по примѣненіямъ къ обученію; потому что, когда ученику придется находить предикаты для субъекта или, что тоже, высказывать свое сужденіе о чемъ-нибудь, то весьма важно будетъ обратить вниманіе, какъ онъ добываетъ и ставитъ этотъ предикатъ: прямо изъ самаго понятія о субъектѣ, или изъ опыта, или изъ многихъ соображеній. Умѣнье-правильно понять возможный и необходимый источникъ для предиката будетъ служить признакомъ степени основательности и толковости ученика.

Можно къ этимъ поясненіямъ, касающимся сужденій, присоединить еще краткое самое общее поясненіе отношенія между сужденіями синтетическими и аналитическими, для чего достаточныя данныя уже есть въ предыдущемъ понятіи о сужденіяхъ аналитическихъ и синтетическихъ; потому что это объясненіе пособитъ потомъ пониманію, при употребленіи въ дѣло синтаксиса, какія предложенія, почему и въ какой мѣрѣ соединимы, или несоединимы. Первые сужденія только совмѣстимы въ слѣдствіе фактическаго ихъ совмѣщенія въ пространствѣ и времени, или соединимы въ слѣдствіе опыта и наблюденія, но не по непосредственно-сознаваемому свойству самихъ сужденій; тогда какъ въ аналитическомъ отношеніи сужденій одно изъ нихъ само собою, по непосредственно-сознаваемому содержанію, ведетъ къ другому, или исключаетъ его.

γ) Третью, самую развигую форму логической мысли, составляетъ умозаключеніе. Но не слѣдуетъ думать, будто умозаключеніе, какъ третья логическая форма мысли, есть нѣчто совершенно отдѣльное отъ сужденія. Какъ сужденіе можно считать только развивающимся и развитымъ понятіемъ, такъ

на умозаключеніе можно смотрѣть, какъ на развитое сужденіе; потому что самое общее, существенное различіе между ними состоитъ только въ томъ, что въ сужденіи мы непосредственно соединяемъ, или не соединяемъ какой-либо предикатъ съ субъектомъ, а въ умозаключеніи мы дѣлаемъ тоже самое соединеніе или несоединеніе предиката съ субъектомъ; но при этомъ высказываемъ и причину или основаніе, требующія этого соединенія. Такъ, напримѣръ, когда мы выскажемъ сужденіе, что „водѣ свойственно протяженіе“, то для того, чтобы вышло изъ него умозаключеніе, намъ стоить только подвести понятіе воды подъ такое другое понятіе, съ которымъ, по самому свойству этого понятія, уже неразлученъ и предикатъ протяженія. Такимъ среднимъ понятіемъ будетъ понятіе тѣла. И такъ, когда мы опредѣленно выскажемъ, что „всякому тѣлу свойственно протяженіе“, что „вода есть также тѣло“, а потому и „водѣ свойственно протяженіе“, то это будетъ умозаключеніе. Понятно, что умозаключеніе дѣйствительно содержитъ въ себѣ развитое, выработанное и доказанное сужденіе. Таково самое *общее*, простое понятіе объ умозаключеніи и отношеніи его къ сужденію.

Далѣе, въ логикѣ обыкновенно различаютъ умозаключенія непосредственныя и посредственныя, а къ этимъ послѣднимъ относятся—силлогизмъ, наведеніе и аналогія. То и другое въ самыхъ общихъ чертахъ, какъ приготовленіе къ дальнѣйшему, систематическому изученію логикъ, также требуетъ вниманія, хотя не по однимъ и тѣмъ же причинамъ. Первое—потому, что весьма часто, и даже большею частію, и въ разговорѣ, и въ письменномъ изложеніи нашихъ мыслей, мы пользуемся непосредственными умозаключеніями, а второе—по различному значенію своему въ самомъ примѣненіи къ дѣлу научнаго образованія.

а) Непосредственное умозаключеніе, на основаніи вышесказаннаго, не содержитъ въ себѣ, въ сравненіи съ посредст-

великими, какой-нибудь существенной разницы въ сѣмѣмъ качествѣ перехода отъ одного сужденія, какъ основанія къ другому; какъ выводу; оно есть только сокращенное умозаключеніе, и имъ мы часто пользуемся для краткости, и просто для возбужденія растянутаго и схоластическаго педантизма. Такъ, на примѣръ, вмѣсто того, чтобы говорить что „всякому тѣлу свойственно протяженіе“, что „вода есть тѣло“ и что „слѣдовательно и водѣ свойственно протяженіе“, мы можемъ сказать сокращенно, что „тѣлу свойственно протяженіе, слѣдовательно, и водѣ“ или еще короче, что „водѣ, такъ тѣлу, свойственно протяженіе“. Подобное-то сокращенное умозаключеніе и называютъ непосредственнымъ. Въ риторикахъ или въ словесномъ выраженіи, оно называется иногда энтимемою ¹⁾.

Не входимъ здѣсь въ разсмотрѣніе различныхъ видовъ энтимемы или непосредственнаго умозаключенія, какъ-то: умозаключенія *тождества*, умозаключенія *подчиненія*, *противоположенія*, *противоречія*, *превращенія* и *модальности*. Оно излишне потому, что каждое изъ нихъ повятно просто на основаніи естественнаго, и въ общихъ чертахъ развитаго мышленія. На примѣръ, *все люди ограниченны, значитъ, и гениальные художники*. Тутъ второе сужденіе необходимо вытекаетъ по тому закону, что частное содержится въ общемъ и подчиняется общему. Или: это—человѣкъ храбрый, значитъ, не трусь; тутъ выводъ сдѣланъ по противоположенію. Но на практикѣ умѣлое употребленіе ихъ много способствуетъ развитію умственной гибкости и быстрой сообразительности.

ββ) Важнѣе по научному значенію посредственныя умозаключенія, куда относятся: *силлогизмъ*, *наведеніе* и *аналогія*.

¹⁾ Отъ греч. *энъ* (εν), въ и *симосъ* (Σιμος), духъ, помысль. Энтимема означаетъ, что средній терминъ мы не высказываемъ, но подразумеваемъ.

Общую отличительную черту посредственного умозаключения от непосредственного мы уже знаем; она состоитъ въ томъ, что въ этомъ послѣднемъ мы не высказываемъ ясно закона, почему отъ общаго положенія мы переходимъ въ заключенію; тогда какъ посредственное умозаключение съ точностію развиваетъ основанія вашихъ заключеній или положеній.

Нѣтъ нужды входить и въ подробный разборъ трехъ видовъ посредственного умозаключенія: *силлогизма*, *наведенія* и *аналогіи*. Достаточно и здѣсь ограничиться самыми общими поясненіями, чтобы потомъ понятны были и образовательные выводы.

Умозаключение есть орудіе знанія; но знаніемъ предполагается, что мы правильно понимаемъ положеніе явленія въ опредѣленномъ кругѣ другихъ явленій. Умозаключеніе собственно и связываетъ данное явленіе съ опредѣленнымъ кругомъ явленій и указываетъ на его положеніе въ опредѣленной ихъ средѣ со свойственными ей законами.

Но этотъ процессъ подведенія даннаго явленія подъ общій законъ, господствующій въ средѣ опредѣленнаго круга явленій, можетъ быть троякаго рода: или дано общее, какъ извѣстное, и мы имъ опредѣляемъ частное или данное явленіе; или на оборотъ, мы изучаемъ данныя явленія, т. е., нѣчто частное и въ немъ усиливаемся найти общій законъ, которому оно, а равно и всѣ подобныя явленія подчиняются; или наконецъ, намъ дано что-нибудь частное съ его свойствами, и мы заключаемъ, что и другое частное, какъ принадлежащее одному роду и сходное съ первымъ въ какихъ либо отношеніяхъ, должно имѣть тѣже свойства. Въ первомъ случаѣ происходитъ *силлогизмъ*, во второмъ—*наведеніе*, въ третьемъ—*аналогія* или аналогическое умозаключеніе.

Подробное систематическое разсмотрѣніе этихъ трехъ формъ умозаключеній относится собственно къ логикѣ; въ предѣлахъ же общаго образовательнаго вліянія на умственное

развитіе, достаточно ограничиться только самымъ общимъ объясненіемъ различія между ними. Это объясненіе очень не трудно, стоитъ только воспользоваться какими нибудь удовлетворительными примѣрами ¹⁾. Но во всякомъ случаѣ объясненіе этихъ трехъ формъ умозаключеній необходимо; потому что пониманіе различія между ними проливаетъ потомъ свѣтъ на два различные метода, употребляемые въ наукѣ, о которыхъ говорится собственно въ третьей части логики, т. е., въ той части, предметъ которой составляетъ разсмотрѣніе системы.

Такихъ главныхъ методовъ, какъ извѣстно, принимается два: индуктивный и дедуктивный. Въ индуктивномъ методѣ содержится только дальнѣйшее и подробное примѣненіе введенія или индукціи; а дедуктивный методъ, по крайней мѣрѣ по его обратному ходу въ сравненіи съ введеніемъ, можно сравнивать съ силлогизмомъ. Индуктивный методъ приготовляетъ своими изслѣдованіями общія начала, измскиваетъ на основаніи анализа нѣкоторыхъ явленій одного рода, общіе законы, свойственные цѣлому этому роду явленій; а дедуктивнымъ методомъ мы пользуемся, когда, имѣя добытыя индукціею общія начала, систематически разсматриваемъ по нимъ всѣ явленія извѣстнаго рода—въ наукѣ, или въ ученомъ трактатѣ.

Объясненіе понятія системы относится скорѣе къ полному систематическому изложенію логики. Для первоначальнаго или приготовительнаго развитія логической мысли, достаточно имѣть въ виду только самое общее отношеніе этой третьей части логики къ предыдущей, трактующей о формахъ логической мысли. Въ предыдущей части, разсматривающей понятія, сужденія и умозаключенія, дѣло идетъ только о пра-

¹⁾ Подобные примѣры можно найти въ курсахъ логики, на прим., у Милля, у Владиславева.

вильномъ составленіи умственныхъ единицъ, называемыхъ понятіями, о правильномъ сочетаніи ихъ въ сужденіяхъ и о правильныхъ переходахъ отъ однихъ извѣстныхъ уже сужденій и понятій въ другія, еще неизвѣстныя. Тогда какъ въ системѣ, пользуясь этими частичными формами и правилами, касающимися ихъ, создаются цѣлыя умственныя композиціи, въ которыхъ обзрѣвается какой-нибудь цѣлый удѣлъ жизни внѣшней, или внутренней; а потому, въ системѣ можетъ быть множество понятій, сужденій и умозаключеній. Ближайшимъ примѣромъ системы можетъ быть каждая наука, или даже и каждый систематическій трактатъ о какомъ-нибудь обширномъ вопросѣ. Употребляя сравненіе для поясненія отношенія между трактатомъ о формахъ логическаго мышленія и системою, можно сказать, что первая въ логикѣ почти тоже, что въ музыкѣ отдѣльные тоны и отдѣльныя, единичныя экзерциціи; а система, или трактатъ о системѣ тоже, что въ музыкѣ цѣлыя композиціи, выражающія какую-нибудь мысль ¹⁾.

ββ) Намъ остается, въ заключеніе содѣйствія логическому умственному развитію, сказать еще нѣсколько словъ касательно формы, въ какой это содѣйствіе можетъ быть выполняемо, и того способа, какъ оно должно выполняться, чтобы достигало цѣли.

Что касается формы, какою можно пользоваться для умственнаго развитія или для развитія силы мышленія, объясненіе вышеупомянутыхъ логическихъ формъ, то оно можетъ состоять изъ отдѣльныхъ, послѣдовательныхъ поясненій каждой формы порознь, изъ практическихъ поясненій при разборѣ

¹⁾ Весьма хорошимъ пособіемъ педагогу, желающему практически объяснить, какъ можно проще, логическія формы, могутъ быть: *чтенія о воспитаніи* П. Юркевича (66—147), Москва, 1865 г.

прочитываемыхъ литературныхъ произведеній и изъ письменныхъ отвѣтовъ учениковъ на заданныя темы.

Но объясненіе логическихъ формъ мышленія и собственное правильное употребленіе ихъ на дѣлѣ въ каждомъ данномъ случаѣ,—не одно и то же; а между тѣмъ, это послѣднее и нужно имѣть въ виду, пользуясь объясненіемъ этихъ формъ. Для достиженія этой цѣли, нужно имѣть въ виду какъ приемы, необходимыя для пробужденія самодѣятельнаго ихъ употребленія, такъ и тѣ препятствія, которыя мѣшаютъ логической самодѣятельности.

Для развитія самодѣятельной работы надъ понятіями, сужденіями и умозаключеніями, полезно было бы отыскивать подходящіе примѣры изъ той сферы наукъ, которыя будутъ идти параллельно этому логическому образованію ¹⁾; во вторыхъ, по временамъ необходимы для обучаемыхъ и собственные упражненія, въ которыхъ могло бы имѣть мѣсто примѣненіе, пройденнаго, въ теченіе извѣстнаго времени, въ теоретическихъ объясненіяхъ. Главнымъ препятствіемъ къ развитію мыслящей силы бываетъ пассивное заучиваніе логическихъ правилъ и положеній и недостатокъ поводовъ въ проявленіяхъ собственной логической самодѣятельности въ учащихъ, какъ изустнымъ, такъ и письменнымъ ²⁾. Что касает-

¹⁾ Въ логику г. Владиславлева представлено весьма хорошіе примѣры для формъ мышленія.

²⁾ Прилагаемъ здѣсь совѣты опытнаго педагога Нимейера (см. Руководство къ педагогикѣ, составленное по Нимейеру Ал. Ободовскимъ. С.-П.-Б., 1835, стр. 60—2) для первоначальнаго и самаго общаго содѣйствія умственному развитію со стороны формы, а равно, и мысли его о препятствіяхъ этому развитію. „Дабы возбудить въ дѣтяхъ самомышленіе, надлежитъ: 1) давать имъ частый поводъ къ собственному сужденію о предметахъ, соразмѣрныхъ ихъ силамъ; 2) приучать ихъ указывать всюду причину и

ся сообщенія жизни логическимъ правиламъ, то этому много будутъ способствовать какъ хорошіе примѣры, такъ и генетическое или психологическое, гдѣ это возможно, объясненіе происхожденія формъ логическаго мышленія, о чемъ мы уже выше упоминали.

Въ заключеніе частныхъ примѣчаній касательно послѣдовательнаго объясненія, каждой порознь, логическихъ формъ, полезно было бы и имѣло бы образовательное значеніе общее объясненіе ихъ происхожденія. Въ началѣ или въ концѣ, можно бы объяснять, почему именно мышленію или мыслящему сознанію свойственно переходить отъ представлений или отъ единицъ образныхъ, представляемыхъ и ихъ внѣшняго, неопредѣленнаго сѣвленія, къ образованію единицъ другаго рода или единицъ отвлеченныхъ, называемыхъ понятіями, помощію различныхъ отчетливыхъ соединеній и раздѣленій (а не

основаніе; 3) иногда затруднять задачу для ихъ ума, дабы приводить оный въ надлежащее напряженіе; 4) приучать воспитанниковъ находить свои собственные ошибки и исправлять свои ложныя сужденія; 5) весьма полезно ставить дѣтей въ такія положенія, въ коихъ они имѣли бы случай показать свой практическій смыслъ и умѣнье извѣстныхъ понятій и знаній съ легкостью употреблять въ разныхъ обстоятельствахъ жизни; 6) весьма полезно также, если воспитатель совѣтуется съ дѣтьми, какъ сдѣлать то или другое, и если онъ принимаетъ въ уваженіе предположенія со стороны дѣтей

Препятствія, по мнѣнію того же педагога, къ развитію силы сужденія: 1) преждевременное ученіе и излишнее разнообразіе предметовъ преподаванія; 2) занятіе предметами, выходящими изъ предѣловъ дѣтскаго пониманія; 3) неумѣнье педагога въ исправленіи ложныхъ дѣтскихъ сужденій, кои, смотря на предметъ съ той точки зрѣнія, съ которой смотрятъ на него дѣти, могутъ быть вѣрны.

сцѣпленіемъ) между представленіями въ сужденіяхъ и умозаключеніяхъ, а за тѣмъ, къ отчетливому соотношенію самыхъ понятій, въ ихъ взаимномъ подчиненіи и сподчиненіи. Иначе говоря, полезно было бы объяснять, на чемъ основывается самая возможность такого перехода отъ низшей формаціи разграниченій и соотношеній между перцепціями и представленіями къ другой, несравненно высшей и существенно несходной съ предъидущей? Отчетливымъ и какъ можно упрощеннымъ разборомъ этого перехода объяснилось бы начинающему изученію логики отношеніе мышленія къ предъидущимъ проявленіямъ познавательнымъ и его значеніе, какъ высшаго звѣна въ общей органической цѣпи этихъ отправленій душевной жизни. Съ подобнымъ, психологическимъ понятіемъ о мышленіи, самая логика уже не представлялась бы чѣмъ-то, откуда-то, ex abrupto привходящимъ съ комбинированіями какихъ-то отвлеченностей. Между тѣмъ, какъ опредѣленіе мышленія, прямо и непосредственно сообщаемое приступающему къ изученію логики, именно можетъ оставить его навсегда съ такимъ неразгаданнымъ для него понятіемъ о мышленіи, а за тѣмъ и о логикѣ.

На что же нужно обратить вниманіе, чтобы изучающему логику выяснилось это значеніе мышленія?

Переходъ отъ дѣятельности представленія къ мышленію состоитъ въ томъ, что въ немъ мы уже не удовлетворяемся единицами образными или представляемыми и ихъ вѣшнимъ разграниченіемъ и сцѣпленіемъ, идущимъ въ неопредѣленную даль, но доискиваемся внутренняго разграниченія и внутренней зависимости между ними, и помощію сужденій и умозаключеній, составляемъ единицы отвлеченныя въ формѣ понятій. Естественно, что для объясненія возможности этого перехода, нужно обратить вниманіе на тѣ общія категоріи или формы внутреннихъ соотношеній между вещами, какъ предметомъ чувственныхъ перцепцій и представленій, въ которыхъ намъ

вообще свойственно понимать их взаимную зависимость и раздельность, как-то, на категории субстанція и ея видоизмѣненій, причины и дѣйствія, цѣли и средства и т. д. За тѣмъ, необходимо обратить вниманіе и на психологическое основаніе тѣхъ формъ (сужденія, умозаключенія, понятія), въ которыхъ совершается самый процессъ приравниванія и сближенія, или разграниченія и раздѣленія перцепцій при отыскиваніи внутреннихъ соотношеній между ними. Наконецъ, можно объяснить и психологическое основаніе тѣхъ формальныхъ логическихъ законовъ, которые постоянно должны соблюдаться не только въ операціяхъ логическаго мышленія, но и во всѣхъ низшихъ познавательныхъ отправленияхъ. Гдѣ же ключъ къ подобнымъ объясненіямъ? Для объясненія подобныхъ формъ и законовъ необходимо обратиться къ дѣятельному психологическому средоточію ихъ, къ нашему сознанію, или точнѣе, къ нашему сознающему и въ актѣ сознанія дѣятельному началу. Такъ-какъ наше сознающее начало въ процессѣ своего сознанія, своею же функціею выполняетъ актъ внутреннихъ разграниченій и соотношеній между перцепціями, то естественно, что въ его собственномъ процессѣ скрываются и сокрыто дѣйствуютъ уже тѣ главные изгибы или формы и законы, по которымъ совершается и весь процессъ мышленія, какъ высшей степени въ теоретическомъ развитіи сознанія. Въ свойствахъ сознанія, какъ дѣятельнаго и развивающагося, легко можно открыть, во первыхъ, основаніе законовъ тождества и противорѣчія; потому что сознаніе не иначе и можетъ быть сознаніемъ, какъ удерживая свое единство во множествѣ своихъ перцепцій, и свое тождество—въ ряду своихъ измѣненій. Этотъ же законъ долженъ соблюдаться, когда приходится имѣть дѣло съ отчетливымъ разграниченіемъ и соотношеніемъ вещей. Далѣе, въ тѣхъ же свойствахъ дѣятельнаго сознательнаго начала, окажется верно понятій, сужденій и умозаключеній, какъ такихъ послѣдовательныхъ формъ, безъ которыхъ процессъ со-

знанія, не могъ бы и быть его процессомъ; потому, что для единства и тождества, какъ активнаго и процессирующаго, необходимо нѣчто несходное съ собою отчетливо отдѣлять, а сходное—соединять; а это и есть процессъ сужденія (и умозаключенія), препровождающій къ своему результату—къ выработавшему понятію. Наконецъ, сознанію, какъ процессу познающаго начала, свойственно имѣть и дѣятельную эксцансію, т. е., дѣйствовать, быть дѣятельнымъ и воспринимать дѣйствія, а различныя формы его дѣятельнаго, или страдательнаго, состоянія даютъ какъ-бы силуэтъ тѣмъ формамъ или категориямъ, по которымъ обыкновенно опредѣляется наше познающую мыслью искомая реальная связь или взаимная внутренняя зависимость стихій, составляющихъ матеріалъ чувственныхъ перцепцій и представленій. Такимъ образомъ, съ объясненіемъ перехода дѣятельности представленія въ дѣятельность мышленія, оказалось бы, что въ этой послѣдней, вмѣсто прежняго сцѣпленія представленій, начинаютъ обозначаться внутренніе, умственные центры, которые притягиваютъ и различно перерабатываютъ весь матеріалъ перцепцій и представленій, для образованія различныхъ степеней и сферъ знанія ¹⁾.

Подобнымъ психологическимъ объясненіемъ перехода дѣятельности представленія, съ его образными, готовыми единицами и чисто-внѣшними и случайными ихъ сцѣпленіями въ дѣятельность мышленія, существенно преобразующаго то и другое, устранилось бы ошибочное представленіе какого-то изолированнаго значенія логики. Начинаящимъ изученіе логики эта часть философскихъ наукъ обыкновенно представляется только систематическимъ сборникомъ отвлеченностей, не имѣющихъ никакого органическаго отношенія ни (субъективно)

¹⁾ См. стр. 108, отъ строкъ 20 и стр. 109, до 3-ей.

къ послѣдовательному развитію и формамъ цѣлаго ряда нашихъ умственныхъ или познавательныхъ способностей, ни (объективно) къ умственной работѣ въ сферѣ изучаемыхъ нами наукъ. Между тѣмъ, умѣлыми объясненіями этого перехода одной низшей степени сознанія въ другую и тѣхъ высшихъ стижій, которыя вносятся логическою мыслию въ матеріаль чувственнаго сознанія и дѣятельности представленія, можно бы сдѣлать гораздо понятнѣе не только содержаніе логики, но и ея важное образовательное значеніе. Со стороны формальной, ея значеніе довольно ясно обрисовуется, когда выяснено будетъ, что мышленіе, составляющее предметъ логики, представляетъ въ себѣ только высшее звѣно, завершающее и осмысляющее собою дѣятельность чувственнаго и представляющаго сознанія, т е., той именно его степени, которая обыкновенно преобладаетъ у начинающихъ изученіе логики и представляется не имѣющею ничего общаго съ законами и формами отвлеченнаго мышленія. Достаточно выяснится и научное значеніе логики, когда и въ правилахъ, и въ хорошихъ примѣрахъ, обращено будетъ вниманіе на то, что логика, занимаясь законами и формами мышленія, объясняетъ собственно тѣ мыслительные изгибы, которые должны быть соблюдаемы во всѣхъ актахъ познанія, то есть, когда, не ограничиваясь образами представленій, мы начинаемъ искать отчетливаго разграниченія различныхъ сферъ и степеней бытія и жизни и ихъ внутреннихъ соотношеній, что и составляетъ предметъ научныхъ изслѣдованій. Какъ ни важно обиходное усвоиваніе матеріала какой-либо отрасли знанія съ данными и готовыми его рубриками; но чтобы къ этому пассивному усвоиванію могло присоединиться и самостоятельное, находчивое и организирующее построеніе и употребленіе научнаго матеріала, для того необходимо и высшее, чисто—умственное, или логическое развитіе.

Все, сказанное доселѣ о средствахъ логическаго умствен-

наго развитія, касается больше формы мышления: цѣль его— это гибкое и правильное употребленіе логическихъ формъ, нравическое, переходящее въ навыкъ выполненіе логическихъ правилъ. Но развитіе умственныхъ формъ далеко не можетъ быть единственною цѣлю образовательнаго вліянія на развитіе въ образуемыхъ мыслящей силы.

б) Что же должно быть внутреннею цѣлю, завершающею и осмысляющею это формальное умственное развитіе?

Намъ уже извѣстно, что воспитательное образованіе своими мѣрами приспособляется къ законамъ нашихъ психофизическихъ силъ; а потому, в отвѣтъ на этотъ вопросъ не можетъ быть произвольный. Мы должны найти его въ самыхъ законахъ развитія нашей внутренней жизни, и, частнѣе, въ законахъ развитія въ насъ мыслящаго сознанія, на которые указываетъ психологическая наука. Но объ этомъ законѣ развитія нашей внутренней жизни и нашей мысли мы уже упоминали выше, рассматривая порядокъ ея проявленій. Тамъ мы видѣли, что если, пользуясь разсудочными категоріями или какъ-бы углами умственнаго зрѣнія, мы примѣняемъ ихъ къ изслѣдованію явленій и доискиваемся въ нихъ средѣ, какъ ограниченной, такъ-же ограниченныхъ причинъ, относительныхъ цѣлей различныхъ удѣловъ бытія и жизни, то подобныя исканія, свойственныя нашей мысли, уже сами собою предполагаютъ въ насъ помыслъ и къ постиженію перво-причины, перво-существа и высшей цѣли всякаго бытія и жизни. Возможно-полное выясненіе этой высшей функціи нашей мысли есть дѣло дальнѣйшаго, высшаго образованія и самообразованія, какъ дѣло цѣлой жизни. Тутъ первымъ условіемъ правильнаго пути къ цѣли будетъ правильное пониманіе отношенія физической природы къ нравственной; потому что нравственной природѣ или нравственнымъ существамъ свойственно—сознавать въ себѣ не слѣпое орудіе какихъ-нибудь стороннихъ цѣлей, но начало самодѣятельное, выясняющее для себя и высшую цѣль

жизни, присущую въ самомъ естественномъ развитіи данныхъ ему силъ. Въ этомъ миньютюрномъ отношеніи физическихъ силъ къ нравственнымъ въ человѣческомъ микрокосмѣ ¹⁾, какъ въ каплѣ море, отражается и общее отношеніе физическаго міра къ нравственному, а равно и общее первенствующее значеніе нравственной жизни, въ которой нужно искать ключа и къ рѣшенію высшихъ вопросовъ мысли. Оно потребуетъ прежде всего правильнаго понятія о нравственной природѣ человѣка, о ея смыслѣ и значеніи; безъ этого условія неизбежны будутъ рѣзкіе недостатки даже и въ высшемъ образованіи.

Но уже по самому существу высшаго развитія нашей мысли, на которое указываетъ психологическая наука, происходитъ необходимое требованіе, чтобы и въ періодъ воспитательнаго образованія были средства, поддерживающія и питающія въ насъ это высшее расположеніе нашей мысли и всей нашей внутренней жизни. Высшія истины, составляющія предметъ мышленія на высшей его инстанціи, касаются высшаго начала и высшей цѣли жизни, т. е., касаются истинъ столько же высшихъ умственныхъ, сколько и религіозныхъ—идеи Бога и божественнаго міроуправленія. Естественно поэтому, что религіозное образованіе, въ періодъ воспитательнаго образованія, существенно необходимо для самой естественной полноты вообще умственнаго образованія, и что безъ этого условія, этому послѣднему неизбежно предстоитъ въ будущемъ участь односторонности и безжизненности, которая можетъ потомъ обнаруживаться безотрадными послѣдствіями не только теоретическими, но и практическими, когда, среди мятущихся невзгодъ жизни, не будетъ того высшаго устоя, который сообщаетъ

1) Отъ греч. *микросъ* (*микросъ*) малый и *космосъ* (*космосъ*) міръ, малый міръ.

намъ только религія. Нѣтъ нужды, по этому, распространять-ся о томъ, что основательнаго ознакомленія съ истинами вѣры въ періодъ воспитательнаго образованія требуетъ не одинъ обычай, или вѣншній принятый порядокъ, но самая нормальность развитія нашей внутренней жизни и, частіе, нашей же познающей мысли. Нарушать этотъ законъ жизни, значило бы самоіравно отнимать у человѣка, въ періодъ его воспитательнаго образованія, то, чего мы не только не вправѣ отнимать, но что мы обязаны сообщать, и что составляетъ его неотъемлемое достояніе и необходимѣйшее условіе полноты его внутренней жизни.

в) Переходъ къ обзорѣнію развитія внутренняго чувства и проявленій желательныхъ или нравственныхъ.

Изъ обзорѣнія познавательныхъ проявленій души видно, что послѣдовательный ходъ ихъ отъ самой природы направленъ къ возможно-лучшему совершенству нашихъ представленій и понятій объ окружающемъ насъ мірѣ. Но совершенствомъ нашихъ понятій далеко не исчерпывается наша душевная жизнь. Изъ общаго понятія душевной жизни извѣстно, что ей свойственно не одно это обогащеніе себя понятіями о вещахъ, но и дѣятельное выраженіе правильныхъ понятій въ совершенствованіи нашихъ практическихъ отношеній къ окружающей насъ вѣншной средѣ и особенно къ подобнымъ намъ нравственнымъ существамъ. Самою же возможностью не только перехода знаній въ практическую жизнь, но и непрерывнаго приобрѣтенія и совершенствованія нашихъ представленій и понятій, предполагается, что нашей душевной жизни свойственно испытывать интересъ той и другой дѣятельности въ сферѣ собственныхъ внутреннихъ, то пріятныхъ, то непріятныхъ состояніяхъ, въ видоизмѣненіяхъ внутренняго чувства и самочувствованія. Отъ природы намъ даны—внутреннее чувство и дѣятельная сила воли; по естественному ходу развитія нашей внутренней жизни, и этимъ двумъ направленіямъ, подобно намъ

и познавательной дѣятельности, свойственна послѣдовательность проявленій. Но для правильнаго развитія ихъ, также требуется вліяніе цѣлесообразно-приспособленной внѣшней среды. Разсмотрѣніе естественнаго, послѣдовательнаго развитія внутренняго чувства и желательныхъ силъ и средствъ содѣйствія этому развитію, составляетъ предметъ дальнѣйшихъ двухъ отдѣловъ первой части науки воспитательнаго образованія.
